

САВЕЛИЙ ДУДАКОВ

ЛЕНИНЪ как **МЕССИЯ**

САВЕЛИЙ ДУДАКОВ

Панове Доброду Титчовену
от

ЛЕНИНЪ
как
Мессия

Москва и Савва —
Иерусал.

Спасибо за теплые помыслы.

Спасибо за участие и помощь

Да здравствует Едино и Истинное

Савва. 22/11 ММХVII г.

ИЕРУСАЛИМ-МОСКВА
2017

До свиданья
Р.Х.

ББК 63.3 (0)
Д 10

Савелий Дудаков

Ленинъ как Мессия. 2017. – 184 с.

Savely Dudakov

Lenin as Messiah. 2017. – 184 p.

редактор –
Евгений Минин
Евгений

Памяти Арона Яковлевича Черняка

Издание третье, исправленное и дополненное

ISBN 978-5-98576-355-7

Дизайн обложки
Vitali Minin - UnAtomic studios
www.unAtomic.com

*При создании обложки использовалась фотография скульптуры
В. И. Ленина выполненная Н. Л. Аронсоном*

© All rights reserved to Savely Dudakov
Jerusalem 2017
Иерусалим – Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель, перед Вами книга, можно сказать, необыкновенная. Эту необычность недавно выразил представитель одного Петербургского издательства, куда была направлена рукопись книги Савелия Дудакова. «Ощущение после ее прочтения двойное, – писал редактор издательства. С одной стороны – проделана гигантская работа, собран огромный материал... С другой стороны, и в этом вся проблема – Вы, как мне кажется, не справились с этим объемом, не сумели систематизировать материал. Да, в рукописи много находок, много интересных фактов, но нет сюжета, нет композиции, нет начала, нет предисловия, в котором бы Вы обосновали сущность и необходимость своей работы, нет заключения, в котором подводились итоги размышлений».

На первый взгляд негативная часть этого заключения производит почти убийственное впечатление. Но при ближайшем ознакомлении мы приходим к совершенно иным выводам. Что значит – нет сюжета? Это означает, что книга написана ни о чём. Но ведь этого никак сказать нельзя, даже при самом пылком воображении. Совершенно ясно, что разговор идёт, скажем, не об устройстве трактора, а о Владимире Ленине, о его взглядах, деяниях, о значимости этой фигуры и т. п. В выводе издательства правомерно было ожидать качественной оценки содержания приведенного материала, признанием или непризнанием объективности и достоверности, созданной автором картины, её научного и публицистического уровня и т.д. Ничего подобного в отзыве издания нет. Вместо этого автору предъявлены упреки, скорее относящиеся к форме и структуре изложения. А самое главное – поставлены требования нормативного характера. Редакция, видимо, забыла, что она имеет дело ни со школьным сочинением или даже ни с диссертацией, в которых те или иные нормативные каноны приходится как-то соблюдать. Перед нами нечто иное – научное исследование высоко квалифицированного опытного автора, который имеет собственное право выбора структуры и формы своего изложения.

Чем несомненно все-таки привлекает рассматриваемая книга, если говорить о Сущностных категориях? Скажем кратко: она исключительно интересна – и именно в этом её отличительная особенность. Интересна новизной многих фактов, ярким, порой увлекательным изложением, богатством и нередко парадоксальностью мысли автора, смелостью творческих подходов, смелостью пловца, устремляющегося наперекор волнам и т.п.

Скажем прямо, все это не всегда убеждает идейных противников автора, но мне доподлинно известно, что и они захлёб прочли рассматриваемую книгу. Необычность труда С. Дудакова заинтересовала и автора настоящего предисловия.

О В. Ленине и его семье мне приходилось много читать, изучать архивные материалы. Мне принадлежат две книги об А. И. Ульянове (*в соавторстве с Б.С. Итенбергом*), ряд статей. В 1988 г., в период начавшейся перестройки, вышла моя книга «В. И. Ленин и научно-техническая книга» с предисловием всемирно известного учёного-геолога, вице-президента Академии наук СССР А.Я. Яншина, председателя знаменитой академической серии «Научно-биографическая литература». Однако и мне пришлось встретить в книге ряд фактов неизвестных. В их числе мемуары последнего министра земледелия царской России А.Н. Наумова, который в течение шести лет сидел за одной школьной партией с Володей Ульяновым. Особое значение имеет следующее высказывание Наумова: «Наследство оставил Ульянов после себя столь беспримерно-сложное и тяжкое, что разобраться в нем в целях оздоровления исковерканной сверху донизу России сможет лишь недожизненный ум и талант, каким обладал отошедший ныне в историю гениальный разрушитель Ленин». Звучит великолепно! Но блестящая фраза эта вовсе не означает, что всякая попытка «разобраться» в замыслах и деяниях Ленина, их историческом значении, обречена на провал. Напротив, современный исследователь проблемы обладает известным преимуществом перед Лениным, который ушел от мира сего более 80 лет назад. Речь идёт, конечно, о факторе времени как исторической категории, которая обладает значительным преимуществом перед современниками героя данной книги (и им самим) во взвешенной, проверенной грядущими после них событиями оценками.

Возвращаясь с «небес на землю», выскажем свое мнение: С. Дудаков, автор ряда исторических монографий, по своему таланту исследователя, по научной эрудиции вполне может претендовать на новаторский труд о В. Ленине. Как известно, в советской историографии В. Ленина безраздельно царил безмерное восхваление и идеализация, доходящие до обожествления. Примерно, с конца 80-х годов XX века появляются многочисленные работы, в которых наряду с правильным критическим анализом приводятся характеристики Ленина полные различных негативных преувеличений, передежек, бездоказательных наслоений, деформирующих оценок и пр.

Объективный, не декларируемый смысл книги Савелия Дудакова — дать справедливый, всесторонний портрет В. Ленина, очистив его от наслоений как периода эйфории, так и особенно времени последних двадцати лет.

Конечно, это задача не простая, она требует глубины проникновения во внутренний мир Ленина, большого такта, определенной осторожности и пр. Средством служит широкая база источников, привлечение многих редких, запрещенных ранее произведений печати, которые содержат ценные сведения о вожаке.

Впечатляет, например, отзыв А. Эйнштейна о Ленине, который можно несколько дополнить. Один из виднейших биографов Эйнштейна отмечал, что «не раз он выражал мысль, что Ленин принадлежит к великим людям ... он взвешивал хорошее против плохого и, именно с вполне поразительной способностью к решениям». (Р. Кларк Р. «Альберт Эйнштейн. Жизнь и работа». Биография, М., 1974, с.332)

Весной 1931 году известная деятельница российского театра Наталия Сац посетила Эйнштейна в его доме в Берлине. Она была поражена конкретными сведениями Эйнштейна о музыкальных вкусах Ленина, о соответствующих эпизодах из его жизни. Родственник Эйнштейна Д. Марьянов (*муж его падчерицы*) тут же отметил, что Эйнштейн «обожает Ленина, называя его совестью человечества». (Н. Сац «*Новеллы моей жизни*», М., 2001, с. 258-259).

Значительное внимание уделяет С. Дудаков взаимоотношениям Ленина с великим русским химиком В.Н. Ипатьевым (1867–1952). Учёный проявил глубокое понимание сущности Гражданской войны, заявил, что ни один участник белого движения не смог претендовать на звание государственного деятеля, который мог бы дать лозунги, объединявшие массы. Таких деятелей Ипатьев видел в Ленине и Троцком. Ленин высоко уважал Ипатьева, доверял ему, сделал своим научным консультантом, называл «главой нашей химической промышленности», нередко встречался с ним; Ипатьев был назначен членом коллегии Научно-технического отдела ВСНХ, директором института высоких давлений и прочее. Ленин не только был знаком с трудами Ипатьева, но и снабдил его брошюру «Необходимость постановки электродного производства из туруханского гранита» (М., 1920) пометками. Одиннадцать из двенадцати страниц этой брошюры буквально испещрены пометками Ленина. Он выделил пять основных групп текстов: тексты технического содержания, геолого-географического, производственно-экономического, оборонного, внешнеторгового. Подобное внимание Ленина объяснялось народнохозяйственной важностью проблемы, широтой и смелостью постановки вопроса Ипатьевым.

По указанию Ленина были проведены мероприятия по осуществлению предложений Ипатьева. (А.Черняк «*В.И. Ленин и научно-техническая книга*», М., 1988, с.82-85, 115).

В начале 30-х годов, находясь в командировке за рубежом и опасаясь ареста, Ипатьев отказался вернуться в СССР. В США он возглавил научный переворот в химической промышленности.

С. Дудаков подчеркнул, что в 1937 году Ипатьев был провозглашён «Человеком года». Р. Вильштеттер, Нобелевский лауреат, химик (*еврей по национальности*) заявил: «Никогда за всю историю химии в ней не появлялся более великий человек, чем Ипатьев». Так Россия при сталинском режиме потеряла великого учёного – никогда этого не произошло бы при жизни Ленина. Отметим также любовное, трепетное отношение В. Ленина к Д. Менделееву. В известной мере это было связано с памятью об Александре Ульянове.

Менделеев был его любимым учителем; сам же учёный сожалел, что революция отняла у него двух выдающихся учеников: Кибальчича и Ульянова. Хорошо зная труды Менделеева, Ленин указывал, что «необходимо издать совершенно полное собрание сочинений Д. И. Менделеева, включая в них решительно все, что написано его рукой». Он предложил дочери великого химика написать воспоминания об отце, что и было сделано. (А.Черняк «*В.И. Ленин и научно-техническая книга*», М., 1988, с. 221)

Известны многочисленные пометки Ленина по нефтяному делу, по электрификации страны и других материалах технико-экономического содержания. Они характеризуют конкретный интерес Ленина к вопросам науки и техники, стремление максимально привлечь деятелей науки и техники к созданию научно организованного общества и государства. К этому мы ещё вернемся.

Несомненной заслугой труда автора служат его обширная мобилизация и введение в публицистический оборот материалов, содержащих характеристики Ленина, данные крупными общественными деятелями, писателями, учёными и другими, всех, без исключения, политических лагерей. Значительная часть их была практически недоступной для читателей. Здесь и первое издание известной статьи Горького о Ленине, тут же подвергшейся цензурной кастрации, в которой, в частности, говорится о высоком интеллектуальном уровне евреев, о полукровках, к которым Ленин, видимо, причислял и себя и пр. Известна роль Горького в налаживании связей Ленина с учёными; гораздо менее известна программа издания научной и научно-технической книги, которую можно назвать программой Ленина-Горького. (*Черняк А. Указ. соч., с.144*)

В книге Савелия Дудакова собраны и проанализированы отзывы о Ленине, принадлежащие Ф. Шаляпину, А. Куприну, Л. Андрееву, И. Бунину, Г. Уэллсу, Р. Роллану, Д. Далину, публицисту В. Поссе и другим.

Интересны тексты Дудакова, посвященные таким острым, ставшим в последнее время «модными» вопросам, как обвинения Ленина в качестве немецкого агента, дело Парвуса, спекуляции о причинах болезни и смерти Ленина и прочее. Доводы автора исследования представляются довольно обоснованными и убедительными.

Вполне вероятно, что многие места книги С. Дудакова могут рассматриваться как определенная апология Ленина. В этом есть доля истины, она объясняется психологически – не как наступление, а как оборона против различного рода перехлестов, как уже было отмечено, кстати, весьма характерных для публицистики. В то же время Дудаков отмечает и негативные стороны и вопросы деятельности Ленина, в частности, в «деле» профессора Н.С. Таганцева.

В связи с этим мне хотелось бы привести историческую параллель: Робеспьер – Ленин. Конечно, оба деятеля отдалены друг от друга более чем столетним промежутком времени, но между ними существуют различные формы связи: человеческая, психологическая, нравственная и др. Не вдаваясь в подробности, отметим, что со времен Робеспьера прошло более 200 лет, но во французской, а также и в других историографиях, продолжают жестокое «спору о Робеспьере». В России они развивались выдающимся историком А.З. Манфредом (1906–1976), защитником Робеспьера. Полагаю, что и «спору о Ленине» имеют ту же природу и потому также будут продолжаться. Здесь важны здравый смысл, глубокая историчность, обязательный принцип исторической достоверности и справедливости.

Полагаю, что в грядущих дискуссиях важное место займет вопрос и о последних годах сознательной жизни В. Ленина. Речь идёт о судьбах НЭПа при условии продолжения жизни Ленина, скажем, в течение ещё 10-15 лет, о судьбах страны, о судьбах так называемого ленинизма.

В какой-то мере эти вопросы навеяны книгой Савелия Дудакова. Конечно, нам скажут, что история чужда сослагательного наклонения. Однако мы против абсолютизации этого принципа, хотя понятно, что, нарушая его, мы вступаем в царство знания относительного, точно недоказуемого. И всё же история не должна уходить от такого знания, покидать поле научных рассуждений, предположений и вероятностных заключений и выводов.

Нам кажется уместным привести высказывание Ф. Энгельса. «Люди, — писал он, — хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что сделали, что сделанная революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, которой избежали немногие исторические деятели». (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т.36, с.263*)

Конечно, не следует принимать это высказывание буквально: все дело не в букве, а в мысли. А она достаточно глубока и несомненно реальна. Политические деятели могут прийти к подобному убеждению вовсе не обязательно «завтра», необходимо другое временное восприятие. Представляется, что в последние годы жизни Ленин стал попадать под действие ситуации, которую обрисовал Ф. Энгельс; во всяком случае, имеется в виду самый дух этой ситуации. Естественно, проблема эта не изучалась и не могла изучаться в советское время.

С. Дудаков в своей книге не рассматривает её специально. В письме ко мне от 16 мая 2005 года он все же писал: «Этот человек был способен признавать в своих ошибках и заблуждениях (*однако это стоило ему довольно дорого — А.Ч.*)

Думаю, что НЭП был рассчитан не на одно десятилетие. Отменить продразверстку ещё в 1919 году предлагал Троцкий. Ленин был категорически против. Поворот к НЭПу был произведён через год под грохот кронштадтского восстания и в «атмосфере угрожающих настроений армии» (*Л.Д. Троцкий. Моя жизнь. Опыт биографии. т.2, Берлин, 1930, с.168*).

Это правда, но не вся правда. В 1921 году вышла в свет книга экономиста П. И. Попова «Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с ней республиках (*Хлебная продукция*)». Большая часть книги посвящена многостороннему и глубокому анализу хлебной продукции 1920 года. Общие итоги были неутешительны: посевные площади сократились на 25% по сравнению с 1916 годом, снизилась урожайность, общая продукция хлеба РСФСР и её федеративных республик составила 52% довоенной продукции. Автор с цифрами в руках показывает целесообразность и неизбежность перехода от продразверстки к продналогу.

Ленин сам продвинул эту книгу в печать срочным образом. «Сделайте, пожалуйста, — указал он, — тахітум возможного и верните мне это с пометкой, что сделали» (*А.Черняк «В. И. Ленин и техническая книга», М., 1988, с.197-198*).

Сразу после смерти Ленина появилась адекватная редакция «Нового Евангелия» для детей – «Детям о Ленине» с иллюстрациями Б. Кустодиева. Вышли в свет и другие подобные издания. Важнейшая позиция этой главы – характеристика Ленина как нетипичного русского интеллигента. Ленин – «крайний максималист революции, обладающий тоталитарным революционным мировоззрением, соединённым с гибкостью и оппортунизмом в практической борьбе и политике».

Полагаем, что в основном схвачено верно. Ленин был также аскетичен, чужд позёрству, революционной богеме, любил порядок и дисциплину, в личной жизни благодушен. Он проповедовал жестокость, но сам не был жестоким – этот парадокс тоже можно принять.

Конечно, мессианство Ленина выглядит лишь как символ, некая расплывчатая схема. Возникает вопрос: каково соотношение между Лениным и Сталиным? Этого С. Дудаков не касается. Но роняет фразу: «Сталин, обокравший «истинную ленинскую идею о добре», а истинное завещание Ленина – письмо Н. Крупской».

Это верно, но недостаточно, нависает грозный вопрос: «БЫЛ ЛИ СТАЛИН ФАТАЛЬНОЙ НЕИЗБЕЖНОСТЬЮ ЛЕНИНИЗМА?» Именно ныне это главное обвинение в адрес Ленина. Полагаем, что С. Дудаков практически ответил на него ОТРИЦАТЕЛЬНО – и очевидно, это главное в его книге.

Весьма остроумно ответил Дудаков на вопрос о его отношении к Ленину. Как ИСТОРИК он убежден: Истина всегда находится ближе к одной из сторон, но никак не в золотой середине. Как ШАХМАТИСТ он оценил: семь против трех в пользу Ильича. Тут мне хочется несколько поправить автора: я не силен в шахматах, но думаю, что следует остаться в сфере четных цифр, а потому: шесть против четырех в пользу Ленина.

Арон Черняк

*кандидат исторических наук,
доктор филологических наук,
профессор,*

действительный член Международной Академии информатизации.

9 июля 2007 г.

В годовом отчёте советского журнала «Красный Перец» № 7 за 1924 год изображены практически все герои этой книги. Поражает центральная (главная) фигура под № 26, объясняемая как карикатура на Раймона Пуанкаре. Увы, она смахивает не на премьер-министра Франции, а на белогвардейскую карикатуру Ленина. За такие «фокусы» в 30-е годы уже расстреливали.

1. Бухарин. 2. Кесслер. 3. Ленин. 4. Король Георг V. 5. Троцкий. 6. Богданов. 7. Дзержинский. 8. Булак Булахович. 9. Куно. 10. Вандервельде. 11. Муралов. 12. Гитлер. 13. Феликс Кон. 14. Муссолини. 15. Главком Каменев. 16. Екатерина II. 17. Осинский. 18. Ларин. 19. Марков Второй. 20. Карл Маркс. 21. Зиновьев. 22. Демьян Бедный. 23. Патриарх Тихон. 24. Скворцов-Степанов. 25. Ин. Стуков. 26. Пуанкаре. 27. Керзон. 28. Сосновский. 29. Германский кронпринц. 30. Чичерин. 31. Сольц. 32. Рязанов. 33. Преображенский. 34. Б. вел. кн. Николай Николаевич. 35. Воронский. 36. Красин. 37. Дорофеев. 38. Калинин. 39. Людендорф. 40. Конради. 41. Врангель. 42. Колчак. 43. Деникин. 44. Корнилов. 45. Радек. 46. Чернов. 47. Сталин. 48. Малышев. 49. Луначарский. 50. Мартов. 51. Ем. Ярославский. 52. Вильгельм II. 53. Брешко-Брешковская. 54. Пилсудский. 55. Бубнов. 56. Бонар-Лоу. 57. Лозовский. 58. Гендлерсон. 59. Каменев. 60. Пильняк

Ульянов. Знакомый незнакомец

Поэма будущего.

После долгого перерыва с наслаждением пишу книгу о шахматах и в процессе работы наткнулся на редкие воспоминания о Ленине. Естественно, писать нечто положительное о поверженном кумире считается, в лучшем случае, курьёзом. Речь идёт о «неизвестном Ленине». В какой-то момент я ощутил себя героем поэмы Б. Пастернака. Громадное количество материала, в подавляющем случае – апологетика, всё это затрудняло знакомство с оригиналом и отделяло меня от искомого:

*«Задача состояла в ловле фраз
О Ленине. Внимание не дремало.
Вылавливая их как водолаз,
Я по журналам понырять немало».¹*

Мы имеем свидетельства о детстве и юности Владимира Ульянова «с того берега». Надо же быть такому обстоятельству, что он сидел за одной партой с будущим министром земледелия царской России Александром Николаевичем Наумовым (1868-1950), который, как видим, был старше Володи. «Центральной фигурой во всей товарищеской среде моих одноклассников был, несомненно, Владимир Ульянов, с которым мы учились бок о бок, сидя рядом на парте в продолжение всех шести лет, и в 1887 году окончили вместе курс. В течение всего периода совместного нашего с ним учения мы шли с Ульяновым в первой паре: он – первым, я – вторым учеником, а при получении аттестатов зрелости он был награжден золотой, я же – серебряной медалью.

Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой, Владимир Ульянов имел неправильные – я бы сказал – некрасивые черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, немного приплюснутый нос и вдобавок большой рот с желтыми, редко расставленными, зубами.

Совершенно безбровый, покрытый веснушками, Ульянов был светлый блондин с зачесанными назад длинными, жидкими, мягкими, немного вьющимися волосами. Но все указанные выше «неправильности» невольно скрашивались его высоким лбом, под которым горели два карих круглых уголька.

При беседах с ним невзрачная внешность как бы ступала при виде его небольших, но удивительных глаз, сверкавших недюжинным умом и энергией. Родители его жили в Симбирске. Отец Ульянов долгое время служил директором Народных училищ. Как сейчас помню старичка елейного типа, небольшого роста, худенького, с небольшой, седенькой, жиденькой бородкой, в вицмундире Министерства Просвещения с Владимиром на шее...

Ульянов в гимназическом быту довольно резко отличался от всех нас, товарищей. Начать с того, что он ни в младших, ни тем более в старших классах, никогда не принимал участия в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась постоянно в стороне от всего этого, и будучи непрерывно занят или учением или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, уткнувшись в чтение.

Единственное, что он признавал и любил, как развлечение, – это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при одновременной борьбе с несколькими противниками. Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью. Повторяю, я все шесть лет прожил с ним в гимназии бок о бок, и я не знаю случая, когда «Володя Ульянов» не смог найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей. Как только Ульянов появлялся в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачу. Ульянов охотно помогал всем, но насколько мне тогда казалось, он все же недолголюбивал таких господ, норовивших жить и учиться за чужой труд и ум.

По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы», и я не помню, чтоб когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно-откровенным.

Его «душа» воистину была «чужая», и как таковая, для всех нас, знавших его, оставалась, согласно известному изречению, всегда лишь «потёмки».

В общем, в классе он пользовался среди всех большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем, нельзя сказать, чтоб его любили, скорее его ценили. Помимо этого, в классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость – сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчёркивал.

Ещё в отдалённые времена Ульянов казался окружавшим его каким-то особенным... Предчувствия... нас не обманули. Прошло много лет и судьба в самом деле исключительным образом отметила моего тихого и скромного школьного товарища, превратив его в мировую известность, в знаменитую отныне историческую личность – Владимира «Ильича» Ульянова-Ленина, сумевшего в 1917 году выхватить из рук безвольного Временного правительства власть, в несколько лет путем беспрерывного кровавого террора стереть старую Россию, превратить её в эсэсэрию, и произвести над ней небывалый в истории человечества опыт – насаждения коммунистического строя на началах III-го Интернационала. Ныне положен он в своем нелепом надгробном Московском мавзолее на Красной площади для вечного отдыха от всего им содеянного...

Наследство оставил Ульянов после себя столь беспримерно-сложное и тяжкое, что разобраться в нем в целях оздоровления исковерканной сверху донизу России сможет лишь такой недюжинный ум и талант, каким обладал, отошедший ныне в историю, гениальный разрушитель Ленин».

Недавно мне принесли номер газеты «За свободу» от 2 июня 1924 года, небезынтересный для характеристики Ульянова в описываемое мною время. В статье озаглавленной: «Аттестат зрелости Ленина» (*подлинный документ, хранящийся в Институте Ленина в Москве*), – помещен текст протокола о допущении к экзаменам Владимира Ульянова и его аттестат зрелости, а в особом примечании к упомянутому протоколу имеется приписка: «Ульянов и Наумов подают наибольшие надежды на дальнейшие успехи. Оба заявили, что желают поступать на юридический факультет. Ульянов – в Казанский и Наумов – в Московский». Кроме того, директор Симбирской гимназии Ф. Керенский (отец А.Ф. Керенского – С.Д.) написал Ульянову обширную рекомендацию, в которой, между прочим, говорится, что после смерти мужа, мать Ленина сосредоточила все своё внимание на воспитании сына. Основой воспитания была религия и разумная дисциплина. Рекомендация Керенского кончается следующей фразой: «Мать Ульянова предполагает не оставлять сына без своего надзора и во время университетских занятий».

Эта рекомендация была нужна для того, чтобы Ульянов после казни брата Александра был принят без подозрений в Казанский Университет. Воистину – «пути Господни неисповедимы!»²

Когда Наумов пришел в третий класс, в нем было 30 учеников, из которых менее половины дошли до выпускных экзаменов. При таком незначительном количестве учащихся неудивительно, что этот класс дал несколько выдающихся личностей. *(Я считаю, что таланты идут кустом. Самый известный – царскосельский; много дала гимназия Мая – С. Дягилев, Д. Философов, А. Бенуа, Н. Рерих, Д. Нувель и др.)*

К Ульянову и Наумову следует добавить поэта Апполона Апполоновича Коринфского (1868–1937). *(«Коринфский» – не псевдоним поэта. Эту фамилию получил его дед, арзамасский мордвин М. П. Варенцов, окончивший Петербургскую Академию художеств, и получивший золотую медаль, звание академика и фамилию за архитектурный проект в «Коринфском стиле»)*. Коринфский попал в 1879 году в Симбирскую гимназию, где «семь лет, волею судеб и в силу землячества учился в одном классе с В. И. Ульяновым». В пятом классе он издавал рукописный журнал, а в выпускном был исключён за чтение «недозволенных» книг и за связь с политическими ссыльными.

Факт необыкновенно интересный. В биографиях Ленина нет никакой информации об этом журнале, о нем не пишет даже Наумов в своих мемуарах. Это действительно говорит о том, что Володя Ульянов был несколько в стороне от своих однокашников. Либо этот факт мешал авторам работ о Ленине, показывая, что и до него в его классе кто-то занимался антиправительственной деятельностью!

Коринфский прожил бурную литературную жизнь, а Октябрь не принял по понятной причине. Вот только одна фраза из его письма поэту Дрожжину в 1921 году: «... не пишу почти ничего, совершенно подавленный и растерзанный в клочки проклинаемой всеми жизнью при современном архинасильническом режиме». Изредка переводил с украинского и белорусского языков Тараса Шевченко и Янку Купалу, издавал из рук вон плохие циклы стихов на современные темы: «Моя страна», «Рабоче-крестьянская республика», «В советской деревне», приспособливаясь к новой жизни.

Жил под Ленинградом, на станции Лигово, работая конторщиком, библиотекарем в школе, а с 1929 года до самой смерти в Твери (Калинине), работая корректором в типографии. Умер в неизвестности.³

Наумов рассказывает историю, происшедшую в их гимназии накануне выпускных экзаменов. Рассказывает он об этом,

испытывая угрызения совести. Все темы на экзаменационной сессии (по словесности, математике – алгебраические, геометрические и тригонометрические задачи, переводы на древние и новые языки) присылались из особого отдела Учебного Округа, а их содержание сохранялось в глубочайшей тайне. Факт, что за неделю до открытия сессии, были получены копии тем. Со всех товарищей выпуска была взята соответствующая мзда. А перед самым экзаменом пронесся слух, что темы заменены, и сие вызвало переполох и ужас всех, кроме Володи Ульянова: «Спокойней всех был Владимир Ульянов, не без усмешки поглядывавший на своих встревоженных товарищей: очевидно, ему с его поразительной памятью и всесторонней осведомлённостью, было совершенно безразлично». К счастью, тревога была ложной и «ворованные» темы не были заменены. Экзамены прошли успешно, и Ульянов и Наумов получили медали с изображением Афины Паллады по древним языкам...⁴

Работоспособность Ульянова была поразительная. Товарищ по Минусинской ссылке вспоминал, что Владимир Ильич, работал с огромным, поражающим всех упорством. «Он работал с методичностью немца... Про каждого гения можно сказать, что он складывается из трех десятых прирожденных способностей и семи десятых упорства и настойчивости. Эта методичность в соединении с огромной силой воли и с большими способностями помогли ему совершить титаническую работу, свидетелями которой мы были».⁵

Другой, заинтересовавшей меня книгой о Ленине, были воспоминания П. Валентинова (Вольского) «Встречи с Лениным».⁶ С этой книгой я ознакомился сразу после переезда в Израиль, в 1971 году. Тогда меня интересовал «волчий оскал ленинизма», а ныне я смотрю на все несколько иными глазами. Например, одна из глав книги Валентинова носит название «Ленин – спортсмен...». Я, конечно, тогда почти не обратил на неё внимание, хотя в главе присутствовали детали, которые, по словам автора, выстраивались из официальных гроссбухов, а мелочи чрезвычайно интересны. Теперь, перечитав Наумова, я удостоверился в том, что вся история Ленина – спортсмена, вписывается в эпоху: восхищение борцами, цирком, увлечение борьбой, гимнастическими упражнениями, гирями и т.п. Вольский, сам изрядный любитель спорта, был в восхищении ленинской хваткой, мгновенно перенимающий новые для него элементы поднятия тяжестей. Для него было ясно, откуда у вождя большевиков, «такая крепкая сложенная фигура», бросающаяся в глаза. «Он был настоящий спортсмен с большим вкусом ко всей гамме спорта.

Оказалось, что он умел хорошо грести, плавать, ездить на велосипеде, кататься на коньках, проделывать разные упражнения на трапеции и на кольцах, стрелять, охотиться и, как я мог убедиться, ловко играть на бильярде. Он мне поведал, что каждое утро, полуголый, он проделывает не менее десяти минут разные гимнастические упражнения, среди них на первом месте, разведение и вращение рук, приседание, сгибание корпуса с таким расчётом, чтобы, не сгибая колен, коснуться пола пальцами вытянутых рук». Причём эту систему он установил для себя.

В воспоминаниях Наумова, довольно подробно говорится о собственном юношеском увлечении спортом, вызванном тем, что в классе надо было отстоять свое место: в одной драке «приставала» повалил 14-летнего Наумова на пол. Тренировался Наумов упорно и через четыре года (!) отомстил обидчику. Думаю, что Ульянов отстоял бы себя значительно раньше...

После смерти Ленина вышло множество книг, посвященных его биографии. Естественно, они носили приглаженный характер, но все же это была середина 20-х годов и можно было писать нетрафаретно. Один из таких сборников, изданных в то время имеется у меня. Книга издана в Харькове в 1924 году ЦК КСМУ, что переводится на современный язык: Центральный Комитет Коммунистического Союза Молодежи Украины. Введение написано неким Д. Лебедем. Оно бесхитростно, но позже писать такие вещи стало невозможно. В первом разделе – Карл Радек, затем Н. Бухарин. Третья статья И. Сталина; она убого выглядит в окружении профессиональных писаний, особенно по сравнению с гениальной статьей Льва Давидовича Троцкого. Одно название чего стоит: «Ленин, как национальный тип!»

Основная идея Троцкого: Ленин – есть производное российских условий, Ленин-русак, хотя вопросы, разрешаемые им, конечно, не замыкаются в национальные рамки. Ленин в оценке международных факторов и сил «свободнее, чем кто-либо, от национальных пристрастий». Смелость Троцкого поразительна: он сравнивает Ленина с Марксом, и это – блистательное разоблачение того и другого. Сделано ли это сознательно или писательский талант увлёл Героя Октября и Гражданской войны – нам не известно. Но судите сами: – «Ленин отражает собой русский рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь ещё свежем крестьянском прошлом. У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплёка.

Перед Смольным стоит памятник другому деятелю мирового пролетариата. Маркс на камне, в чёрном сюртуке. Конечно, это мелочь, но Ленина даже мысленно никак не оденешь в чёрный сюртук.

На некоторых портретах Маркс изображён в широкой накрахмаленной манишке, на которой болтается нечто вроде монокля. То, что Маркс не был склонен к кокетливости бесспорно ясно для тех, кто имеет понятие о духе Маркса. Но Маркс родился и вырос на иной национально-культурной почве, и дышал иной атмосферой, как и верхи немецкого рабочего класса, своими корнями уходящие не в мужицкую деревню, а в цеховое ремесло и в сложную городскую культуру средних веков.

Сам стиль Маркса, богатый и прекрасный, сочетание силы и гибкости, гнева и иронии, суровости и изысканности, несёт в себе литературные и эстетические накопления всей предшествующей социально-политической немецкой культуры, начиная с реформации и ранее.

Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. Но в этом могучем аскетизме нет и тени моралистики. Это не принцип, не надуманная система и уже, конечно, не рисовка: это просто внешнее выражение **внутреннего сосредоточения сил для действия**. Это хозяйская, мужицкая деловитость только в грандиозном масштабе». ⁸ (Текст выделен Л.Д. Троцким – С.Д.)

По словам Троцкого, вождь обладал интуицией действия, что в переводе «по-русски зовется сметкой». Тут же и пример, взятый чуть ли не у Лескова, но понятно, с модернизацией: «Когда Ленин, прищурив левый глаз, слушает радиотелеграмму, заключающую в себе парламентскую речь одного из империалистических вершителей судеб, или очередную дипломатическую ноту, сплетенье кровожадного коварства с полированным лицемерием, – он похож на крепко умного мужика, которого словами не проймешь и фразами не обманешь: это мужицкая сметка, только с высоким потенциалом, развернувшаяся до гениальности, вооруженная последним словом научной мысли».⁹

Интересно, знал ли Троцкий о наличии еврейских корней у Вождя? Тогда политически понятно подчёркивание мужицкой сущности Ленина, а, следовательно, русского характера течения революции. Так я думаю. И, конечно, в прицеле статья Ленина «Лев Толстой – как зеркало русской революции», где сделан упор на то, что великий писатель – носитель крестьянской идеи...

В свете статьи Троцкого интересны чуть ли не первые стихи о Ленине, подтверждающие мысли «Героя Октября». Речь идёт о цикле под названием «Ленин» написанные Н.А. Клюевым (1884–1937) в 1918 году. Ни о каком-либо государственном или партийном «заказе» не могло идти и речи. Так утверждается русский мужицкий характер деятельности революции и Вождя:

*«Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах»».*¹⁰

Для меня интересны стихи сектанта Клюева. (В литературоведенье бытует мнение, что поэт Николай Клюев был сектантом, возможно, хлыстом.)

Его восприятие Ленина – это признание Нового Учения, создатель которого своей биографией дублирует иудейского Иисуса – Мессию. Во-первых, рождение в прекрасной семье: отец – сеятель народного просвещения, а мать – великомученица; во-вторых – гибель старшего брата, мученика Идеи. Александр Ульянов – ипостась Иоанна Предтечи, кузена Иисуса. Блестящие знания, поражающие учителей, – это ли не параллель с Иешуа, удивлявшего раввинов своей осведомленностью? Предательство и смерть Христа перекликается с выстрелом Фанни Каплан:

*«Есть в истории рана всех слав величавей,
Миллионами губ зацелованный плат,
Это было в Москве, в человеческой дубраве,
Где идей буреломы и слов листопад».*

«Зацелованный плат» должен вызвать ассоциации с платом св. Вероники, отершей кровавый пот Спасителя. Даже приход восточных волхвов и поклонение животных обыгрывает Клюев:

*«Стада носорогов в глухом Заонежье,
Бизоний телок в ярославском хлеву.
Я вижу деревни седые, медвежьи,
Где Скрябин расставил силки на молву*

.....
*Пустозерска пригонят стада бедуины,
Караванный привал узрят Кемь и Валдай,
И с железным Верхарном сказатель Рябинин
Воспоет пламенеющий Ленинский рай.*

*От Великого Сфинкса к тундре
Докатилась волна лучей,
И на полюсе сосны Умбрий
Приютили красных грачей».¹¹*

Вероятно, имелся в виду приезд какой-то делегации с Востока, посетившей в это время Москву. Рябинины – семья сказателей былин в четырех поколениях, уроженцы Олонецкой губернии села Гарницы. Речь идёт о Иване Рябине-Андрееве (1873–1924). Несколько озадачивает появление Скрябина. Какого? Может быть, композитора, пытавшегося заглянуть в иной мир, что духовно родственно должно быть (по вероятной идее Клюева) исканиям Ленина. (Александр Николаевич Скрябин (1871–1915), по словам Клюева «Изумительный русский звукописец»).

Клюев послал оттиск своих стихов лично Ленину с дарственной надписью в своем обычном витиеватом стиле: «Ленину от моржовой поморской зари, от ковриги-матери из русского рая красный гостинец посылаю я – Николай Клюев, а посланник мой – сопостник и сомысленник Николай Архипов. Декабря тысяча девятьсот двадцать первого года».¹² Если Ленин просматривал лично почту, в чём я очень сомневаюсь – не то было время, то представляю себе выражение лица «Ильича»... В 1924 году вышло третье издание(!) стихов Клюева о Ленине. Одно из стихотворений озаглавлено: «Ленин на эшафоте...». Далее игра стихий – суть жизни вождя:

*«Волга с Ладогой – Ленина жилы
И чело – грозовой небосклон...*

*Ленин – птичья октябрьская тяга,
Щедрость гумен, янтарность плодов...
Словно вереск дымится бумага
От шаманских волхвующих слов» (1918 г.)¹³*

К этому следует добавить, что в искренность «футуристов», «ничевоков», «имажинистов», и иных «леваков» – никто не верил. Футуристы и прочие «с радостным ржанием устремились в конюшни имени товарища Луначарского, где им была приготовлена «обильная кормушка» по выражению М. Арцыбашева.¹⁴ Он же пишет: «Велика и обильна литературная проституция».¹⁵

Другая поэтическая крайность – Игорь Северянин. В 1918 году он публикует стихотворное приветствие Ленину. К сожалению, в моём распоряжении всего четыре строки:

*«Его бесспорная заслуга
Есть окончание войны.
Его приветствовать, как друга
Людей, вы искренне должны...» (1918 г.).¹⁶*

Возможно близостью к своей троюродной сестре «Шурочке» Домонтович – Александре Коллонтай объясняются некоторые псевдополитические поэзы «непревзойденного Северянина». Так, у него есть стихи, унижающие А.Ф. Керенского:

*«Да, он поэт! Да, он фанатик,
Идеалист *stille decadance*,
Паяц трагичный на канате,
Но идеальность – не баланс...» («Александр IV, май 1918»).¹⁷*

Также же Северянин, резко относящийся к эмигрантам застрявший на своей мызе в Эстонии, как и Леонид Андреев и Илья Репин в Финляндии, в частях бывшей Российской империи, писал:

*«Они живут политикой, раздорами и войнами,
Нарядами и картами, обжорством и питьём,
Интригами и сплетнями, заразными и гнойными,
Нахальством, злобой, завистью, разворотом и нытьём»
(«Чем они живут», 1923 г.)¹⁸*

Но будет справедливо сказать, что вся эта филиппика даёт характеристику любой эмиграции... Во всяком случае, в большевистский рай его приманила лишь II Мировая война, хотя он пел в 20-е годы близкое нам по теме:

*«И может быть, когда-нибудь
В твою страну, товарищ Ленин,
Вернемся мы...».¹⁹*

И одновременно вещи названы своими именами:

*«Ты потерял свою Россию.
Противопоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?».²⁰*

Ответить на кардинальный вопрос: а что было противопоставлено «стихии мрачного зла» – невозможно. Поражение белых закономерно:

*«Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить –*

Россию нужно заслужить!» – так Северянин заканчивает стихотворение и можно только диву даваться, как это стихотворение проникло в советский сборник: кажется, в советской печати никогда нельзя было прочитать о «стихии мрачного зла».

Интересен и поэтический портрет Ленина, исполненный Пастернаком в 1923, 1928 г.²¹ И в данном случае – не может идти речь о государственном заказе. Цитата длинная, но выбросить из неё что-либо нельзя, ибо теряется смысл шедевра:

*«Чем мне закончить мой отрывок? Он гнул своё, пиджак топыря
Я помню, говорок его И пяля передки штиблет.
Пронзил мне искрами загровок, Слова могли быть о мазуте,
Как шорох молнии шаровой. Но корпуса его изгиб
Все стали с мест, глазами втуне Дышал полётом голой сути,
Обшаривая крайний стол, Прорвавший глупый слой лузги.
Как вдруг он вырос на трибуне, И это голая картавость
И вырос раньше, чем вошёл. Отчитывалась вслух во всём,
Он проскользнул неуследимо Что кровью былей начерталось:
Сквозь строй препятствий и подмог, Он был их звуковым лицом.
Как этот, в комнату без дыма Столетий завистью завистлив,
Грозы влетающий комок. Ревнив их ревностью одной,
Тогда раздался гул оаций, Он управлял течением мыслей
Как облегченья, как разряд И только потому – страной.
Ядра, не властного не рваться Тогда его увидев вяже,
В кольце поддержки и преград. Я думал, думал без конца
И он заговорил. Мы помним Об авторстве его и праве
И памятники павшим чтим. Держать от первого лица.
Но я о мимолётном. Что в нём Из ряда многих поколений
В тот миг связалось с ним одним Выходит кто-нибудь вперёд.
Он был – как выпад на рапире, Предвестьем льгот приходит гений
Гоняся за высказанным вслед, И гнётом мстит за свой уход».*

Жирным шрифтом подчёркнута главная идея Пастернака: ранняя смерть Ленина в конечном итоге привела к тирании. Это моя расшифровка, ибо никаких цензурных изъятий это место не претерпело.

В вёрстке 1957 года, которую лишь немного изменена, мы читаем приблизительно то же самое, пожалуй, словесный сгусток ещё более жесток, но и только:

*«Когда он обращался к фактам, Столетий завистью завистлив,
То знал, что полоща им рот Ревнив их ревностью одной,
Его голосовым экстрактом, Он управлял течением мыслей
Сквозь них история орёт. И только потому – страной.
И вот, хоть и без панибратства, Я только думал о происхожденьи
Но и вольней, чем перед кем, Века связующих тягот.
Всегда готовый к ней придраться, Предвестьем льгот приходит гений
Лишь с ней он был накоротке. И гнётом мстит за свой уход».*²²

Другая мысль: Ленин – это голос масс, плоть от плоти ее, и в этом близость к рассуждениям Льва Троцкого. Например, в описании костюма вождя... Впрочем, в поэме Сергея Есенина «Анна Снегина» разговор поэта, которого крестьяне обзывают «беззаботником», с земляками летом 17 года носит тяжёлый характер: речь идёт о разрухе, земле, войне и раздорах. Поэт не знает ответов на эти вопросы. Поэт и чернь. Знакомо? Угрюмые и опасные лица – все чревато взрывом:

*«И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченной думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил: «Он – вы».*

Сергей Есенин «Анна Снегина» (1925 г.)

(Черновой вариант страшнее: «С улыбкой кривой и угрюмой/ Мне каждый глядит в лицо»).²³

Интересен образ Ленина в одноименной поэме, задуманной ещё в 1921-22 годах, но законченной летом 1924-го, уже после смерти вождя. Безусловное влияние Клюева. И вновь задаётся вопрос: откуда появился Ленин, как он мог стать символом эпохи? Вот эти строки:

*«Россия –
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь – подснежник.
Откуда закатился он
Тебя встревоживший мятежник?
Суровый гений! Он меня
Влечёт не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.*

.....

*Для нас условлен стал герой
Мы любим тех, кто в чёрных масках,
А он с сопливой детворой*

*Зимой катался на салазках.
И не носил он тех волос,
Что льют успех на женщин томных, –
Он с лысиною, как поднос
Глядел скромней из самых скромных.
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шумы и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей».²⁴*

Ленин – сфинкс. Образ заимствован у Клюева. И, действительно, можно ли понять, какой силой вождь потряс земной шар?

Ответа нет. Любопытно, что у Есенина две России: первая – чудный церковный звон и дивный пейзаж Родины; вторая – Россия – позор острогов и церквей. Поэт мечется между прошлым и настоящим. Он пересматривает историю России:

*«Была пора жестоких лет,
Нас пестовали злые лапы,
На поприще крестьянских бед
Цвели имперские сапаны».*

Далее политэкономия в духе школы Покровского и не то, что это неправда, но, что называется: правда, да не вся:

*«Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром,
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...
И Он пришел...
Он мощным словом
Повёл нас всех к истокам новым...*

*.....
И мы пошли под визг метели,
Куда глаза Его глядели:
Пошли туда, где видел Он
Освобожденье всех племён...
.....*

*И вот Он умер...
.....*

*Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те кто вживе,
А те, кого оставил Он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них не скажешь:
«Ленин умер!»
Их смерть к тоске не привела.*

*Ещё суровой и угрюмой
Они творят Его дела...». ²⁵*

Страна ожидает Мессию – Он приходит и народ идёт за ним. Нечто ветхозаветное в стихах Есенина. Но страна крестьянская и христианская: ожидание чуда, ожидание Избавителя...

Сравнение Ленина с Петром Великим со временем станет расхожим. Правда, с добавлением различных «но». Поэма «Песнь о великом походе» в третьем номере журнала «Октябрь» в данном варианте с заключительными словами была опубликованы в 1924 году, то есть почти сразу же после смерти Ульянова. Есть строки, связывающие геополитические идеи Петра и Ленина в отношении Востока. И на сцене появляется также тень Ключева, пленённого Востоком:

*«Бродит тень Петра
И дивуется
На кумачный цвет
В наших улицах.*

*На кумачный цвет,
Нами вспененный
Супротив всех бар
Знаком Ленина.
В берег бьёт вода
Пенной индевью
Корабли плывут
Будто в Индию». ²⁶*

Но более интересен отрывок из прозы «Сестра моя – жизнь», из автобиографических записок Пастернака. Причём поэт не боится говорить иносказательно о пресловутом «пломбированном вагоне» и терроре.

«Ленин, неожиданность его появления из-за закрытой границы; его зажигательные речи; его в глаза бросающаяся прямота; требовательность и стремительность; не имеющая примера смелость его обращения к разбушевавшейся народной стихии;

его готовность не считаться ни с чем, даже с введущейся и ещё и не оконченной войной ради немедленного создания нового невиданного мира; его нетерпеливость и безоговорочность вместе с остротой его ниспровергающих, насмешливых обличений, поражали несогласных, покоряли противников и вызывали восхищение даже у врагов.

Как бы ни отличались друг от друга великие революции разных веков и народов, есть у них, если оглянуться назад, одно общее, что задним числом их объединяет. Все они – исторические исключительности или чрезвычайности, редкие в летописях человечества и требующие от него столько предельных и сокрушительных сил, что они не могут повторяться часто. Ленин был душой и совестью такой редчайшей достопримечательности, лицом и голосом великой русской бури, единственной и необычайной. Он с горячностью гения, не колеблясь, взял на себя ответственность за кровь и ломку, каких не видел мир, Он не побоялся бросить клич к народу, воззвать к самым затаённым и заветным чаяниям, Он дал морю разбушеваться, ураган пронёсся с его благословения».²⁷

Небольшой эвфемизм: страшные слова об обращении к самым низменным инстинктам народа вызывают озноб. Здесь же уместно вспомнить, что же мог знать о Ленине средний русский интеллигент в дореволюционное время? Проще всего ему было заглянуть в 24-й том Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и там смог бы прочитать довольно скромное сообщение из тридцати четырех строк. Приводится биография политического деятеля, использующего псевдоним Ленин. Исключение из Казанского университета трактуется как следствие того, что Ульянов был «родственником казнённому брату». Перечислены его экономические и политические работы. Его представляют как крайнего и последовательного марксиста, лидера большевизма. В энциклопедическом словаре Ф. Павленкова (*СПб, 1913 г.*) всего-навсего семь строк. И это кажется – всё.²⁸

Мы перечислили ряд поэтов, заметивших Ленина. Ну, а что «первый поэт России» – Александр Блок: «Блок проходит мимо Ленина. Он не слышит «музыки» в речах Ленина. Ему, напротив, кажется, что большевики-то – это какой-то поплавок на поверхности разбушевавшихся народных масс, а Ленин и его разумность, очевидно, казались Блоку лишь порождением того же интеллигентского разума, который хочет сделать прививку своих программных затей к великому, внезапно выросшему Таинственному дереву, родившемуся в недрах народа».²⁹

В конце концов, в поэме «Двенадцать» появляется Мессия – Иисус Христос, но это не Ленин. Поэт его не видит. И интересно, что мог увидеть Блок? Разграбление и разорение домашнего очага Шахматово. Сожжённую библиотеку. «Сейчас от этих родных мест, где я провел лучшие времена жизни, ничего не осталось. Может быть, только старые липы шумят, если и с них не содрали кожу». Последнее страшно: содрана кожа у живого существа...

А вот и знаменитый «прогерманизм», якобы присущий Ленину, вызывающий недоумение. Любовь к «фатерланду», скажем, у немецких евреев была в крови (*что не спасло их от газовых камер*), и не только у немецких евреев: «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме, и Гёте, свищущий на вьющейся тропе...» или стихотворение Осипа Мандельштама «К немецкой речи». Или даже стихи Марины Цветаевой о Первой Мировой войне: «Ты (*Германия*) миру отдана на травлю, И счета нет твоим врагам...» и далее – «Германия – моё безумие, Германия – моя любовь...». Кажется, что ей прогерманизм не ставится в вину.

Одна из самых националистических народных песен Германии «Песнь немецкого солдата в Эльзасе» была написана выдающимся немецким писателем и некрещёным евреем Бертольдом Ауэрбахом:

<i>«В Эльзасе, там за Рейном, Живет мой брат родной... И страх мне грудь сжимает: Мой брат меня не знает, Он стал уж мне чужой.</i>	<i>Мой бедный, добрый братец, Иль ты французом стал? Ты им был завоёван, В его мундир закован... А сердце сам отдал?»</i>
---	---

Удивительно другое. Французы, потеряв Эльзас-Лотарингию, создали песню абсолютно-зеркального содержания. И будущий «немецкий шпион из пломбированного вагона» с наслаждением пел песню-реванш:

*«Vous avez pris l'Alsace et la Lorraine,
Mais malgre vous nous resterons francais;
Vous avez pu germaniser nos plaines,
Mais notre coeur – vous ne l'aurez jamais!»*

Перевод: «Вы взяли Эльзас и Лотарингию, но вопреки вам мы останемся французами; вы могли онемечить наши поля, но наше сердце – вы никогда не будете его иметь!» Комментарий Крупской: «Надо было слушать, как победно звучали в его (*Ленина*) устах слова песни: «Mais notre coeur – vous ne l'aurez jamais!».³⁰ И моя реплика: Ай-да пораженец!, ай да германофил!»

Старый большевик Н. Осинский – (*настоящая фамилия Оболенский Валериан Валерианович, (1887–1938).*) Не одни евреи были в окружении Ленина – вот и аристократическая фамилия, по профессии – экономист, литературный критик; впоследствии один из лидеров правой оппозиции. О его эстетическом вкусе говорит то, что к негодованию Владимира Маяковского, Оболенский хвалил творчество Анны Ахматовой в 1923 году. Вот описанный им образ вождя: «Голова его, гладкая, словно полированная, сидит на крепком туловище, одетом в тёмный, непритязательный костюм. Рыжеватые, отнюдь не гладкие усы и борода, лицо с резкими чертами и блестящие от времени до времени небольшие глаза создают какое-то противоречие к остальному и невольно наворачивается сравнение – отполированный, блестящий снаряд, начинённый взрывчатым веществом колоссальной силы». Далее идёт чрезвычайно смелое рассуждение о двуликости Вождя. Не в смысле «двуликого Януса», а в глубинном противоречии личности: «С одной стороны – человек настолько «будничной» и «нормальной» внешности, почему бы ему и в самом деле не встретиться с Ллойд-Джорджем и мирно потолковать об устройении дел Европы. А с другой стороны – как бы в результате не взлетели на воздух и Ллойд-Джордж и вся Генуэзская конференция! Ибо он – с одной стороны Ульянов, а с другой стороны он – Ленин».³¹

Б. Горев, автор книги «От Мора до Ленина», конечно, еврей, настоящая фамилия Гольдман Борис Исаакович (1875–1937), политический деятель, один из первых социал-демократов, член «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», один из близких людей вождя, затем разошедшийся с ним и ушедший в науку, что впрочем, не спасло его, как и его брата Марка Либера (Михаила Исааковича Гольдмана, 1880–1937).

В отрывке из книги, опубликованной в данном сборнике, полное восхищение вождём и вдруг совершенно страшная фраза, невыносимая при будущих изданиях: «Ленин соединяет в себе глубокий революционный энтузиазм и даже фанатизм с холодным политическим расчётом, доходящим до последовательного применения принципа «цель оправдывает средства»».³²

Что там Сталин и Маккиавелли – не только интеллект иной, но и величина приложенных сил! В одном из фельетонов Карла Радека, вышедшем ещё при жизни Ленина, мы с удивлением можем прочесть, что Ленин отнюдь не безгрешен: и тоже совершает ошибки. В дискуссии о самоопределении наций; когда польские революционеры боролись против взглядов Ленина, которые и сам Радек не разделял,

товарищ-рабочий, большевик, прочитав тезисы Радека, направленные против Ленина, написал следующее: «То, что вы пишете, меня вполне убеждает, но сколько раз я был против Ильича, и всегда оказывался неправым...».

Если бы мы закончили цитирование на этом месте, то никакого расхождения с характеристикой Сталина, данной Александром Твардовским в поэме «За далью – даль» не было бы: «он прав, и снова пятилетка...» Но цитата не прерывается: «...а то, что он оказывался неправ, когда под его руководством была сделана ошибка, он говорил открыто: «Мы сделали ошибку, за это нас побили, вот как надо ее исправить». «Многие спрашивали: к чему об ошибках, зачем это ему нужно? Не знаем, почему это делал Ленин, но последствия этого вполне ясны. Рабочий чересчур вырос, чтобы верить в героев-спасителей. Когда Ленин говорит об ошибках, не скрывая ничего, он вводит рабочего в свою лабораторию мысли...».³³

Наивный «революционер» Радек! Не прошло и несколько лет, как вся Россия, партия и Радек в том числе, запели, Алиллую Сталину. Но концовка эссе о Ленине примечательна и содержит в себе элемент Библии: Ленин сравнивается с Моисеем, случайно ли? – «В день 25-летия партии, которая несёт на спине своей не только ответственность за судьбы шестой части земного шара, но которая является главным рычагом победы мирового пролетариата, русские коммунисты, и всё, что есть революционного в мировом пролетариате, будут иметь одну мысль, одно горячее желание, чтобы этот Моисей, который вывел рабов из земли неволи, вошел с нами в Землю Обетованную».³⁴

В 1939 году Карл Собельсон-Радек был убит. Думал ли он тогда о Земле Обетованной? Как бы то ни было, Радек нас вводит в библейскую символику, которая интересна приложением жизни Ленина к ветхозаветным и новозаветным персонажам.

Уже не странно, что в этом грехе замешан и Михаил Кольцов, вообще заземливший вождя в еврейское гетто. Статья о Ленине Кольцова, урожденного Фридлянда, интересна тем, что он прибегает к еврейскому сюжету. Желание продлить жизнь Ленина, вызывает у него ассоциацию с еврейским местечком, где заболевшего цадика, пытаются спасти «прихожане», даруя ему часть своей жизни для продления жизни святого. Понятно, что Ленин мог бы иметь Мафусаилов век и могучее здоровье, если бы...
(Коринфский и Ленин-Христос. Семья: отец – Иосиф плотник,

труженик и т.д., мать – страстотерлица (аналог Мирьям), Богоматерь, старший брат Александр, взошедший на эшафот за идею – Иоанн Предтеча, сестры и брат младший, круг учеников – апостолов новой религии – все это вызывало в сознании русского мужика (и не только его), ещё не забытую церковь. Это все вариации на тему Евангелия. Так я думаю, и потому популярность Владимира Ленина была так велика. Даже стрельба Фанни Каплан, способствовала воскресению мифа... Любопытная мысль об Иуде. Возможно, что «октябрьский эпизод» Зиновьева и Каменева, как сказано в «Завещании», не случайность. То есть – почти зеркальное отражение последней вечери: «Один из Вас меня предаст» и т.д.).

Говоря о влиянии семьи, хочу коснуться личности его старшего брата Александра. Он был подающим надежды молодым учёным. Золотая медаль в гимназии и золотая медаль в Университете предвещали ему научную карьеру. В 1891 году В.И. Ульянов приходил к профессору Ольденбургу, соученику Александра по университету и расспрашивал его о научной деятельности брата. Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) – великий учёный-востоковед, академик, летом 1917 года был министром просвещения Временного правительства и другом В.И. Вернадского – тоже великого учёного. Ольденбург не любил новую власть и, вероятно, отзывался о ней негативно в разговорах со своими знакомыми и друзьями.

Но об А. Ульянове был самого высокого мнения, который был секретарем научно-литературного общества и получил золотую медаль. Одновременно с этим, потеряв веру в культурную, созидательную и мирную работу, он готовил террористический акт.

Не раз Ольденбург спрашивал себя: «Что побудило Ульянова работать в террористической организации?». Этот неотвязный вопрос мучил Ольденбурга долгие годы после гибели товарища по обществу. Удовлетворительный ответ он получил лишь после знакомства с Владимиром Ульяновым. Первое, бросающееся в глаза: оба брата были людьми воли и действия. И эта сторона характера определила для Александра революционную предпочтительность, приведшую к виселице. Но... – и это главное: «...наряду с этим в нем, как в его брате, была заложена глубокая вера и любовь к науке: разрушая старую жизнь, которая рисовалась ему, как сплошное рабство, он понимал, что новую, свободную, рациональную жизнь, для которой он не жалел жизнью, и своей и чужих, можно создать, только опираясь на науку с неуклонным свободным исканием.

Оттого он с такой любовью вёл свои глубоко специальные лабораторные занятия по зоологии, оттого он писал с таким увлечением специальную, столь, казалось, далёкую от жизни, а особенно от террористического акта, работу, за которую ему присудили потом золотую медаль».³⁵

За А. Ульянова заступались видные профессора, но для понимания его личности важен факт нежелания подать просьбу о помиловании. И вот воспоминание с другого берега юриста Князева, присутствующего на свидании матери с сыном. Сын отверг мольбы матери следующими словами: «Не могу сделать этого после всего, что признал на суде. Ведь это будет неискренне». И далее, по словам Князева, он привёл такой довод: «Представь себе мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, другой ещё нет, и тот, кто выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить!».³⁶

Но слово из песни не выкинешь. Под давлением матери Александр Ульянов подал прошение. Правда, это было сделано по совету Матвея Леонтьевича Песковского (*о нем ниже*), надеявшегося заменить смертную казнь пожизненным заключением.

Но прошение было написано в таких выражениях, что его, видимо, и не давали читать императору. Песковский рассказывал, что в прошении не было никакого раскаянья, и даже подпись была не по формуле, то есть не «верноподданный», а просто Александр Ульянов – частное лицо пишет частному лицу Александру III. Оно никого не обманывало. Упор в письме был сделан на здоровье матери и на положение младших детей.³⁷

Сам по себе факт прошения о помиловании был изъят из обращения. Текст его никогда не печатался. Досье брата должно было быть чистым для канонизации.

Все пять казнённых отказались от исповеди и принятия Св. Таин. Вешали в две очереди: сначала казнили Генералова, Андреюшкина и Осипанова, которые, выслушав приговор, простились друг с другом. Все трое приложились к кресту, бодро взойдя на эшафот, и двое (*Генералов и Андреюшкин*) громким голосом произнесли: «Да здравствует Народная Воля!». Осипенко не успел крикнуть – на него накинули мешок. Затем последовала очередь Шевырева и Ульянова, которые бодро и спокойно взойшли на эшафот, причём Шевырев оттолкнул руку священника, а Ульянов приложился к кресту.³⁸

Юридический самоотвод Ульянова не выдерживает критики – это говорит о его принципиальности и только. Он был казнён по

сомнительным юридическим аргументам, учитывая то, что выстрел не был произведен. Заговорщиков арестовали накануне покушения, и поэтому их казнь юридически не обоснована. Их судили за намерение, а не за сам факт. И ещё: Александр просил мать принести томик Генриха Гейне. Книгу купил присутствующий на свидании товарищ прокурора Князев и в тот же вечер передал Ульянову – иные были нравы. Что осуждённый искал в стихах немецкого классика?

О мартовском покушении 1887 года в течение многих лет не публиковались воспоминания А.Ф. Кони. А он писал: «1 марта на Невском проспекте были арестованы пять молодых людей, у двоих из которых оказалась бомба, предназначенная для цареубийства. Хотя деяние их, или, по крайней мере, большинства из них не имело характер приготовления, но при действии нашего старого Уложения, которое валило в одну кучу и совершение, и голый умысел по государственным преступлениям, наказывая их одинаково, они были преданы суду Особого присутствия сената, несмотря на свою просьбу о помиловании».³⁹

По словам Кони, «непримиримый» К.П. Победоносцев, крупный юрист, чувствуются зыбкость обвинения, советовал Александру III помиловать заговорщиков. Но безрезультатно. На суде же произошла трагедия, потонувшая в ужасе произнесённого приговора...

Прокурором Особого Присутствия был назначен Николай Андрианович Неклюдов (1840-1896), профессор Военно-юридической академии, консультант при министерстве юстиции, затем обер-прокурор общего собрания Сената. В прошлом – либерал, капитулировавший перед наступившим настоящим, автор, не допущенной к защите диссертации под названием «Уголовно-статистические этюды», издатель Джона Стюарта Милля и Джорджа-Генри Льюиса, блестящий комментатор Берне и популярный мировой судья – требовал смертной казни. «Он был совсем раздавлен данным ему поручением, тем более, что один из подсудимых, выдающийся по таланту студент-математик Ульянов, был сыном его собственного любимого учителя в Пензенской гимназии», – писал А.Ф. Кони.⁴⁰

Итак, ещё одно совпадение в биографии Ленина – ученик отца Ильи Николаевича – приговаривает брата Александра к смертной казни. Описание состава суда самое омерзительное – все они: Н.А. Неклюдов, председательствующий П.А. Дейер – юдофоб и прокурор, присутствующий при казни осуждённых в Шлиссельбургской крепости, будущий министр юстиции И.Г. Щегловитов, прозванный «Ванькой Каином» – послушные орудия «бегемота в эполетах».

Что же касается Неклюдова, то, по мнению А.Ф. Кони, участие его в этом позорище укоротило его дни. Но вошедший в навязанную ему роль, «в заседании общего собрания сената, куда поступили кассационные жалобы осуждённых, горячо настаивал на невозможности смягчить наказания за преступления, обложенные смертной казнью». Александр Ульянов отказался от защитника.

История такова: дальний родственник семьи – Матвей Леонтьевич Песковский (1843-1903, муж двоюродной сестры Ульянова – Екатерины Ивановны Веретенниковой) – педагог и журналист, обратился в особое присутствие Правительствующего сената с просьбой назначить адвокатом подсудимого присяжного поверенного Александра Яковлевича Пассовера (1840–1910), одного из лучших юристов царской России. Это прошение было оставлено без последствий, т.к. исходило не от подсудимого. Сомнительный аргумент!

Ещё одна деталь. На свидании с матерью Александр, обнимая её колени, умолял его простить, считая, что у него кроме долга перед семьей, есть долг перед родиной. Он нарисовал Марии Александровне бесправное положение народа и указал, что бороться за его освобождение долг каждого человека.

– Да, но эти средства так ужасны, – возразила мать.

– Что делать, если других нет, мама, – ответил он.⁴¹

На процессе присутствовали некоторые представители либеральной общественности, которые восхищались поведением Ульянова. Знаменитый профессор права, будущий член Госсовета и академик Российской Академии наук Н.С. Таганцев (1843–1923) вспоминал:

– Был я и на его процессе, просидел от начала до конца и с болью на сердце выслушал приговорение его в числе других к смертной казни. Вспоминаю, что из соподсудимых он производил наиболее симпатичное впечатление как искренне преданный тому делу, за которое он шёл на казнь; тем идеям, осуществление коих, хотя бы и путем террора, он считал необходимым для счастья и блага родины».⁴²

Напомним, что мировое светило Н.С. Таганцев был защитником народовольцев на процессе «193», а также являлся автором знаменитой книги «Смертная казнь» изданной в 1913 году, где, естественно, академик осуждал эту крайнюю меру наказания.⁴³

А теперь – внимание! Вот она, благодарность за сочувствие: в 1921 году академик Николай Степанович Таганцев направил на имя «Вождя Мирового пролетариата» письмо о смягчении участи своего сына, профессора В.Н. Таганцева, обвиняемого в политическом заговоре.

В письме среди прочего сообщалось, что Петроградская ЧК конфисковала вещи, принадлежащие лично академику. Одновременно к Ленину обратилась А.Ю. Кадьян, лично знавшая семью Ульяновых по Симбирску, с просьбой о смягчении участи арестованного сына академика.

Ленин интересовался несколько раз этим делом. 5 июля 1921 года он получил заключение по делу Таганцева, где указывалось, что Таганцев должен быть сурово наказан за активную роль в контрреволюционной организации «Союз возрождения России». Заключение было составлено Д.И. Курским – наркомом юстиции и первым советским генеральным прокурором с 1922 г., а после создания прокуратуры он был одновременно прокурором РСФСР до 1928 года.

По постановлению Петроградской ЧК от 24 августа 1921 года В.Н. Таганцев был расстрелян в числе многих лиц, включая поэта Н.С. Гумилева. По распоряжению Президиума ВЦИК от 18 июня 1921 года вещи, принадлежавшие академику, были возвращены владельцу – жалкая компенсация за содеянное. Но и этого мало. Не желая отвечать отказом А.Ю. Кадьян, знакомой женщине, Ленин поручает Л.А. Фотиевой следующее: «Напишите ей, что я письмо прочел, по болезни уехал и поручил Вам ответить: Таганцев так серьезно обвиняется и с такими уликами, что освободить сейчас невозможно; я наводил справки о нем не раз».⁴⁴ Ленин старается быть в стороне. Хотя, думаю, что его одного звонка было бы достаточно для смягчения участи заговорщика. И ещё – были ли обращения к Троцкому семей подсудимых? Я не знаю, но предполагаю, что Лев Давидович предпочёл бы выслать заговорщиков за границу, как впоследствии были высланы по его рекомендации русские учёные. Изгнание – это ужасно, но расстрелы и сталинские лагеря хуже...

Небольшая деталь человеческой «благодарности». В дореволюционные годы, даже в ссылке, Ульянов вел здоровый образ жизни: регулярно работал определённое количество часов, ежедневно гулял, играл в шахматы. Он был крепкого здоровья и лишь единожды, в 1895 году в Питере, в Казачьем переулке, где проживал, (впоследствии там был один из многочисленных музеев его имени), Ульянов заболел воспалением лёгких. Его приятель и соратник Михаил Александрович Сильвин пригласил доктора Кноха и вызвал из Москвы, по просьбе Владимира Ильича, его мать, а та в свою очередь пригласила профессора Кадьяна. Лечение помогло, и «Ильич» прокомментировал: «Слово в слово повторил Кноха».

Но даже память о своем целителе не остановила руку палача. Профессор А.А. Кадьян (1849 – после 1914), по окончании в 1873 году медико-хирургической академии, работал в Самарской губернии. Был арестован и просидел в тюрьме три года и восемь месяцев. Проходил по процессу 193-х и в итоге был оправдан (!).

В дальнейшем Кадьян был участником Русско-турецкой войны 1877–1878 года, а с 1884 года получил должность приват-доцента медицинской академии. С 1900 года состоял профессором женского медицинского института. Наряду с другими прогрессивными учёными, публицистами и политическими деятелями энергично выступал в защиту Бейлиса. Отказать вдове(?) такого человека – просто неблагородно и неблагодарно...

Я не хотел бы оставить «врачебную тему» без продолжения. После ранения Ленина выстрелом Фанни Каплан, к нему был приглашен знаменитый хирург С.М. Руднев, который отказался смотреть раненого. По поводу нежелания оказать врачебную помощь Ленину, нарушающего клятву Гиппократата, Сергей Михайлович отвечал (!?): «Но ведь Ленин – не человек, он принадлежит к особому виду человекоподобных существ, называемых большевиками». Прямо пассаж из «Собачьего сердца» профессора Преображенского. Впоследствии, когда об отказе Руднева вспомнили в Чека, то Ленин, запретил его трогать и разрешил выехать за границу. Передавали на уровне анекдота, что якобы вождь мировой революции сказал, что гораздо хуже было бы, если бы этот явный враг советской власти начал бы его лечить, чтобы отправить «в ту страну, из которой нет возврата».⁴⁵ Почти «убийца в белом халате!» Умер Руднев в Южной Америке в 60-е годы, дожив до 90 лет...

Для истории характерны парадоксы. Я упоминал отца Керенского, который был директором гимназии, где учились братья Ульяновы. Но вот и другой парадокс. В одной и той же террористической организации участвовали Александр Ульянов и братья Пилсудские – Бронислав и Юзеф; последний – основатель, иначе «начальник», нового польского государства и противник Ленина в советско-польской войне 1920 года. К слову сказать, Пилсудские отделались десятью и пятью годами каторжных работ каждый, написав полным голосом прошение о помиловании.

В шахматы Володю научил играть старший брат. Любовь к этой логической игре навсегда осталась в Ленине. Можно предположить, что молодой Ульянов был знаком с новейшей шахматной литературой: юрист А.И. Хардин (1842–1910), в конторе которого проходил практику Ульянов, был шахматным мастером.

Ульянов числился по 2-й категории; в 1-й был лишь Хардин, который много играл по переписке, занимался теорией, в том числе и исследованием гамбита Эванса, а 1895 году даже играл матч с Э.С. Шифферсом, вторым по силе шахматистом России, Андрей Иванович устраивал в Самаре домашние турниры, в которых принимал участие и его стажёр. Затем в ссылке Ленин постоянно играл со своими товарищами и даже давал сеансы вслепую на трёх досках, выигрывая все партии, что само по себе говорит о его силе шахматиста.⁴⁶

В эмиграции Ленин также играл часто лёгкие партии. Сохранилась фотография, где он был снят за игрой с А.А. Богдановым (Малиновским), оппонентом вождя в идеологии и создателем в советское время Института переливания крови (*погиб, проводя на себе, медицинский эксперимент*) и Максимом Горьким, наблюдавшим за игрой. Без сомнения, «Он» был сильным любителем. Играл также «Ильич» и с другим оппонентом – Л.Троцким, вероятно в парижских кафе. Результаты, к сожалению, неизвестны.⁴⁷

Один из мемуаристов наивно описывает игру Ленина в женевском кафе Ландольта: «Он сидел, наклонившись над фигурами, предугадывая ходы противника и озадачивая его новой атакой в том месте, откуда этого никак нельзя было ожидать. И под его нависшими усами пряталась при растерянности противника острая, почти незаметная усмешка».⁴⁸

Другой из политических оппонентов вождя – Валентинов, вспоминает, что Ленин, играя с ним в шахматы, а играл он превосходно, – добавляет Николай Владиславович, – «мастерски» насвистывал различные мелодии – это смежная с шахматами область не осталась не замеченной внимательным критиком.⁴⁹

Это говорит о том, что, вероятно, по тогдашним меркам Ленин играл в силу 1 категории, что по более поздним временам да и по «нонешним временам», соответствовало уровню «девальвированного среднего мастера», но с большим эстетическим кругозором. Постараюсь доказать это.

Однажды в письме Дмитрию Ульянову – младшему брату вождя (1873–1943), врачу по профессии (*как и дед А. Д. Бланк*), имевшему партийную кличку «Герц», была прислана его же шахматная задача, опубликованная в литературном приложении к «Ниве», что говорит о семейном интересе Ульяновых. Задача была несложная, и Ленин мгновенно её решил – мат в два хода.

Но он обратил внимание брата на помещённый в газете «Речь» № 31 от 17 февраля 1910 (1269) этюд № 195, перепечатку этюда братьев Платовых из «Ригер тагеблат» 1909 года, получивший первый приз... Этюд был решён не сразу. Ленин в восхищении писал брату: «Положение такое: белые: Крg3, Се7, Кg1 и пешки d3 и h5. Чёрные: Кре3 и пешки h7, d5 и a2 (т.е. последняя за ход до превращения в королеву). Белые начинают и выигрывают. Красивая штука!».⁵⁰

В чём дело? Ленин был политик и прекрасно знал закон: в политике важно уметь ждать, выжидать, маневрировать. Что же происходит на шахматной доске? Чёрные неизбежно ставят нового ферзя – преимущество материальное на стороне чёрных. Более того – им передается очередь хода и самая сильная шахматная фигура получает возможность передвигаться по доске, но нет: конечный результат предрешён – тихий ход Кс1 и всё становится ясным... Красивая матовая идея, подкрепленная разнообразными вилками прыгучего коня...

Прошли годы. Шел январь 1918 года. Брест-Литовские переговоры были трудны, в том числе и из-за внутривластной борьбы. Но Ленин твёрдо знал, что надо выждать: революция в Германии неизбежна. Он думал, что она произойдет через два-три месяца. Ошибся – она произошла через восемь. Не помогло ли ему при решении политической задачи воспоминание об этюде братьев Платовых?

Любые аргументы, направленные против заключения «похабного мира», отлетали от Ленина, «как горох от стенки».

– Войну должен вести мужик.

– Разве Вы не видите, что мужик голосовал против войны?

– Позвольте, как это голосовал?

– Ногами голосовал, бежит с фронта.

И этим для Ленина дело было решено.⁵¹

Как ни странно, Ленин предполагал, что мир с Германией не будет столь ужасным. Его надежда зиждилась на здравом смысле. И действительно, руководитель немецкой делегации генерал Макс Гофман, кстати, настоящий творец победы под Таннебергом, по таланту превосходящий Фальгенгайна, Людендорфа и Гинденбурга, предлагал своему правительству для будущего примирения оставить в руках России Прибалтику и даже Польшу! Ни Германии, ни России возрождение польского государства было ни к чему. Почему для будущего?

А для того, чтобы у русских не было причины в стремлении к реваншу. Как в случае с Францией и аннексией Эльзаса и Лотарингии. Но Вильгельм не желал ничего слушать и неминуемо шел к своей гибели. А возникшая из Версаля Польша оказалась «виновницей» II Мировой войны.⁵²

Чтобы не было никаких иллюзий – этюд был оценён не только по заслугам, но и в унисон с другим гением – уже гением шахмат.

Чемпион мира Эмануил Ласкер приводит высший пример эстетики – справедливость: знаменитый этюд братьев Платовых. Конечно же, Ласкер не знал приватного письма В. Ульянова своему брату; тем очевиднее ценность свидетельства. Отдадим должное Ульянову-Ленину, его эстетическому вкусу, выделившему это произведение, случайно попавшее ему на глаза. Кажется, есть нечто общее между двумя гениями шахмат и политики. Возражения принимаю с кротостью...⁵³

Необходимое дополнение: Василий Николаевич Платов (1881–1952), врач-эпидемиолог, кандидат медицинских наук, заслуженный врач СССР – был выдающимся шахматным композитором. Его брат и соавтор по этюду (*всего совместно составлено свыше 200 произведений*) Михаил Николаевич (1883–1942), инженер по профессии, сгинул в сталинских лагерях.

Памяти замечательных мастеров шахматного этюда и их решателю Владимиру Ленину, автор сих строк соорудил памятник в Иерусалиме. На стене дома Дудаковых, из красивого белого иерусалимского камня, находится большая мраморная шахматная доска с великим этюдом. Каждый проходящий мимо может восхититься творением мастеров.

Наиболее подробные данные об игре в шахматы Ленина подобраны в работе М.С. Когана «Очерки по истории шахмат в СССР», М–Л, Физкультура и спорт, 1938 г.

Существует легенда о Ленине, приписываемая Я.Г. Рохлину, что вождь, якобы, изрёк фразу: «Шахматы – гимнастика ума». Моё мнение таково: он действительно говорил нечто подобное, увлекаясь одновременно и гимнастикой, и шахматами, да и мысль вполне расхожая...

Но и преувеличивать шахматную силу вождя не следует. Искренне или неискренне «странный» поэт Николай Глазков в стихотворении «Шушенский шахматист» писал:

*«Даже в ссылке некогда скучать:
Протекали дни в трудах-работах.*

*После важных дел у Ильича
Наступал закономерный отдых.
Мысль свою чеканя и граня,
Ленин в шахматах играл толково:
Кржижановскому давал коня,
Без ладьи обыгрывал Старкова!».⁵⁴*

Бесспорно ненужная гипербола!

Хочется представить редчайший и неожиданный портрет играющего в шахматы Ленина, написанный знаменитым мастером Эмилем Бернаром (1868-1941).

Портрет Ленина.
Худ. Эмиль Бернар

Картина полностью называется «Портрет Ленина в кафе «Клозери де Лиля» (La Closerie des Lilas). Это кафе находилось на бульваре Монпарнас, 171. Знакомство Ленина с художником произошло совершенно случайно в кафе, находившемся поблизости от Монпарнаса и улицы Мари-Роз, где квартировали тогда Ульяновы. Эта встреча воплотилась в единственный портрет Ленина созданный ещё в дореволюционную эпоху в 1910 году. Полотно было создано за один сеанс, что уже говорит о харизме молодого эмигранта. Ильич любил играть в шахматы в этом кафе. Одним из его партнёров по игре являлся Поль Фор, известный тогда французский поэт и социалист, родственник живописца Бернара. Так они и познакомились.

(Троцкий, оппонент и сподвижник Ленина, играл в Париже с сильным мастером Арнольдом Аурбахом (A. AUERBACH. 1882–1952),

который наносил поражения и Александру Алехину. В 1925 году Лев Троцкий был избран почётным членом организационного комитета I Московского международного турнира).

Название кафе «Клозери де Лила» по-русски означало «Сиреневый хутор». По воспоминаниям Ильи Эренбурга – ничего сиреневого там не было, но зато можно было, заказав стакан кофе, попросить бумаги и работать по 5-6 часов. По вторникам в кафе приходили французские писатели. По существу это был клуб интеллектуалов. Партнёром Ленина по шахматам был знаменитый поэт Поль Фор, расширивший возможности поэзии, литературный реформатор. В 1912 году он был избран «Princ de la roétes» – принцем поэзии. (Иначе, «Королём поэтов», подобно Пьеру де Ронсару. Титул «короля» Поль Фор носил вплоть до своей смерти. В этой «должности» его сменил Жюль Сюпервьель.) Его много и плодотворно переводили на русский язык: Бальмонт, Эренбург. Особенно самый известный цикл стихов «Песенки»:

*«Она умерла, умерла, она умерла от любви.
С рассветом её унесли, и за гробом немногие шли.
Её схоронили одну, одну, как она умерла,
Её схоронили одну, как она перед смертью была. ...»*

Перевод К.Бальмонта

или

МОЙ ПОРТРЕТ

*«Мои глаза – как два чёрных бриллианта, их блеск волнует и жжёт.
На мне чёрная шляпа Рембрандта, чёрен мой редингот...»*

Перевод Ильи Эренбурга

Интересная деталь: Поль Фор был родственником художника Эмиля Бернара, который и познакомил эмигранта и одного из лидеров импрессионизма и постимпрессиониста, друга Тулуз-Лотрека, Гогена, Ван Гога, Сёре, Синьяка, Редона, Сезанна и короче всех классиков, сам, занимая почётное место среди них. Он оказал громадное влияние на Пикассо «Голубого периода». Его картины висят в Париже в великом музее д'Орсе (d'ORSAY) и в сотнях музеях и галереях всех цивилизованных стран. Бернар был также блестящим искусствоведом и популяризатором работ своих современников. Его работа о Поле Сезанне вышла ещё в 1912 году в Москве. Без этой книги не было бы русского «Бубнового валета». Удивительный мир выдающихся людей окружал Ленина. Он, подобно губке, впитывал в себя

атмосферу знаний элиты Европы. Нет! Он был не прост. Он слишком много знал. Он был образован «выше крыши». Место вождя ему было гарантировано природным гением и всеобъемлющим образованием. От латыни до молекулярной физики. Французы находили в облике Ульянова черты Сократа и Верлена, ну а мне, кажется, что в лице будущего вождя нечто от «лика Сквороды».

В последний раз в жизни Ленин публично говорил о шахматном мотиве в речи, произнесенной на собрании ячеек московской организации. Здесь интерес представляет суждение вождя о международных концессиях – вещь небесполезная и сейчас: «Рядом с концессионным куском, с концессионным квадратом будет наш квадрат, потом – их квадрат; мы будем учиться у них постановке образцовых предприятий... Учиться на практике, ибо никакими школами, университетами, курсами этого не достигнуть и поэтому мы даем концессии в шахматном порядке».⁵⁵

Понятно, идея Ленина и Троцкого была отброшена Сталиным, а ныне это бы пригодилось... Во время встречи с Уэллсом Ленин развивал идею концессий. Был проект американского миллионера – он предусматривал экономическую помощь России и признание большевистского правительства, а также заключение оборонительного союза против японской агрессии. Речь шла о создании военно-морской базы на Дальнем Востоке и концессии сроком на пятьдесят-шестьдесят лет по разработке естественных ресурсов Камчатки и других обширных районов Сибири.

Кстати, Ленин поставил вопрос перед Уэллсом: укрепит ли это мир, вызовет ли это негодование Англии и не явится ли это предлогом для новой мировой «драки?».

Ленин менялся вместе с изменяющейся обстановкой. Тяжелейший экономический кризис, особенно в сельском хозяйстве и, как следствие этого, Кронштадский мятеж и крестьянские восстания, заставили его перейти к НЭПу. Отсюда и была выдвинута идея сознательного соединения противоположностей, таким образом, чтобы получилась «симфония, а не какофония».

Искомым соединением для Ленина послужил, в частности, «принцип демократического централизма». С одной стороны – в борьбе с централистскими идеями, позднее осуществлёнными Сталиным, и с другой стороны – с тенденцией демократического самоуправления (например, «рабочая оппозиция»), Ленин пытался найти и удержать среднюю, синтетическую

позицию – централизация при контроле снизу. (*«Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше»*).

В статье 1922 года «О значении воинствующего материализма» Ленин набросал программу деятельности философов-марксистов, как союз с некоммунистами, с учёными естествоиспытателями и т.п. Далее всего один шаг в сторону конвергенции с Западным капиталистическим миром. К этому времени (1922 г.) и Ленин, и Троцкий отказались от экспорта революции. И это несмотря на миф о приверженности Троцкого к перманентной революции, миф, который сознательно или бессознательно продолжает существовать и ныне. Обратные утверждения опровергаются фактами. (*См. подробнее об изменении взглядов Ленина и Троцкого в соответствующих статьях словаря «Русская философия», Москва, 1995*).

Шахматы, как высшее выражение интеллекта, патронировалось сверху и благодаря тому, что основатель советской страны Ленин был, как мы указали выше, незаурядным шахматистом-любителем. В холуйском подхалимаже московские шахматисты вручили Предсовнаркому членский билет за № 1 и заочно выбрали его почётным председателем Московского шахматного общества. Всё как до революции, когда высшие особы государства становились почётными председателями различных клубов. (*А может быть это была естественная защита против сильных мира сего?*)

Обычно ко дню рождения отца-основателя в советской шахматной и даже не шахматной прессе появлялись статьи, под названием «Ленин и шахматы». Это был стабильный перепев одних и тех же воспоминаний Н. Крупской, Г. Кржижановского, П. Лепешинского, В. Старкова и брата, доктора Д. Ульянова. Я бы не останавливался на пристрастии вождя к шахматам, но всё же она сыграла свою роль в становлении советской шахматной школы, что и было зафиксировано в литературе и в воспоминаниях. Так, В. Маяковский в 1924 году в поэме «Владимир Ильич Ленин» писал:

*«Знал он слабости, знакомые у нас,
Как и мы, перемогал болезни.
Скажем, мне бильярд, отращиваю глаз,
Шахматы ему – они вождям полезней.
И от шахмат перейдя к врагу натурой,
В люди выведя вчерашних пешек строй,
Становил рабочей – человеческой диктатурой
Над тюремной капиталовой турой».*

Маяковский много читал и ему явно попались на глаза воспоминания П.Н. Лепешинского, где поэт мог прочитать следующее: «Я не могу отказать себе в удовольствии перенестись мысленно от этого маленького эпизода из моих далеких воспоминаний к нынешнему моменту мировой революции. Сейчас перед взором Владимира Ильича Ленина расстилается не шахматная доска, а карта всего мира. Он стоит лицом к лицу не с минусинской шахматной «Антантой», а с коалицией лидеров буржуазного хора, хищников всей Европы, Азии и Америки. Игра, что и говорить; – потруднее и посложнее, чем та, которую когда-то Ильич вел с «чемпионами» сибирского ссыльного захолустья.

Но и теперь вся сила его ума, вся его огромная воля мобилизованы полностью, без остатка – для победы во что бы то ни стало. Его великолепно устроенная голова напряжённо работает и сейчас над мировой шахматной проблемой. Всмотритесь в эту «игру». Вот он выдвигает вперёд пешечную демократию против цитаделей отечественного капитализма. Вот «делает гамбит» – соглашается на брестскую жертву. Вот производит неожиданную рокировку – центр игры переносит из Смольного за Кремлевские стены. Вот разворачивает силы – с помощью Красной армии, красной конницы, красной артиллерии (*падей – тур? С. Д.*), обороняется, защищает результаты сделанных завоеваний, а если и возможно, то и нападает. Вот «заманивает» противника – выбрасывает идею концессий. Вот как будто отступает и делает чреватые последствиями «тихие ходы» – идёт на соглашение с крестьянством, облюбовывает план электрификации и т. д. Вот приводит пешки на ту линию, где они обращаются в большие фигуры – через аппараты советских партийных организаций подготавливает из рабоче-крестьянской среды новую интеллигенцию, – крупных администраторов, политиков, творцов новой жизни. И хочется думать, что рано или поздно, и скорее рано, чем поздно – весь мир был потрясен финалом «игры»: Ильичевское «шах и мат» по адресу капитализма положит конец «игре», которую будут тщательно изучать следующие поколения на протяжении сотен и тысяч лет...».⁵⁶ Эта черта зафиксирована художником И.И. Бродским (1884–1939). Исаак Израилевич был блестящим портретистом, но вполне беспринципным. Рисовать Императорский Государственный Совет вместе с Репиным и Кустодиевым – пожалуйста! А потом и всех одиозов вплоть до наркома К.Е. Ворошилова. И в промежутке – и самого А.Ф. Керенского.

Вспомните у Владимира Маяковского об этом факте «калифа на час»: «Его рисуют и Репин, и Бродский...». Допущенный к рисованию вождя революции запиской А.В. Луначарского следующего содержания: «Дорогой Владимир Ильич! Податель сего, художник Бродский, один из талантливейших артистов кисти нашего времени, хочет сделать с Вас портрет. Я полагаю, что желание его должно быть удовлетворено. Вряд ли кто-нибудь другой может передать для истории со всей желательной полнотой и яркостью Вас, как лицо, принадлежащее отныне не себе, а человечеству. С точки зрения этической (? – С. Д.) и политической художник Бродский заслуживает полного доверия. А. Луначарский». В «Лениниане» Бродскому принадлежит почётное первое место. Но и с ним произошел курьёз, несколько схожий с эпизодом Дзержинского и Сарры Лебедевой.

При лепке бюста Дзержинского его секретарь по имени Вениамин Леонардович Герсон обратил внимание на жестокое выражение лица председателя ВЧК. «Железный Феликс», взглянув на работу, прокомментировал без тени иронии: «На таком деле посидишь – ангелом не станешь – такой и есть». *(Это описано у меня в книге «Этюды любви и ненависти» М., МГГУ, 2003 г., с. 287).*

Случай произошёл на Марсовом поле после возложения венков, когда «придворному» живописцу хотелось получить автограф «самого» и подписать рисунок: «Пристально всмотревшись в карандашный набросок, Владимир Ильич ответил мне, что он не похож.

Окружающие нас стали убеждать Владимира Ильича в том, что он похож, что он совершенно не знает лица в профиль и портрет, без сомнения, удачен. Владимир Ильич усмехнулся и принялся подписывать рисунок. «Первый раз подписываюсь под тем, с чем не согласен!», сказал он с улыбкой, передавая мне обратно набросок. Но через несколько минут, когда рисунок пошёл по рукам, и большинство сказала, что сходство уловлено большое. Ленин, снова посмотрев, промолвил: «А ведь, кажется, действительно похож».

В альбом, изданный в честь Второго конгресса Коммунистического Интернационала, вошли многие работы Бродского: Радек, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Цеткин и др. Изображений Сталина и Троцкого в альбоме не было – что странно...

(В коллекции большинство работ Бродского, но есть и Кустодиева, и Верейского, и Чехонина. Последний успел спрыгнуть с поезда, то есть стал «невозвращенцем». Кроме этих художников Ленина рисовали и лепили Н. Андреев, Ф. Малявин, Л. Пастернак, Ю. Анненков, Н. Альтман, Н. Аронсон, Петров-Водкин и др.)

В послесловие этой теме замечу следующее. В 2000 году был в Лондонской картинной галерее. Здесь состоялась выставка «XX век в портретном искусстве». Было представлено 100 работ знаменитых художников, среди них и российские: К.С. Петров-Водкин «Анна Ахматова», Б.Д. Григорьев «Всеволод Мейерхольд», М.В. Нестеров «Иван Петрович Павлов» и И.И. Бродский «В.И. Ленин на фоне Смольного» (1925 г.).

Честно, я был горд за родное искусство. Несколько смутил меня подбор. Нет слов, портрет Водкина изумителен, но мне больше притягателен портрет Ахматовой в исполнении Натана Альтмана, о чем я уже писал. У Нестерова можно было подобрать, кроме Павлова и иное, но в Англии Иван Петрович очень популярен, тем паче, что, наконец-то, я разглядел книгу в руках великого физиолога – это Библия, что на советских иллюстрациях вообще затушёвывается. Портрет Всеволода Мейерхольда, исполненный Борисом Дмитриевичем Григорьевым, иначе, как гениальным не назовешь. Это высокая изломанная фигура – была, по-моему мнению, лучшей из всех 100 работ.

Такова субъективность. К месту напомнить и о Григорьеве (1886–1939), чтобы не возникало сомнений о его происхождении: оно действительно туманно. Борис был сыном потомственной почётной гражданки Клары Ивановны Линденберг(!?) и в четырехлетнем возрасте был усыновлен работником Волжско-Камского банка(!?) Д.В. Григорьевым.

Что же касается портрета Ленина работы Бродского, то это нечто мистическое, загадочное. Во дворе Кремля, на фоне церкви, церковных строений, броневилок, часовых, в осенний дождливый день стоит коренастый, сильный человек, попирающий ногами упавшие листья. Взгляд суров и сосредоточен. Кепи скрывает так называемый «сократовский лоб». Ленин весь в чёрном – пальто, костюм, ботинки, за исключением отворота белой рубахи, галстук, тёмный, с едва видимыми светлыми просветами. О чем думает этот угрюмый властелин? Нам не дано этого знать. От картины исходят токи, хотелось бы сказать Люциферовы, но Светозарного здесь ничего нет.

Да, это памятник эпохи!

Лучше этой работы в иконографии Ленина считаю полотно Аркадия Рылова (1870–1939) «Ленин в Разливе». Писана она в 1934 году, но и Рылов несколько раз лично видел вождя. Сюжет не удался, и по совету своего племянника – композитора Михаила Юдина (1891–1948), он решил изобразить вождя не у шалаша, как дачника, а человека, идущего против ветра.⁵⁷

Картина страшная: на фоне кровавой зари и чёрных туч, в полутьме, стоит одинокий человек с мощно выписанным лбом и монгольскими чертами лица, современный Чингисхан!

Выставлялась эта работа в начале 60-х годов в Академии художеств в Ленинграде. Больше ее я никогда не видел, хотя она воспроизводится в альбомах Рылова с совсем неадекватным текстом.

Ещё необыкновенно интересны воспоминания художника Юрия Анненкова (1889-1974). Он из известной фамилии в русской истории. Его предок Павел Васильевич был первым издателем Пушкина, а его отец Павел Семенович, умерший в 1920, был народовольцем, другом и сподвижником Желябова, Перовской, Кибальчича, Веры Фигнер. Фотографический портрет молодой красавицы Веры с дарственной надписью: «Дорогому Павлуше – Вера Фигнер». Сын народовольца Анненкова, будущий художник, родился в ссылке на Камчатке в Петропавловске. В 1892 году отец вернулся на материк и стал директором процветающей страховой и транспортной компании. Ленина Анненков до Октября видел несколько раз, в том числе и в Куоккола, где была дача отца.

«Ленин был небольшого роста, бесцветное лицо с хитровато прищуренными глазами». Типичный облик мелкого мещанина, хотя Ленин (Ульянов) и был дворянин. Одну фразу запомнил юноша – раскачиваясь на качелях, будущий вождь произнес: «Какое вредное развлечение: вперёд-назад, вперёд-назад! Гораздо полезнее было бы «вперёд-вперёд». Всегда вперёд». Все рассмеялись вместе с Лениным.⁵⁸

Вторая встреча произошла в 1911 году на квартире Веры Фигнер в Париже, куда зашёл Ульянов и поинтересовался, по какой причине Анненков оказался в эмиграции? Тот ответил, что всего-навсего выехал заниматься живописью: это огорчило старую народоволку. Она бы предпочла видеть в нём революционера новой формации. Думаю, и реакция Ленина была аналогичной.

Третья встреча была «общественной» – Анненков был у Финляндского вокзала, при возвращении Ульянова из эмиграции. Для нас интересно и то, что в этом поезде вместе с «немецким шпионом» ехал и знаменитый эсер Борис Савинков, он же писатель Ропшин. Его-то и встречал художник. Оба не дослушали речи с броневика. Анненков к марксизму был равнодушен, а его отец во время июльского восстания 1917 года в негодовании порвал и сжёг все письма Ленина. Об этой вспышке, конечно, последний не узнал и, находясь у власти, предложил отцу через Марка Елизарова занять пост наркома по народному страхованию. Тот отказался, и все его счета были заблокированы – он за минуту стал нищим. Далее интересно то, что после смерти старого народовольца (в его квартире говорили, что повесили не того Ульянова) в 1920 году, мать художника получила приличную пенсию, как «вдова революционера». Это было сделано лично вождём. Юрий Анненков задает вопрос, на который нет ответа: «Был ли это у Ленина просто акт политического лицемерия или жест, вызванный желанием очистить свою совесть, я не берусь судить. Второе предположение так же возможно, как и первое».⁵⁹

Тут же Анненков приводит воспоминания большевика М.Н. Лядова (настоящая фамилия Мандельштам) о том, как Владимир Ильич в Женеве на представлении «Дамы с камелиями» вытирал слезы платком.

Последнее согласуется с воспоминаниями Горького, который рассказал «Ильичу» о петроградской легенде, как княгиня Ч. просила подаяние для своих собак и, не стерпев голода и унижения, пыталась утопиться, но преданные собаки спасли хозяйку.

«Если это выдуманно, то выдуманно неплохо. Шуточка революции» – и, помолчав и перебирая бумаги на столе, сказал задумчиво: – «Да, этим людям туго пришлось, история – мамаша суровая и в деле возмездия ничем не стесняется».⁶⁰

В 1921 году «советская власть» заказала Анненкову портрет Ленина. Инстинктивно художник предполагал, что вождь будет «играть» занятость: с трудом поднявшись с кресла, якобы оторвавшись от бумаг. Но ничего подобного не произошло. Как только художник появился в дверях, Ленин быстро и учтиво поднялся навстречу. Между ними произошел диалог, в котором проявилось ленинское обаяние. «Я – жертва нашей партии... она заставляет меня позировать художникам».

Вождь поинтересовался, в чем его «обязанность», и как его собираются изображать. Подлинные слова ответа Анненкова были: «...Ленин олицетворяет собой движение и волю революции», и именно это предполагается отразить в портрете.

Ленин (*улыбаясь*): – «Но, простите, я ведь только скромный журналист. Я предполагал, что на вашем портрете буду изображён просто сидящим за столом. Когда увижу ваш холст осуществлённым так, как вы его мне представляете, то я непременно залезу под стол от смущения».

Анненков: «Право и привилегия художника – создавать образы и даже легенды. Если наши произведения оказываются в противоречии с правдой, то будущее наказывает за это прежде всего нас самих. Но лишать себя этого права мы, художники, не можем и не должны. О Ленине-журналисте, простите меня, я не задумывался, а писать портрет обывателя с бородкой я считаю сейчас несвоевременным». Ясно, что художник защищает свободу творчества. Ленин был достаточно чутким, чтобы понять позицию живописца, точнее, оппозицию, к безобразию, творимому в стране.

«После короткого молчания (*я сказал, конечно, много лишнего*), Ленин улыбнулся и произнес: «Хорошо. Я нахожу недопустимым навязывать художнику чужую волю. Оставим это право буржуазным заказчиком. Поступайте так, как вам кажется наиболее правильным. Я в вашем распоряжении, приказывайте, я буду повиноваться. Но сначала договоримся честно: я подчиняюсь партийной дисциплине, я исполняю волю партии, но я – не ваш сообщник». И рассмеявшись: – «Ответственность, как вы сказали, останется на ваших плечах».⁶¹

Весь диалог интересен. Верно, что Ленин не был позёром. Он отличался этим от других диктаторов, будь то Муссолини, «обожавшим обожание»; Гитлера с его нарочитыми жестами и любовью к кинематографу; и, конечно же, Сталина, чьи безобразные портреты и бюсты украшали даже выставку, посвящённую Рембрандту. (*Лион Фейхтвангер «Москва 1937»*). Нет ни одного не художественного портрета или скульптуры Ленина, созданного при жизни вождя. Все они – художественны – это реакция живописцев на естественность поведения вождя. О дальнейших халтурах лучше не говорить.

Можно сравнить воспоминания Анненкова с воспоминаниями Ф. Шаляпина в книге «Маска и душа». Певцу пришлось защищать хозяйственное состояние театра от разбазаривания: декорации, костюмы, реквизит и пр., накопленное десятилетиями в Мариинском театре. Шаляпин едет в Москву и добывается встречи с Вождём!

Это было сложно, но проще, чем аудиенция с Г. Зиновьевым.

– Я вошёл в совершенно пустую комнату, разделенную на две части, большую и меньшую. Стоял большой письменный стол. На нем лежали бумаги. У стола стояло кресло. Это был сухой и трезвый рабочий кабинет. И вот из маленькой двери, из угла покати́лась фигура татарского типа с широкими скулами, с малой шевелюрой, с бородкой.

Ленин. Он немного картавил на «Р». Поздоровались.

Очень любезно пригласил сесть и спросил, в чем дело. И вот я как можно внятнее начал рассусоливать очень простой, в сущности, вопрос. Не успел я сказать несколько фраз, как мой план был немедленно расстроен Владимиром Ильичем. Он коротко сказал:

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь. Я всё отлично понимаю». Тут я понял, что имею дело с человеком, который привык понимать с двух слов, и что разжёвывать дел ему не надо. Он меня сразу покори́л и стал мне симпатичен.

– Это, пожалуй, вождь, – подумал я.

А Ленин продолжал:

– Поезжайте в Петроград, не говорите никому ни слова, а я употреблю влияние, если оно есть, на то, чтобы Ваши резонные опасения были приняты во внимание в Вашу сторону». Я поблагодарил и откланялся. Должно быть, влияние было, потому что все костюмы и декорации остались на месте, и никто их больше не пытался трогать. Я был счастлив.⁶²

Потрясающий рассказ. Ленин очаровывает певца, быстро схватывая проблему и быстро ее решая. Но, почему нельзя говорить ни слова, что это за кокетство о возможном наличии его влияния? Можно предположить, что Ленин щадил самолюбие «партайгеноссен» и предпочел, чтобы дело спустить на тормозах. Кажется так. Но... на реквизиты хватило власти, а на жизнь человека (*Великие князья, Таганцев, Гумилев*) нет! Ужас... И это прекрасно понимал Федор Иванович: «...Я не знал, что такое Ленин. Мне вообще кажется, что исторические «фигуры» складываются либо тогда, когда их ведут на эшафот, либо тогда, когда они посылают на эшафот других людей. В то время расстрелы производились ещё в частном порядке, так что гений Ленина был мне, абсолютно невежественному политику, мало заметен».⁶³

Уместно здесь привести мысли Шаяпина о русской революции: «Кто же они, сей дух породившие? Одни говорят, что это кровопийцы; другие говорят, что это бандиты; третьи говорят, что

это подкупленные люди, подкупленные, чтобы погубить Россию. По совести должен сказать, что крови пролито много, и жестокости было много, и гибелью, действительно, веяло над нашей родиной, – эти объяснения большевизма кажутся мне лубочными и чрезвычайно поверхностными. Мне кажется, что всё проще и сложнее, в одно и то же время. В том соединении глупости и жестокости, Содома и Навуходоносора, каким является советский режим, я вижу нечто подлинно российское. Во всех видах, формах и степенях – это наше родное уродство. Я не могу быть до такой степени слепым и пристрастным, чтобы не заметить, что в самой глубокой основе большевистского движения лежало какое-то стремление к действительному переустройству жизни на более справедливых, как казалось Ленину и некоторым другим его сподвижникам, началах. Не простые же это были, в конце концов, «воры и супостаты».⁶⁴

Далее Шаляпин описывает те низы общества, которые пошли на службу новому режиму. По мановению волшебной палочки страна не могла превратиться в рай: горбатенький сапожник не превращался в Апполона Бельведерского. Все сатирические типы русской литературы от Фонвизинских до Зощенских «пришли и добром своим поклонились Владимиру Ильичу Ленину...».⁶⁵

Пока же во имя «светлого Завтра» разрушались музеи и «сжигались Рафаэли», в надежде на то, что «девушки в светлом царстве грядущего будут прекрасней Милосской Венеры» (*Владимир Кириллов «Мы», 1917г.*), но человеческий материал плохо подавался усовершенствованию.⁶⁶ Наткнулся, читая Д.С. Лихачева, на рассказ о Моисее Володарском. Выступая 13 апреля 1918 перед слушателями Агитаторских курсов в Петрограде, он сказал приблизительно следующее: «Экзамен на разрушение мы выдержали блестяще, на пять с плюсом. Мы разрушили все. А сейчас перед нами стоит другой вопрос: сумеем ли мы оказаться такими же хорошими строителями, какими были разрушителями. Вскоре Володарский был убит». (*Д.С.Лихачев Книга беспокойств, М., 1991, с.516*). Мой комментарий: Россия всегда убивала сомневающихся...

Вероятно, в этом нравственная драма, которая укоротила жизнь Ленина.

Хотелось бы в свете выше сказанного коснуться легенды «О самом человеческом». Какие-то основание были, особенно, что касалось его случайного окружения. Легенда основана на знаменитых «ходаках», появлявшихся время от времени в Кремле.

Чаще их принимал всесоюзный староста, впоследствии отодвинутый даже от этой номинальной работы: «Уже не баловал Калинин кремлёвским чаем ходоков». (А.Т. Твардовский «За далью даль»).

Но иногда ходоки появлялись и у Ленина. Есть рассказ или миф В. Карпинского. Крестьяне появляются на пороге кабинета вождя. Им неловко, но робость быстро проходит: Ильич обвораживает просителей. Дело, по которому они решились просить правду у «Самого» действительно деликатное. Крестьяне заготовили кирпичи для постройки деревенской церкви. Но сельсовет бдел и отобрал заготовленный материал. Сам разговор нам неизвестен. Неясно и к каким аргументам прибежал Ленин, чтобы сохранить лицо в вопиющем беззаконии, учинённом местной властью. Если бы дело было только в низших звеньях бюрократии! Государственный аппарат вел войну на уничтожение «опиума для народа». Аресты, расстрелы, снятия колоколов, разрушение, ограбление и надругательство над мощами, заселение монастырей и прочее. Следует для просвещения ныне живущих напомнить, что с тем же рвением уничтожались мечети и синагоги, молитвенные дома и буддистские храмы.

Компромисс, которого добился Ленин с ходоками был следующий: предсовнаркома дает распоряжение сельсовету вернуть крестьянам кирпичи, а крестьяне построят из него... школу.⁶⁷

Вывод один: большевик ни на йоту не отступил от провозглашённой им линии.

Возвращаясь к иконографии Ленина укажем, что большинство критиков приоритет отдают работам Натана Альтмана. К пятидесятилетию со дня рождения Ленина (1920 г.) отдел ИЗО Наркомпроса (*ну и аббревиатура, язык сломаешь: Отдел Изобразительных Искусств при Народном Комиссариате Просвещения*), естественно при поддержке Луначарского добился разрешения работать в кабинете Ленина именно Альтману. Ленин заочно был знаком с Альтманом: он одобрил первый герб РСФСР, исполненный художником. В его семейном архиве сохранилась рукопись «250 часов с Лениным. Страницы моей жизни». Работал Альтман шесть недель подряд, почти без «прогулов»: вторую половину апреля, май, первые числа июня 1920 года. Работал по пять-шесть часов ежедневно. Ленин имел право в шутку жаловаться английской художнице Клэр Шеридан, что «последний скульптор поселился на целые недели в его кабинете».

По словам англичанки, Ленин поклялся, что после такого испытания больше никогда этого не допустит! Началось с пропуска в Кремль с красноречивым текстом «Тов. Альтману, скульптору Владимира Ильича...», так сказать, придворный живописец. «Самого» Ленина «обманули»: Луначарский сказал Предсовнаркому, что все дело займет час-полтора, причем Ленин отказался сидеть неподвижно, говоря, что позирование приведет к «неестественности» в портрете. Альтман должен был лепить вождя и со своим станком, с ящиком глины, с необходимыми инструментами, он занял часть кабинета.

Началось так:

Вошел Ленин.

– Здравствуйте товарищ Альтман! – сказал он, сел за письменный стол и принялся за работу. Я старался не мешать ему, занялся своей. Когда Ленин сидит, он кажется выше. У него большая голова, крупное туловище, большой выдающийся вперед лоб, очень своеобразный череп, срезанный на темени, широко расставленные глаза часто щурятся.

На второй день моей работы Ленин, сощурясь и не поднимая головы, посмотрел в мою сторону и сделал единственное за всё время замечание по поводу работы. Он нашёл, что нос сделан не совсем верно. Но работа была в такой стадии, когда носа ещё не могло и быть: отдельные черты лишь намечались. Я объяснил ему это. Он удивился и сказал: «А Луначарский говорил, что работа будет продолжаться два-три раза по получасу». Я заявил, что не говорил этого, и что работа будет продолжаться гораздо дольше. Ленин ничего не ответил».⁶⁸

Но не в этом суть. Однажды они разговорились. И это понятно: нельзя не замечать человека, маячившего перед Его очами длительное время. Ильич принадлежал к типу людей, сосредоточенность которых в работе была такова, как говорили о шахматисте Вильгельме Стейнице, что ему во время партии можно было делать ампутацию ноги, а тот бы этого не заметил. Друг по ссылке отметил эту высшую интеллектуальную концентрацию: «Легенда гласит, что Архимед, углублённый в решение своей геометрической задачи, не одарил ни малейшим знаком внимания римского солдата, который обнаружил по отношению к нему достаточно явные агрессивные намерения. Ленин в этот момент (*во время шахматной партии.* – С.Д.) напоминает Архимеда. По-видимому, если бы кто-нибудь крикнул сейчас:

– Пожар! горим! спасайтесь! ... – он бы и бровью не пошевелил. Цель его в жизни в данную минуту заключается в том, чтобы не поддаться, чтобы устоять, чтобы не признать себя побеждённым. Лучше умереть от кровоизлияния в мозг, а всё-таки – не капитулировать, а всё-таки выйти с честью из затруднительного положения».⁶⁹

Альтман продолжает: «...Ленину, по-видимому, сказали, что я «футурист». Поэтому Ленин спросил «футуристическая ли скульптура, которую я делаю. Я объяснил, что в данном случае моей целью является сделать его портрет, и что цель диктует и подход к работе». Ленин был любопытен и попросил показать футуристические «шедевры». Альтман принес репродукции и фотографии некоторых художников, которые с интересом были рассмотрены вождем. По-видимому, они были весьма далеки от его передвижнического вкуса и он корректно высказался, что ничего в этом не смыслит, пусть в этом деле разбираются специалисты, он же не компетентен.

«С глубокой серьёзностью относясь к искусству, он старательно отстранял от себя решение вопросов в этой области, не желая, по-видимому, чтобы из его личных вкусов делались директивы. В вопросах искусства он во всем доверялся Луначарскому».⁷⁰ Хотя есть любопытное замечание Марка Шагала: «Ленин перевернул её (Россию) вверх тормашками, как я всё переворачиваю на своих картинах».⁷¹

Короче, модернизм не воспринимался революционером. Работа Альтмана происходила на фоне работы вождя, который в то время трудился над рукописью «Детская болезнь левизны в коммунизме», принимал посетителей, говорил по телефону, часто подходил к географической карте: в эти дни поляки наступали на Западе. Работать мастеру было тяжело: быстрая смена выражений вождя была схвачена в ряде рисунков. «Лепить скульптурный портрет Ленина было нелегко. Владимир Ильич не позировал, был углублён в свою работу. Обычно он сидел низко наклонившись над столом, и я видел лишь верхнюю часть его головы. Поэтому я должен был пользоваться всяким случаем, чтобы зафиксировать Ленина с разных сторон.

Я решил делать наброски в то время, когда он разговаривал с людьми». Это была как бы стенографическая работа, попытка уловить образ, что оказалось очень тяжёлым делом, но благодарным. Из-под рук художника вышел гениальный бюст Ленина.

Собственно голова вождя – суть вождя. Мастер понимал, что надо добиться максимального сходства, по крайней мере, зафиксировать для будущего Личность! Мало у кого в истории искусства был такой благодатный материал. И понимая, что сложность характера «не уложить» в скульптуру, Альтман ограничивает задачу: надо показать ведущие черты характера. Он строит композицию бюста, как композицию круглой скульптуры, воспринять которую можно лишь обойдя со всех сторон.

Удивительно, но Альтман сумел передать громадный ум, интуицию, динамику, энергию, концентрацию воли и, хотел того или нет Натан Исаевич, но и жестокость, кроющаяся в монгольском разрезе глаз и в острой бородке. Работу экспонировали в 1925 году в Париже. На нее не могли не обратить внимание. Это был первый Ленин, увиденный на Западе. Несмотря на протесты белой эмиграции, она получила золотую медаль! Возможно, художник был доволен. Работу десятки раз репродуцировали и выставляли на выставках. Но это были двадцатые годы. А уже в тридцатые – шедевр исчезает. Его заменяют добренькие Ленины, тиражируемые в невероятном количестве. Альтмана травили и как художника-формалиста, и как еврея, и мастера, наверно, пожалел, что в ноябре 1917 года «распаковал чемоданы», отказавшись выехать в США. А уже была виза в руках и билеты... И скажем правду – художник измелъчал: после гениального портрета Анны Ахматовой и бюста В. И. Ленина последующие работы его плохо смотрятся... Искусство должно быть свободным. Хотел ли этого Ленин? Маловероятно. Вождь и Мастер расстались вполне дружески. К 50-летию Ленина Альтман подарил барельеф Степана Халтурина (!?), который до сих пор находится в кабинете Вождя.

Так как рукопись Альтмана по понятным причинам никогда не публиковалась, то любые извлечения из неё очень интересны. Из коротких бесед, которые художник имел с Лениным, следует отметить одну из них, в которой выяснилось, что Ленин довольно равнодушно относился к искусству: «Я могу двадцать раз слышать одну и ту же мелодию и не запомнить её».⁷² Впрочем, это не столько самооговор, а самоотречение: политика съедала всё свободное время. Многие художники, например Верецкий и Кустодиев, отметили слишком подвижную фигуру вождя.

Кустодиев испытывал потребность увидеть Ленина в кинематографе. «Простая фотография не передает конструкцию головы, жестикуляцию, мимику».

И все это совпадает с замечанием А.В. Луначарского, что Ленин похож на себя только в кинематографе: как всякая динамическая натура, он что-то утрачивает в статическом изображении.⁷³

Сам Б.М. Кустодиев для статьи «О портретах Ленина», написанной для Лениздата, к изданию сборника, к сожалению не увидевшего свет, писал: «Самое существенное в вопросе о портретах Ленина – это то или иное задание, данное портретисту. Ленин-учёный – одно лицо; Ленин-агитатор, говорящий речь на площади – другое и т.д. На чем же остановиться? Если говорить о каком-то одном портрете, который должен суммировать все стороны характера и деятельности Ленина, то от художника требуется синтез целого ряда образов. Всякий же синтез, понятно, будет субъективен».⁷⁴ Для контраста приведём два портрета Ленина: один - Земной, другой – Небесный.

В.И. Ленин.(эскиз)
Худ. Ф.Малевин.

В.И. Ленин
Худ. Кузьма Петров-Водкин

В портрете Ленина, написанным выдающимся мастером К. Петровым-Водкиным современные критики видят, чуть ли не карикатуру. Подчёркивается не только монгольские черты лица, но и нечто «дьявольское» в облике вождя, анти-икону. Анализу подвергается чтение Лениным книги А.С.Пушкина «Песни западных славян» и находят здесь критику Брест-Литовского мира или даже Рижского мира 1921 года. Западная Украина и Западная Белоруссия оказались на территории Польши. Всё является передёргиванием фактов. «Песни западных славян» созданных или фальсифицированных Проспером Мериме (1827 г.) и переведённые Пушкиным на русский язык с французского, касаются юго-западных славян: сербов, черногорцев, хорватов и их борьбе против турок, Бонапарта. Есть и шедевры, не устаревшие до сих пор:

*«Над Сербией смилуйся ты, Боже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам голову режут,
Наших жён обижают, позорят...»*

Подлинное название работы Мериме «Гузла или сборник иллирийских стихотворений, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцоговине». Версальский мир как раз и создал Югославию, и это была победа христианства. Что же касается поляков, то они тоже славяне и по логике критиков – ничего страшного с белорусами и малороссами не могло произойти. Кроме «перебега» в униатство...

На мой взгляд – портрет, исполненный Петровым-Водкиным, шедевр. Ленин молод, глаза его ясны и прозрачны. Лучше уже употребить выражение Герберта Уэльса «Кремлёвский мечтатель», чем наделять Вождя сатанизмом. Можно интерпретировать и так, что художник-революционер, создавший «Красного коня», «Смерть комиссара» и «Петроградскую мадонну», протестовал против сталинского термидора, создав образ предпоследнего (последним был – Лев Троцкий) идеалиста. И лучше стихов о портретных сходствах и отличиях, чем забытый поэт Николай Полетаев (1889–1935) в 1923 году никто не написал:

*Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.
Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьётся в этих жилах
И в этой голове кипит.
Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мысли богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?*

Если говорить о скульптурном воплощении образа Ленина, то стоит вспомнить ещё одного мастера. Речь идёт о Науме Львовиче Аронсоне (1872–1943), получившем мировую известность и стоит вспомнить восторженную и забытую статью о его творчестве, принадлежащую А.И. Куприну. Я уже в «Парадоксах ...» о ней писал. Но и здесь можно повторить.

Писатель часто посещал ателье Аронсона в Париже. Однажды, привлеченный слухом о том, что скульптор создал необычный портрет Ленина,⁷⁵ он зашёл в студию. Куприн написал об увиденном: «Вот и Ленин, вылепленный из пластилина слабо-зелёного цвета. Это несомненно он. Именно таким я видел его однажды, глядя не по поверхности, а вглубь. Правда, преувеличены размеры его головы, как преувеличены: его алгебраическая воля, его холодная злоба, его машинный ум, его бесконечное презрение к спасаемому им человечеству, и полное отсутствие милых, прелестных человеческих чувств, подаривших миру и поэзию, и музыку, и любовь, и патриотизм, и геройство.

Голова Ленина совсем голая. Череп, как купол, и видно, как под тонкой натянутой кожей разошлись от невероятного напряжения большого мозга, черепные швы. Рот чересчур массивен, но это рот яростного оратора. Громадная, вдумчивая работа. Но я – косоглазый. Одновременно с бюстом Ленина я вижу висящий на стене давнишний, горельефный портрет Пастера. Там тоже человек, настойчиво углубленный в мысль. Но суровое лицо его прекрасно, и внутренний благой смысл его будет ясен каждому дикарю. Впрочем, и Ленин будет ему ясен. Как же не различить разрушение от созидания».⁷⁶

Да, однажды Куприн встретился с Лениным на аудиенции. Дело было, по словам писателя, в начале 1919 года (*писатель запомнил: это было 25 декабря 1918 года, еще до наступления Юденича, когда в октябре следующего года Куприн бежал за границу с остатками белых войск, а может быть он продолжал жить в старом временном измерении...*) По словам писателя, его дело не стоило и ломаного гроша. Но ему пришлось встретиться с «самодержцем всероссийским».

Александр Иванович решил издавать беспартийную газету, как он назвал «народную».

Максим Горький сочувственно отнёсся к идее, но предрёк неудачу. В Москве Куприн встретился с Каменевым, который для успеха предприятия советовал ввести в газету полемику: «Вы можете хоть ругать нас» – сказал он весело. Но про себя писатель подумал: «Спасибо! Мы знаем, что в один прекрасный день эта непринуждённая полемика может окончиться дискуссией на Лубянке, в здании Чека», и отказался от «любезного» совета.

Здесь небольшое историческое отступление. Наполеон после 18 брюмера приказал закрыть только в Париже 160 газет из 173(!).⁷⁷

Диктатура Робеспьера тоже не дремала. Так что у большевиков были хорошие учителя. Воспользовавшись предложением для встречи с Лениным, Куприн стал хлопотать. Все шло быстрее, чем можно было ожидать. Свидание было очень быстро получено после звонка к «госпоже Фотиевой». А именно, на следующее утро в девять часов дня «монарх» ожидал писателя. Единственное затруднение для Куприна была его идентификация, ибо документов у него не было, но удостоверение личности было выдано в комиссии по ликвидации армии Южного фронта. *(Как известно, в начале войны Куприн поступив на службу, занимался обучением новобранцев. В 1915 году демобилизовался по состоянию здоровья и вместе с женой Елизаветой Морицовой Гейнрих открыл у себя в Гатчине небольшой госпиталь).* К Куприну присоединился неназванный поэт, «проштрафившейся» перед новой властью, «оскорбив» женщин фразой «красный воин не должен быть бабой», за что был выруган госпожой Крупской в «Московской Правде».

В Кремль пройти тогда можно было без больших трудностей. Писатель специально это оговаривает: «Надо сказать, нигде нас не обыскивали». **К сведению – это было спустя всего полгода после покушения на Ленина.** *(Текст выделен мной. – С. Д.)* Посетители шли по запущенному зданию в комендантском крыле. Поднимались они по каменной, грязной, пахнувшей кошками лестнице на 3-й этаж. Приемная – жалкая, пустая, полутёмная, с немывыми окнами и единственным хромым столом в углу. И секретарша оказалась невзрачная: бледнолицая, с блёкло-голубыми глазами. Ждать было недолго – всего несколько минут. Некий, страшного вида охранник, в поношенной одежде, пропускал посетителей в кабинет. «Подобного рода внушительных мужчин можно было видеть раньше в качестве ночных швейцаров в самых подозрительных гостиницах Киева, Одессы или Варшавы».

Все это описание чисто внешнего неприятия новых господ Кремля, дополняется закономерным отталкиванием от Ленина:

«Просторный и такой же мрачный и пустой, как и передняя, в тёмных обоях кабинет. Три чёрных кожаных кресла и огромный стол, на котором соблюден чрезвычайный порядок. Из-за стола подымается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромает на обе ноги; так ходят кривоногие, прирожденные всадники. В то же время во всех его движениях есть что-то «облическое», что-то крабье.

Но эта наружная неуклюжесть не неприятна: такая же согласованная ловкая неуклюжесть чувствуется в движениях некоторых зверей, например, медведей и слонов. Он маленького роста, широкоплеч и сухощав. На нем скромный тёмно-синий костюм, очень опрятный, но не щегольской: белый отложной мягкий воротничок, тёмный, узкий, длинный галстук. И весь он сразу производит впечатление телесной чистоты, свежести и, по-видимому, замечательного равновесия во сне и аппетите.

Он указывает на кресло, просит садиться, спрашивает, в чём дело. Разговор наш очень краток. Я говорю, что мне известно, как ему дорого время, и поэтому не буду утруждать его чтением проспекта будущей газеты; он сам пробежит его на досуге и скажет своё мнение. Но Ленин все-таки наскоро перебрасывает листки рукописи, низко склоняясь к ним головой. Спрашивает – какой я фракции. «Никакой, начинаю дело по личному почину». «Так! – говорит он и отодвигает листки. – Я увижусь с Каменевым и переговорю с ним». Все это занимает минуты три-четыре». Здесь Куприну повезло: в разговор вступил поэт, и писатель получил роль наблюдателя: «Ни отталкивающего, ни величественного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх, но эти черточки не слишком монгольские: таких лиц очень много среди «русских американцев», расторопных выходцев из Любимовского уезда Ярославской губернии. (*«Ярославский расторопный мужик» – литературный эпитет прошлого – С. Д.*) Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как это выходит на фотографических ракурсах...

Ленин совсем лыс. Но остаток волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно-красно рыж. Об этом же говорят пурпурные родинки на его щеках, твёрдых, совсем молодых и таких румяных, как будто бы они только что вымыты холодной водой и крепко-накрепко вытерты. Какое великолепное здоровье!

Разговаривая, он делает руками близко к лицу короткие тыкающие жесты. Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения их мне так и не удалось поймать. Но на глаза его я засмотрелся. Другие такие глаза я увидел лишь один раз, гораздо позднее. От природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это, вместе с быстрыми взглядами исподлобья, придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости.

Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков. Подыскивая сравнение к этому густо и ярко оранжевому цвету, я раньше останавливался на зрелой ягоде шиповника. Но это сравнение не удовлетворяет меня. Лишь прошлым летом в Парижском зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны лемура, я сказал себе удовлетворённо: «Вот, наконец-то, я нашёл цвет ленинских глаз». Разница оказывалась только в том, что у лемура зрачки большие, беспокойные, а у Ленина они – точно проколы, сделанные тоненькой иглой, из них точно выскакивают синие искры.

Голос у него приятный, слишком мужественный для маленького роста и с тем сдержанным запасом силы, который не оценим для трибуны. Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок – давняя привычка, приобретённая в бесчисленных словесных битвах – все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребёнком. Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности.

Вот, кажется, и всё. Самого главного, конечно, не скажешь: это всегда так же трудно, как описывать словами пейзаж, мелодию, запах. Я боялся, что мой поэт никогда не кончит говорить, и потому встал и отклонялся. Поэту пришлось последовать моему примеру. Мрачный детина опять выпустил нас в щелочку. Тут я заметил, что у него через весь лоб, вплоть до конца правой скулы, идёт косой багровый рубец, отчего нижнее веко правого глаза кажется вывороченным. Я подумал: «Этот по одному знаку может, как волкодав, Кинуться человеку на грудь и зубами перегрызть горло».

Ночью, уже в постели, без огня, я опять обратился памятью к Ленину, с необычайной ясностью вызвал его образ и... испугался. Мне показалось, что на мгновение я как будто вошёл в него, почувствовал себя им. В сущности, – подумал я, – этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиверия, Иоанна Грозного. Те, при всем своём душевном уродстве, были все-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Это же – нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своём пути. И при том, подумайте! – камень в силу какого-то волшебства – мыслящий! Нет у него ни чувств, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая непобедимая мысль: падая – уничтожаю».⁷⁸

Мне кажется, озлобленность у Куприна несколько преувеличена. Все это горечь голодной безнадёжной эмиграции, заставившей его в конце жизни «приползти» умирать к родному очагу. Не в укор, а для справки.

Александр Иванович – потомок татарского рода, мог спокойно подойти к зеркалу и увидеть самого себя. Его внешность напоминала внешность Ленина, его монгольский разрез глаз, скуластость. Как хотите, а есть что-то общее в облике писателя и политика. Не отметил также писатель картавость Ульянова: это необъяснимо. Обычно все подчёркивают эту особенность речи. Что же касается описания запустения, грязи, бледных барышень и звероподобных охранников – нас это не должно отталкивать. Время Гражданской войны – не для создания идеальной канцелярии, даже для первого лица государства. Длинные ковровые коридоры, кабинеты, обставленные новейшей мебелью, обширные приемные и т.п. – все это было впереди, но вряд ли бы писатель Куприн получил так быстро доступ к «самодержцу».

Мне лично воспоминания Куприна кажутся даже слабыми с точки зрения писательского мастерства. Мастерство отказывает ему, потому, что Куприн не откровенен: Ленин понравился ему. Но он поборол в себе это чувство, потому что рядом были расстрельные списки, цензура, голод, война, разруха.

Но если бы писатель покопался в своей памяти, то, конечно же, должен был вспомнить свои собственные предсказания. После «Поединка», принесшего мировую славу, Куприн на немецком языке опубликовал статью «Армия и революция в России» в 1906 году. Опубликовал в бесцензурной венской газете «*Neue Freie Presse*». (*Антисионисты, бдите: это была газета, в которой работал Теодор Герцль и Макс Нордау!*) О будущем своей родины Куприн пророчески писал: «Отвратительное Невежество прикончит красоту и науку...

И вчерашний раб, упившийся и покрытый кровью, будет плясать на этих развалинах при зареве горящих зданий с куском человеческого мяса в руках...».⁷⁹

У Горького в описании Ленина широта мышления на порядок выше, чем у Куприна. Таков рассказ, как мы бы сказали сейчас, об экологии. Ленин, говорил со своим идеологическим врагом А.А. Богдановым – Малиновским об утопическом романе: «Вот вы бы написали роман для рабочих на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, всё железо, весь уголь, это была бы очень полезная книга, господин махист!».⁸⁰

При этом надо учесть, что высокообразованный, мягкий человек Богданов был влюблен в Ленина. Тот же азартно играл в шахматы с Богдановым и, проигрывая, сердился, даже унывал по-детски. Но и эта детская обидчивость не нарушала целостной слитности его характера.

Горький отмечает у вождя удивительное знание «человеков» и обострённое чувство будущности, безошибочность предсказания эволюции личности. Высказывался откровенно – люди обижались, но, к сожалению, его скепсис оправдывался⁸¹, что произошло и по отношению к Сталину, как известно, так же «обидевшемуся» на пророка...

Предвиденье войны и невозможность избежать её. Речь идёт о I Мировой. Немыслимые жертвы.⁸² «Чего ради сытые гонят голодных на бойню друг против друга? Можете вы назвать преступление более идиотическое и отвратительное...» и далее: «Но враги (*пролетариата*) – обесселят друг друга. Это тоже неизбежно».

У Горького есть описание внешности Ульянова: оно интересно тем, что портрет тоже пишет литературный классик: «А этот лысый, картавый, плотный, крепкий человек, потирая одною рукою сократовский лоб, дергая другою мою руку, ласково поблёскивая удивительно живыми глазами...».⁸³

Для контраста укажем на Бунина, который никогда лично не встречался с Лениным и Троцким. Для него Ленин – чудовище, животное, врожденный преступник почти по Чезаре Ломброзо. «Бог шельму метит. Ещё в древности была всеобщая ненависть к рыжим и скуластым... А современная уголовная антропология установила: у громадного количества так называемых «прирождённых преступников» – бледные лица, большие скулы, грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза.

Как не вспомнить после этого Ленина и тысячи прочих?»⁸⁴

Бунин собирает всевозможные сплетни о Ленине, отнюдь не украшающие вождя. Единственный раз он беседовал с человеком, который знал обоих лидеров Октября – с писателем А. Н. Тихоновым (1880–1956) из окружения М. Горького: «Возвращались с Тихоновым. Он дорогой много, много рассказывал о большевистских главарях, как человек очень близкий им: Ленин и Троцкий решили держать Россию в накаленном состоянии и не прекращать террора и гражданской войны до момента выступления на сцену европейского пролетариата. Их принадлежность к немецкому штабу?

Нет, это вздор, они фанатики, верят в мировой пожар». ⁸⁵ И это, кажется, самое объективное, что вышло из под пера великого писателя...

Стоит сказать несколько слов о «немецких деньгах». О них написаны тонны бумаги, но ясных доказательств до сих пор не обнародовано. Мне кажется, искать подписи Ленина под получением миллионов марок бессмысленно. Хочу указать на некоторые моменты, часто забываемые в пылу полемики. Немецкая социал-демократия, как «богатая тетушка» передавала большие деньги на рабочее движение и была даже держателем «спорных средств» из-за конфликта между большевиками и меньшевиками. Парвус ещё до войны занимался подозрительной финансовой деятельностью, в частности «работая» с Горьким, будучи его импресарио – часть средств, шла в партийную кассу. Это же делали и многие другие «спонсоры» русской революции: Савва Морозов, Леонид Андреев, Максим Горький, Николай Гарин-Михайловский, племянник Морозовых московский фабрикант Н. Шмит и многие другие. Некоторые давали анонимно и немалые средства. Это субсидирование революции началось давно. Так Михаил Бакунин лишь благодаря богачейшим чаеоторговцам и золотоискателям Сабашниковым сумел бежать из Восточной Сибири в Японию. ⁸⁶

Во времена народовольцев средства поступали из самых разнообразных источников, в том числе и из рук первейших чиновников империи. Об этом рассказывает С.М. Степняк-Кравчинский: десятки тысяч рублей, идущих на террор, вроде 30-40 тысяч ушедших на знаменитый подкоп, вносились из среды высшей аристократии и именитейшего дворянства. Причина ясна – ненависть к существующему строю. Террористы могли действовать лишь в сочувствующем обществе.

Этим благодетелям несть числа. Жертвовали средства и некоторые частные лица, жившие за рубежом, возможно, из США. И считать их всех заведомыми негодьями – абсолютно бессмысленно. Например, старинный знакомец с 1890 года Владимира Ульянова А.И. Ерамасов, предприниматель из Сызрани. Спустя 15 лет обратился к нему уже Ленин из Женевы с просьбой организовать помощь для издания большевистской газеты. И писал ему он дважды и тот не отказывал. Было что-то в молодом Ульянове, что навсегда оставило след в биографии Ерамасова. Среди этих «покровителей» большевиков, интересен писатель Н.А. Гарин-Михайловский (1852–1906), отец 11(!) детей.

Неужели он желал им «социалистического» будущего, которое мы пережили? Будущее, слава Богу, скрыто от нас непроницаемой завесой. И это важно!

Н.В. Считать Парвуса злым гением России и «кукловодом» Ленина – дикая нелепица, с большим запахом юдофобии. Последней атаке на Парвуса, давшей толчок антисемитской волне, послужил нечитательный роман Александра Солженицына.

Поступление средств шло также из экспроприаций. Наиболее громкое дело в Тифлисе осуществил Сталин и Камо. Были и другие налеты на банки, почты и т.п. Впрочем, следует подчеркнуть, что эти дела носили скорее показной характер, чем приносили реальную пользу. Например, «тифлиские» деньги были в крупных купюрах. При обмене в западных банках людей арестовывали по наводке русской полиции, приславшей номера ворованных купюр. И большую часть «экса» пришлось сжечь. Это известно, а я просто повторяю все то, что стало расхожей истиной.

Идея переезда из Швейцарии через Германию поначалу высказал Мартов. Ленин метался подобно птице в клетке, по выражению Троцкого, в нейтральной стране и придумывал способ вырваться из плена. Ему приходила в голову нелепая мысль: со шведским паспортом, притворившись глухонемым переехать через Германию.

Ленин ехал через Германию без одобрения Петроградского совета, что вызвало резкую реакцию швейцарских социалистов. Ромен Роллан так же не советовал это делать и в знак протеста не принял приглашение явиться на вокзал провожать русских.⁸⁷ Впоследствии был создан миф, что единственной группой людей, проехавшей через Германию, были Ленин и его спутники.

Абсолютная ложь!

Во время Первой Мировой войны действовала постоянная железнодорожная пассажирская линия из Швейцарии в Копенгаген и далее в Стокгольм. Естественно, это пассажирское сообщение шло и в обратном направлении.

Этим способом пользовались сотни и тысячи людей, застрявших в нейтральной стране, равно и как представители бизнеса и дипломаты нейтральных стран. «Пломбированный вагон» – эта идиома, объясняющая шпиономанию воюющих стран: окна были забиты досками, выйти из вагона на промежуточной станции невозможно: не дай Бог будет сфотографирован секретный объект...

Для справки: один из лидеров большевиков Николай Бухарин был интернирован в Австрии, как русский шпион, а Лев Троцкий прибыл в Россию с приключениями из США, но, кажется, никто не говорил, что он американский шпион... *(По крайней мере, в то время).*

Наше представление о полной герметизации воюющих сторон во время Первой Мировой войны несколько преувеличено. Не говоря уже об обмене тяжелоранеными пленными в Стокгольме с помощью Красного Креста, существовали и другие «необычайные» контакты. Так, например, Василий Кандинский, знаменитый русский художник в 1915 году, в разгар военных действий выехал из Петрограда в Стокгольм для встречи с немецкой художницей Габриэлой Гюнтер на предмет устройства его выставки в Стокгольме и Мюнхене (!). Этот факт можно найти в любой биографии Кандинского.

Во время Первой Мировой войны противоборствующие страны ставили своей целью свержение режимов друг друга. Для Германии был политический интерес предоставить социалистам приехать в Россию для ее ослабления. Война – далеко не благородное дело. Не подлежит сомнению, что существуют в политике дела, к которым военные относятся подозрительно, в том числе и «устраивание» революций и восстаний в тылу врага. Уже после войны выяснилось, что сам генерал Людендорф долго колебался при принятии решения отправлять ли Ленина в Россию.

Но, увы, это была норма военного времени. Все забывают, что немцы подняли восстание в Ирландии в 1916 году, поддерживая сепаратистскую партию «шин фейн», вонзая нож в спину Великобритании, которая с трудом подавила восстание. Германия посылала суда с оружием в Ирландию. Один из кораблей был потоплен, и водолазы извлекли ружья... российского образца. Оказывается, это было трофейное оружие.⁸⁸

Мало кто знает, но деньги и тогда поступали из США на поддержку ирландского движения, что само по себе было предательством по отношению к новой родине. Вооружённое восстание происходило в виде «маленькой октябрьской революции»: в Дублине были захвачены главный почтамт, телеграф, вокзалы, некоторые административные здания и т.д. Восстание с трудом и большими кровавыми потерями было подавлено. Большинство лидеров расстреляно. Но в апреле 1918 года, в самый критический момент боев на континенте, после выхода России из войны, «шин фейн» провела всеобщую забастовку и сорвала мобилизацию в английскую армию. В конце 1918 года лидеры «шин фейн» провозгласили независимость Ирландии. Наконец, уже в 1921 году Ирландия, кроме Ольстера, получила статус доминиона. Но и этого мало: подобно России, в стране началась гражданская война между соглашателями и республиканцами. Война шла почти два года.

Считать ли лидеров Ирландии, вроде Джеймса Конноли, Патрика Пирса или де Валеры немецкими агентами – судить читателям. Небольшое добавление: деньги для ирландцев от немцев поступали задолго до начала войны. Ещё в 1913 году на эти средства были созданы вооруженные подпольные ячейки.

(Прогерманизм де Валеры принял чудовищную форму, когда он единственный в мире политический деятель, в то время премьер-министр, после самоубийства Гитлера, явился в германское посольство в Дублине и принёс своё сочувствие немецкому народу!?)

Несколько смешно, но немецкие агенты поддерживали движение «суфражисток» – феминисток того времени: для ослабления врага надо пользоваться любыми приемами... Кроме того, в самой Англии были влиятельные левые силы, занимающие пацифистские позиции, требующие прекращения мировой бойни. Наиболее видным среди них был Джеймс Рамсей Макдональд (1866–1937), лидер в то время Независимой рабочей партии, стоявшей на левом крыле английского рабочего движения и одной из крупнейших фигур II Интернационала, к которому примыкала и РСДРП. (См. подробнее о Р. Макдональде в книге И. М. Майского «Воспоминания Советского посла», М., «Наука», 1964, кн.1, с.416-419, и кн. 2., М., «Наука», 1964, с.55). Нелишне добавить, что противник войны Макдональд в 1924 году и в 1929-1935 годах возглавлял британское правительство, а в 1924 году установил дипломатические отношения с Советским Союзом.

Немцы создали разветвлённую сеть шпионажа в США под руководством фон Папена. Они денежно поддерживали сторонников «нейтрализма» в Америке, так называемых «изоляционистов», пытались спровоцировать мексиканцев на войну с США за возвращение Техаса, Аризоны, Нью-Мексико, Флориды и других территорий.

Британские дешифровальщики сообщили миру, что Германия фактически предложила Мексике военный союз. В 1916 году американцы вынуждены были провести военную операцию против южного соседа, и будущий герой Мировой войны генерал Першинг заключил 15 марта 1916 года выгодный договор, освободивший руки американцев для войны в Европе. Не надо говорить, что фон Папена за шпионаж и подрывную деятельность выслали из страны. Но дело своё он сделал: максимально затормозил вхождение США в войну на стороне Антанты. Среди его «подвигов» и финансирование ирландских агитаторов для устройства забастовок на оружейных заводах и в доках главнейших портов США на Атлантическом побережье.

Не все предприятия немцев удавались, но они тратили средства для поддержания всевозможных оппозиционных групп и движений, не скупясь. Германцы, «проклятые гунны», «заклятые враги славянства» создавали польские легионы Пилсудского (в Австрии). Немцы поддерживали «самостийность» Украины гетмана Скоропадского.

Немцы поддерживали сепаратистов Русской Финляндии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, австрийцы – Семена Петлюру, турки подстрекали мусульман России, и им удалось поднять восстание в Туркестане в 1916 году, с трудом подавленное и т.д. и т.п. Через германскую социал-демократию проводилась пацифистская кампания за скорейший мир, естественно выгодный Серединным странам.

На подкуп продажной прессы уходили миллионы. Добились успеха немцы и во Франции. Так, депутат Жозеф Кайо, бывший премьер-министром в 1911/1912 годах, занимавший во время войны пост казначея армии, искал компромисса с Германией. Во время заграничных поездок он неоднократно встречался с германскими агентами и представителями правительства. Его друг Боллопаша был арестован и уличен в получении значительных средств для подкупа французской печати. По аналогичному обвинению был арестован и другой друг Кайо – Альмерейдо. Раздавались голоса, что сам Кайо – изменник. В декабре 1917 года его лишили депутатской неприкосновенности, в январе 1918 года арестовали. Однако, судили его лишь после окончания войны в 1920 году и он отделался «всего-навсего» тремя годами тюрьмы, пяти годами запрещения жить в Париже и лишением гражданских прав на десять лет.⁸⁹ Будет справедливо досказать судьбу Жозефа Кайо: в 1924 году он был амнистирован, а в 1925 году «изменник» занял пост министра финансов! Вопросы войны и мира чрезвычайно сложные. Поиск компромиссов дорого обходится людям, не страдающим комплексом квасного патриотизма.

Думаю, что Кайо понимал ловушку Версаля: мирный договор содержал зерна будущей войны. *(Кайо был последовательным миротворцем. Он спас Европу от войны во время марокканского кризиса в 1911 году. Стоял за соглашение с Германией в Мюнхене, но наотрез отказался участвовать в коллаборационистском правительстве Виши. Забавно, но имя Кайо появляется в переписке В.И. Ленина с Инессой Арманд в связи со скандалом – убийством редактора «Фигаро» женой Кайо – Генриэтой, отомстившей прессе за вторжение в личную жизнь.)*

Антанта не оставалась в долгу. Она подстрекала славян Габсбургской империи на отделение, и Россия создавала чехословацкий легион. Один солидный источник сообщил, что за десятилетия предшествующие Мировой войне русские агенты «наводнили» Австро-Венгрию, Сербию, Черногорию, Болгарию, Грецию, Турцию. Русские неоднократно поднимали греков и славян на борьбу с Османской империей, поставляя неограниченное количество средств и оружия.⁹⁰

По мнению многих учёных, специалистов по Первой Мировой войне (например, проф. Николай Павлович Полетика), русская агентура создала сербскую террористическую организацию «Чёрная рука», как раз вложившую оружие в руку Гаврилы Принципа, убившего наследника Габсбургского престола, что стало формальным поводом Мировой бойни. Франция создавала в свою очередь польские легионы Дмовского, а также и чешские; русские подстрекали армян, ассирийцев и других христиан Турецкой империи к мятежу, что привело к армянской резне 1915 года – потрясающий цинизм.

Англичане поднимали арабов той же самой империи к восстанию, вкладывая громадные средства на князьков пустыни (будущий иракский король Фейсал, его отец Хусейн, князь Геджаса и многие другие), что принесло, в конце концов, плоды и новые несчастья человечеству: созданию конгломерата средневековых арабских государств. А ведь надо помнить, что это была империя, во главе которой стоял халиф «верный слуга городов Мекки, Медины и Иерусалима». Это было «предательством» со стороны арабов-мусульман своему владыке...

Итальянцы, «предавшие» Тройственный союз, подстрекали население Трентины к воссоединению. Антанта на подкуп политических деятелей Италии, Румынии, Греции, Болгарии, и надо отметить – неудачно. Громадные деньги шли на поддержку политических деятелей, ратующих за продолжение войны, в том числе и в России. В общем, потратились как следует...

Но все эти астрономические затраты несравнимы с пресловутыми миллионами Ленина. (В германском МИДе А.Ф. Керенского охарактеризовали, как «молодого и энергичного человека, настоящего русского по убеждениям, который желает блага своей стране и не скупится на английское золото...» – см.: Анатолий Уткин «Забывтая трагедия. Россия в Первой Мировой войне», Смоленск, 2000, с.332.)

Общий долг России Англии составлял 600 миллионов фунтов стерлингов! Распространено было мнение, что России надо выдержать ещё год, ибо перевес Антанты со вступлением США в войну стал бы очевиден. Но этого года у России не было.

18 декабря 1914 года, то есть спустя пять месяцев после начала войны, Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич уведомил союзников, что военные запасы русской армии истощились, и что отныне она должна перейти к обороне; самое большее, на что она могла рассчитывать – это продержаться собственными силами, пока Англия и Франция каким-то образом выигрывают войну.⁹¹

Фронт развалился и не мог сдерживать немцев, хотя даже после всех потерь численный перевес был на стороне России. Страна сгнила – ее ничто не могло спасти. Это легенда о Ленине, вонзившем нож в спину своей родине, стала расхожим местом. Но Ленин с полным основанием мог сказать, понятно в других категориях, чем Наполеон, что и он поднял корону, валявшуюся в дерьме на свалке истории, и очистил её от грязи. «А власть есть власть – организованное принуждение в интересах целого. Готовность служить целому была большая, но способность принуждения отсутствовала, и власть валялась без присмотра, без хозяина, никем не ощущаемая, пока не пришли добрые молодцы и не подобрали ея».⁹²

Русский дипломат в июне 1916 года был вызван из Испании в Россию. Увиденное его потрясло. Разруха и беспорядки дошли до крайних пределов. В воздухе чувствовалось приближение революции. На обратном пути он остановился в Лондоне. Вот что посланник сообщает в мемуарах: «Там в это время, по-видимому, уже мало рассчитывали на русскую помощь, постепенно привыкая к мысли о возможном нашем выходе из рядов союзников. Приведу маленькую, но характерную подробность. Во всех больших лондонских кинематографах в это время показывались военно-патриотические фильмы. После них на экране появлялись портреты глав союзных государств.

Это сопровождалось исполнением соответствующих национальных гимнов. Портретов Николая II при этом уже не было, и русский флаг среди союзных флагов, украшавших сцену, в большинстве случаев отсутствовал. Создавалось впечатление, что англичане примирились с нашим выходом из рядов союзников. Это, вероятно, при создавшихся в России условиях считалось в Англии естественным».⁹³

Антанта делала героические усилия, чтобы удержать Россию воюющей стороной. Миллионы франков, фунтов стерлингов, долларов шли на поддержку военного потенциала. Так один лишь банкирский дом Морганов дал царскому правительству двенадцать миллионов долларов займа! Сумма умопомрачительная по тому времени.⁹⁴

И, наконец, миф о «ноже в спину» использовали немецкие реваншисты в своих послевоенных писаниях. В свою очередь, немецким генералам было совершенно очевидно, что Германия войну проиграет задолго до лета 1918 года. Людендорф требовал немедленного перемирия, ибо армия не сможет сдержать наступление союзников. Но уже после войны много говорилось, что если бы не ноябрьская революция, то войну можно было выиграть. Этим и питался будущий нацизм.

Что же касается Ленина, то ещё до Брестских переговоров, а тем паче после них, по его приказу переводились средства на пробуждение революции в Германии. Он очень надеялся, что революция произойдет весной 1918 года, и тогда выполнять условия мирного договора было бы не к чему. Основания к этому были: восстания моряков в 1917 году и забастовки миллиона рабочих в январе 1918 года в Германии. К лету 1918 года началась агония Германии и ее союзников. В конечном итоге так и произошло:

*«Помню квадратные спины и плечи
Грузных немецких солдат.
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят».*

Максимилиан Волошин. 28 мая 1919 Коктебель.

Граф В.П. Зубов в своих воспоминаниях писал, что Ленин рассчитывал, что ему никогда не придётся исполнять условий мирного договора, так как он предвидел поражение Германии на Западном фронте и не ошибся.⁹⁵

А один из московских обывателей в августе 1918 года записал в своём дневнике: «Неужто военному могуществу Германии и славе Вильгельма и Гинденбурга приходит конец? И если так, то, действительно, социализм набирает силу, и наш Ленин поднимается на пьедестал мирового значения, как действительный и гениальный проводник идей, должностующих всю земную жизнь переработать совершенно заново».⁹⁶

Людендорф в своих воспоминаниях клянёт большевитское правительство и конкретно полпреда РСФСР Адольфа Йоффе в поставке

денег и оружия спартаковцам, что и привело к разложению армии и в итоге к революции. Ленину в дальновидности не откажешь.

Катастрофа на Западном фронте стала ясна германскому Генштабу значительно раньше лета 1918 года, в связи с постоянно увеличивающимся количеством союзных американских войск. Итог – протокол совещания в главной ставке 14 августа 1918, когда статс-секретарь иностранных дел в присутствии кайзера, Гинденбурга, Людендорфа и других «высоких особ» из окружения Вильгельма II, констатировал следующее: «Начальник штаба действующей армии (П. Гинденбург) охарактеризовал военную ситуацию таким образом, что мы не можем больше надеяться сломить боевую волю наших врагов с помощью военных действий...».⁹⁷

Между прочим, совсем мало известно, что 17 декабря 1917 года норвежские социал-демократы предложили норвежскому комитету, ведающему ежегодным присуждением Нобелевской премии мира, выставить в качестве кандидатов... Ленина и Троцкого!⁹⁸ Им было отказано по формальному поводу в связи с опозданием с подачей документов.

В историческом аспекте так все уже было. Будущий царь Давид воевал на стороне филистимлян против своего законного государя и тестя царя Саула; Сид Кампеадор чаще воевал с христианами, чем с сарацинами; святой Александр Невский был послушным орудием Батюга и безжалостно подавлял восстания своих же русичей; отец будущего основателя династии Романовых – был в стане Лжедмитрия II и из рук его получил патриаршество и т.д. и т.п.

Также Антанта обладала несравненно большими финансовыми возможностями, чем Серединные державы. Англия и Франция, а затем США давали не только обещания, но и многомиллионные деньги, для стимуляции России продолжать войну. Все было напрасно.

И не немецкие деньги совершили Февраль, не они совершили Октябрь. Слово Леониду Андрееву, предсказавшему будущее своей Родины. Это не аморфные и общие фразы Ф. Достоевского с произнесенной, но подразумеваемой фразой: «Жида погубят Россию» – это мощный поток интуиции и знания русской истории.

Великий Леонид Андреев, был лично знаком с современным Мефистофелем («Анатэма») и Сатаной («Дневник Сатаны»). Статья Леонида Николаевича была опубликована в газете «Русская воля» от 15 сентября 1917 года, более чем за месяц до «Великого Октября». Видящий – да увидит; слышащий – да услышит!

VENI CREATOR!

Гряди, Создатель! (лат)

«По июльским трупам, по лужам красной крови вступает завоеватель Ленин, гордый победитель, триумфатор, – громче приветствуй его русский народ! Вот он, серый в сером автомобиле: как прост и вместе величав его державный лик, сколько силы в каждом движении его благородной руки: одним мановением она приводит в движение пулемёты и воздвигает стихии на головы непокорных...

Ты почти, Бог, Ленин. Что тебе все земное и человеческое? Жалкие людишки трепещут над своей жалкой жизнью, их слабое, непрочное сердце полно терзаний и страха, а ты неподвижен и прям, как гранитная скала. Они плачут – твои глаза сухи. Они молят и проклинают – но ты их не слышишь.

Что тебе земное? Ты выше слез, выше проклятий, выше презрения – ты сам есть великое презрение, ставшее над землею.

Гряди, победитель!

О каком-то отечестве плачут они. Зовут Россию. Земные и жалкие, они любят какую-то родину. Им мила их земля, им мило их небо, их реки и леса, их поля и убогие деревни. Они хотят дышать, этим воздухом и задыхаются в другом, будто не всякий воздух одинаково пригоден для дыхания. Земные дети, они цепляются руками за игрушки и самую любимую из всех зовут отечеством, каким-то отечеством. Но что тебе до земного? Как некий Бог, ты поднялся над их земным и ничтожным – и презрительной ногою встал на их отечество, легким пинком отбросил и растоптал смешную игрушку. Разве для Бога существует география?, границы? свои и чужие земли?...

Гряди спокойно победитель!

Но я вижу, что здесь ещё не конец твоему Великому Презрению. Кого ещё ты презираешь, победитель? Твой рот презрительно шевелится: на чью же голову ты готовишь свой ядовитый плевок? Кого ты ищешь глазами? – здесь нет никого, кроме русского народа, и он приветствует тебя!

Не его ли ты презираешь?

Это было бы слишком жестоко, Великий. И несправедливо! Не он ли расступился перед тобою? Не он ли стомиллионный великий русский народ, имеющий Толстых и Герценов, Каляевых и Петров Великих, покорно склонил перед тобою свою выю и ныне венчает тебя? Смотри, как низко стелется перед тобою вся народная нива!

Ни один колос не стоит прямо, все согнулись и кланяются, как Иосифу. Смотри, как по мере приближения твоего затихают проклятия, ложь и судебная клевета, пятнавшее твоё чистейшее имя. Благоговеет сын персти, и в благоговейном молчании встречает тебя и твои пулемёты, великий завоеватель! Ты победил русский народ. Единый – ты встал над миллионами.

Маленький, даже щуплый, ты осуществил то, что не удалось и Наполеону: завоевал Россию, под ноги свои бросил всякого врага и супостата.

Разве ты не слышишь, как воют приветственные трубы и гремят фанфары? Чем же ты недоволен, Великий? Улыбнись, взгляни ласково на твоих слуг и рабов, иначе... мы умрем от страха!

– Горе побеждённым.

Это ты говоришь?

– Горе побеждённым!

Страшные слова, и непонятно, о ком ты говоришь. Если о нас, побеждённых тобою, то в чем же наше горе? Не хлеб ли и мир ты сулишь нам, вступая, а мы так хотим мира и хлеба, мы скоро детей продадим за кусок хлеба и день хоть позорного, но сладкого мира. В чём же наше горе? Но ты суров, Ленин, ты даже страшен, Великий. Смотрю на тебя и вижу, как растёт вширь и в высоту твоё маленькое тело. Вот ты уже выше старой Александровской колонны. Вот ты уже над городом, как дымное облако пожара.

Вот ты уже, как чёрная туча, простираешься за горизонт и закрываешь все небо: черно на земле, тьма в жилищах, безмолвие, как на кладбище. Уже нет человеческих черт в твоём лице: как хаос, клубится твой дикий образ, что-то указывает позади дико откиннутая чёрная рука.

Или ты не один? Или ты только предтеча? Кто же ещё идёт за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твоё дымное и бурное лицо?

Густится мрак, и во мраке я слышу голос: – Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнём и соберёт пшеницу в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым. Идущий за мною сильнее меня.

Густится мрак, клубятся свирепые тучи, разъяренные вихрем, и в их дымных завитках я вижу новый и страшный образ царской короны на царской короне на голове. Кто этот страшный царь? Он худ и злобен – не Царь-Голод ли это?

Он весь в огне и крови – не царь ли это Вильгельм? Он с веревочной петлей поверх короны – не царь ли Николай это. Сгущается тьма. Мне страшно!

Сгущается бездонная тьма, крошечный мрак. Ни единого огня, ни единого голоса – безмолвие и тьма.

Мне страшно. Как слепой, мечусь я в темноте и ищу Россию: – Где моя Россия? Мне страшно. Я не могу жить без России. Отдайте мне мою Россию! Я на коленях молю вас, укравших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните!

Ищу и не нахожу. Кричу и плачу в темноте. И мне страшно, о Господи! Где моя Россия? Сердце не хочет биться, кровь не хочет течь, жизнь не хочет жить.

Отдайте Россию!

...Или это только галлюцинация, бредни писателя, который не может спать? А наяву всё так спокойно и просто. Вон улица и красные флаги. Вон милиция. Вон министры. И все вообще ждут Ленина.

Гряди же, победитель! Гряди спокойно».

(«Русская Воля». 15 сентября 1917 г.)

«(Тебе Ленину) ...все согнулись и кланяются, как Иосифу», «Или ты только предтеча?» Но кого? Иосифа Сталина? ... История дает ответ...

А вот, что вышло из-под пера Горького в первом издании воспоминаний о Ленине. Подчёркивание русскости Ильича приводит к удивительным сравнениям: «И был он насквозь русский человек с «хитрецей» Василия Шуйского, с железной волей Аввакума, с необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого. Он был русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывал свою страну, – издали она кажется красочнее, ярче. Он правильно оценил потенциальную силу ее – исключительную талантливость народа, ещё слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжёлой и нудной, но талантливость всюду, на тёмном фоне фантастической русской жизни, блестящую золотыми звездами».⁹⁹

В этом подчёркивание русскости Горький переходит границы здравого смысла. Ибо выше есть расхожая цитата о русском народе: о его талантливости и лености. Ну а уж если русский человек умник, то он обязательно или еврей или человек с примесью еврейской крови.¹⁰⁰ Этого-то не могут простить Ленину. Ну, а если сравнение Ленина с Аввакумом и Петром – легитимно, то с Василием Шуйским – заведомо подленькой фигурой русской

истории, отрицательной даже с социологической точки зрения: ибо он казнил вождя крестьянской России – Болотникова.¹⁰¹ Но, если сравнивать с Аввакумом и Петром, то возникают «ножницы» – в конце концов, к чему звал Россию Аввакум? К тёмному прошлому и у него ничего нет общего с Западником Петром. Вот мысли М.М. Пришвина о сектанстве Ильича: «Мысль эта о том, что если это движение дало на свет Ленина, (а разве он один? Сколько людей с сильным характером вышло от раскольников), то не является ли культура спасительной. Силы, разрешающим смыслом старообрядчества? Какой Лютер – я знаю только понаслышке, или Робеспьер. А Ленина я не только видел, но сколько я знал из сектантов таких людей». (*М.М.Пришвин Дневники, 1950-1951, С-Пб, 2016, с 458, 690*)

И всё-таки связь с Петром Ленина закономерна. Да, Ленин сохранил империю, но какой ценой? Небольшой экскурс в историю.

В июне 1831 года А. С. Пушкин получил разрешение пользоваться архивами, документами петровского времени. Если и была у заказчика (*императора Николая Павловича*) мысль, что из-под пера первого поэта выйдет апофеоз, то этого не произошло. «Медный всадник» при жизни не был допущен цензурой, несмотря на «идеальное вступление».

В чём дело? «...Вступив в архивы, Пушкин дотронулся собственноручно до источников, свидетельствующих о величии реформатора, но вместе с тем и ужасающих, так как из этих документов струилась и капала кровь почти на каждом листе».¹⁰²

Читатель, даже не историк, который касается томов Ленина и некоторых документов, опубликованных в последние два десятилетия, ошарашен: они наполнены кровью: «террор, расстрел, высылка, арест» и т. п. Петра отделяет от нас триста лет. Он стал знаменем стремления на Запад; потоки крови, пролитые им, забыты. Их знают лишь историки и любопытные. От смерти Ленина нас отделяет «всего» восемьдесят лет, из коих почти семьдесят ушло на его увековеченье. Уверен, что спустя двадцать-тридцать лет о его преступлениях будут знать только историки. Фигура не однозначная.

Если вдуматься, то из времен Аввакума, а точнее царя Алексея Михайловича, к большевикам «перешла» стрелецкая форма: шлем с шишаком – «единорожка», что позже стали называть «будёновкой», длинная шинель с характерными косо пришитыми на груди полосками, напоминающими древнерусские кафтаны военных людей... А под алым знаменем Дмитрий Донской победил на Куликовом поле...

Лев Зильбер, родной брат писателя Вениамина Каверина, впоследствии знаменитый врач, во время Гражданской войны получил назначение в штаб 2-й Донской дивизии, которой командовал бывший полковник царской армии Колчигин. На груди комдив носил орден Красного Знамени – тогда весьма редкая награда. Также с орденом на гимнастерке была нашита желтая лента – цвет лейб-гвардии уланского полка, где в иные времена он служил. Такое сочетание было любопытно пытливому доктору, которому было бы интересно узнать: что заставило Колчигина принять Советскую власть и служить ей не за страх, а за совесть. Случай представился – комдив и врач разговорились. Смысл рассуждений бывшего офицера сводился к тому, что большевики собиратели Русской земли, продолжатели дела Ивана Калиты. Если бы не большевики – Россия бы распалась, ее окраины были бы заняты англичанами, японцами, была бы обкорнана Западная граница. Далее следует аргумент, который я использовал в защиту Ленина: «Мы очень много говорим об интернационализме... и, конечно, наша революция имеет международное значение. Но, посмотрите, как одета наша армия и под каким знаменем она сражается. ...ведь эти шлемы, в которые мы одеваем наших красноармейцев, и эти широкие красные петлицы на шинели – это же одежда великокняжеской рати, а красное знамя – это то самое знамя, под которым русский народ сражался при Калке. Это то знамя, под которым русский народ сверг татарское иго. Так что большевики совсем не забывают, что они являются политической партией русского народа». (Л.Л.Киселев, Е.С.Левина «Лев Александрович Зильбер (1894-1966. Жизнь в науке», М., 2004, с.96-97)

Я испытал истинное удовольствие от прочтения этих слов. Для меня чехарда со знаменем современной России, которая отказалась от государственного флага СССР – возвращение к византийщине, а не к русским истокам. Да и двуглавый мутант – символ загнившего православия, которому не место в многоконфессиональной стране. Серп и молот – символы труда намного интернациональнее и справедливее. Я повторяюсь, но это так!

А что же касается шлема, широких петлиц, длиннополой шинели – за это спасибо Льву Давидовичу, который был достаточно образован, чтобы подчеркнуть национальный характер революции. Эскизы делал, если не ошибаюсь, Апполинарий Васнецов, знаменитый художник. (По «научным» исследованиям впервые шлемы-шишаки были сшиты в Иванове по эскизам М.В. Фрунзе.) Кстати красноармейская шинель была лучше и целесобразнее шинели царской армии. Но это так, к слову...

Интересно, кто первый разглядел в Ульянове Ленина? Сложно ответить на этот вопрос. Но одним из первых был Виктор (*Вигдор или Вольф*) Евсеевич Мандельберг (1869/70–1944), врач, бывший член второй Государственной Думы от социал-демократической фракции, меньшевик, с 1907 года в эмиграции. Он был делегатом II съезда РСДРП, где произошел раскол эсдеков на большевиков и меньшевиков. Этот раскол был инспирирован Лениным. Расколовшись на две почти равные части, делегаты понесли со съезда в Россию семена раздора. Отношения между двумя фракциями установились самые скверные и эти возмутительные отношения были занесены в глубинку. Мусор дрязг, сплетен заполнял образовавшуюся щель. И щель росла, разногласия увеличивались. Почему?

Вот ответ Мандельберга: «Потому, что причина, вызвавшая разногласия на съезде, именно, специфическое ленинское упрощённое отношение и понимание задач партии и сущности революционной борьбы, – не только оставалось, но, наоборот, благодаря расколу получило возможность выкристаллизироваться, в последовательно проводимую систему; собирая вокруг себя элементы Партии, имеющие тенденцию именно к такому пониманию, и ими этими элементами отчасти покоряемое, – оно, чем дальше, тем всё больше уходило от меньшевиков... Чем сложнее задачи ставила всё стремительнее развивающаяся революция, тем, понятно, всё более и более ошибочные ответы должен был давать всё упрощающий **ленинизм**».¹⁰³

Это потрясающее свидетельство. Во-первых, кажется, впервые употреблено слово «ленинизм». До этого общеупотребительным для обозначения большевиков и меньшевиков были «беки» и «меки» внутри «эс-деков» – социал-демократов.

Ясно, что слово «беки», смахивающее на «бьяки» было упрямлено. Во-вторых, речь идёт о кадрах большевизма, неизмеримо более примитивных, чем их оппоненты. Одна из причин произошедшего – полный отрыв лидеров эмиграции от России.

Дрязги, сплетни, взаимные обвинения – эмигрантская клоака выбрасывала всё это на территорию империи, и лишь примитивные низы могли быть электоратом нового движения.

Кстати, первые оценки социал-демократов со стороны народо-вольцев были негативными и проявились в общих ссылках. Конечно, на лицах выживших героев семидесятых-восьмидесятых годов можно было прочесть отпечаток мученичества и трагизма. Но в оценке нового движения они были почти единогласны: «мы» – народо-вольцы, «аристократы», а «вы» – социал-демократы – «плебс».

«...Недавно умерший народоволец и народоправец, позднее правый эсер Н. Тютчев высказался: “Теперь в Сибирь улица пошла”». ¹⁰⁴

Множество версий выдвигалось в отношении псевдонима, который избрал Владимир Ульянов – ЛЕНИНЪ. Крупская считала выбор псевдонима делом случая и не более. ¹⁰⁵ Но у меня есть странная версия. ¹⁰⁶ В Германии существует одно стихотворное пророчество по-латыни, приписываемое монаху Герману, жившему в XIII веке. Иногда называют «точную» дату появления пророчества – 1300 год, но оно получило известность в 1693 году и многократно переиздавалось. Выдвигались различные версии, кто в действительности создал эту фальшивку.

Пророчество называется – *Vaticanium Lehninese* (*Ленинское пророчество*), названное по местечку Ленин (ударение на последнем слоге), неподалеку от Потсдама, известное развалинами старинного цистерцианского монастыря Гиммельпорт, основанного в 1180 году. (*Цистерциане – монашеский орден, ветвь бенедиктинцев. В Польше их называют бернардинами. У них был строгий устае*). Вероятно, пророчество позднейшая фальшивка. ¹⁰⁷

В этом подлоге с одной стороны оплакивается гибель дома Асканиев (им когда-то принадлежал Ленин), а с другой – возвышение династии Гогенцоллернов, должно привести к объединению Германии. Предрекается и гибель последней династии в одиннадцатом поколении. Наследниками Асканийской династии были князья Ангальт-Цербские. Иначе говоря, дом Романовых был тесно связан через Екатерину Великую с этой династией, ибо она была принцессой Ангальт-Цербской. (Кстати, эта династия ведёт свой род от славян – сербов (*отсюда – цербская*)). Все эти исторические изыскания, возможно, могут помочь в выяснении странного псевдонима.

Как бы то ни было, мы можем заметить, что в этом псевдопророчестве имеются антироялистские тенденции, которые, зная биографию Ульянова-Ленина, могли его привлечь к выбору конкретного псевдонима. Учтем, что впервые псевдоним «Ленинъ» появился в газете «Заря» в 1901 году. Том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона со статьей о «Ленинском пророчестве» вышел в 1896 году – версия имеет право на существование. ¹⁰⁸

Добавим, что псевдоним «Ленин» использовался в артистическом мире. В девяностые годы XIX века этот псевдоним использовал провинциальный актер Н. Ленин-Менделеев. Он был племянником великого химика. ¹⁰⁹

Второй раз этот псевдоним использовал знаменитый актер, народный артист РСФСР Михаил Францевич Игнатюк (1937). Псевдоним, возможно, был взят у его учителя, великого актера А.П. Ленского, как бы усеченная форма, принятая для бастардов XVIII века (Пнин-Репнин, Шафиров – девица Фирова, Селиверстов-Верстовский и т.д.) или по имени женщины. Возможно, этот же псевдоним был взят и другой известной актрисой Лениной Еленой Лазаревной. Но у неё, вероятно, это как раз образование от имени. К сожалению, я не знаю её девичьей фамилии. Но все эти актеры взяли свой псевдоним в начале XX века.

Информативны и воспоминания Владимира Александровича Поссе (1864–1940). Он был одним из самых интересных людей своего времени, публицистом, народником, марксистом, и, по словам Л.Н. Толстого, принадлежал к лучшим образцам «интеллигенции»¹¹⁰. Являясь личным другом Горького, Поссе оказал громадное влияние на Ленина и Горького, что несомненно: но оба они отрицали это влияние обаятельной личности.¹¹¹

Имея в виду Ленина, Поссе писал: «Искровцы» мечтали о своей диктатуре во всём революционном лагере.¹¹² Съезд партии – это турнир между социал-демократами и нарождающейся партией социалистов-революционеров. Самый солидный теоретик первых был Плеханов, самый боевой теоретик и практик Ленин.¹¹³

Удары Ленина пытался парировать Чернов с не всегда удачной помощью, которую оказывали ему хорошие практики, но плохие теоретики – Минор и Гоц. «Минор с обликом ветхозаветного патриарха и Гоц с обычной физиономией доктора, не добившегося ни практики, ни известности – чистокровные евреи, искренне полюбившие русский народ» – кажется, сказано это без иронии.

Где-то я слышал, что кто-то назвал Поссе дураком, но это далеко не так. Его прямота – это прямота давно вымерших мамонтов-идеалистов. Я не оговорился – не пескарей, а именно мамонтов. (*У Владимира Набокова: «Умирают мохнатые мамонты, чуть жива красноглазая мышь...»*).

Плеханов и Ленин – русские, и в наружности – русское, купеческое, но у каждого своеобразие. «Ленин, почти ровесник Чернова, казался в то время (*то есть в 1902 году*), значительно старше его, а теперь, пожалуй, выглядит помоложе, ибо Ленин раньше Чернова и внешне и внутренне установился.

Уже тогда у него была очень солидная плешь, обнажавшая хорошо вылепленный череп с остатками рыжих волос. Лицо с сильно развитыми скулами, с рыжей бородкой – некрасиво, но вся суть в глазах, карих, умных, смеющихся и лукаво и ласково. Небольшого роста, коренастый, жилистый с быстрыми уверенными жестами – он мог сойти за смышленного прасола, промышляющего скупкой у крестьян шерсти и льна».¹¹⁴

Блестящий портрет, сделанный вовремя, в будущем он сошёл бы за карикатуру. Ещё неожиданнее отношение к Плеханову. Возможно, и здесь имелся ввиду «Старик» (так называли Ульянова его сподвижники). Но так можно было обойти цензуру: «...на подмогу Ленину под шумные аплодисменты поднимается на кафедру пожилой плешивый интеллигент с густыми чёрными бровями, мефистофельски загнутыми над живыми, во все стороны стреляющими глазами. Это был Плеханов. Говорит он с продуманной жестикуляцией, говорит красно, точнее пестро: так и сыплются остроты, цитаты, в том числе из Крылова, ссылки на героев Гоголя и Щедрина... Несмотря на это или именно поэтому, слушать его было жутко, ибо легкая шутовская форма особенно ярко оттеняла зловещую жестокость содержания. Нападая на террор социалистов-революционеров, он восхвалял террор Великой французской революции, террор Робеспьера. «Каждый социал-демократ, – говорит Плеханов, – должен быть террористом а' la Робеспьер.

Мы не станем подобно социалистам-революционерам стрелять в царя и его прислужников, но после победы мы воздвигнем для них пилотину на Казанской площади...». Не успел он закончить этой фразы, когда среди жуткой тишины, переполненной залы раздался отчётливый голос: «Какая гадость!». Сказано это было громко, но спокойно, убеждённо и потому внушительно, Плеханов побелел, вернее, посерел...».¹¹⁵

На следующий день Поссе написал резкое письмо Плеханову о разрыве с ним, Лениным и другими, и печатно стал выступать против тогдашней социал-демократии. Обратим внимание, что в 1923 году Поссе имел мужество отвергать классовый террор, прозрачно намекая на советский режим: «Обещание поставить пилотину на Казанской площади стоит в тесной связи с обещаниями, данными Плехановым и его сторонниками на съезде РСДРП в 1903 году разогнать русский парламент через две недели, если состав его будет не соответствовать интересам Социал-Демократической Партии, или, напротив, сделать его бессрочным, если состав его будет этим интересам соответствовать, лишить буржуазию избирательных прав, ограничить свободу слова, не считаться с неприкосновенностью личности...».¹¹⁶

Не надо быть особенно прозорливым, чтобы узреть под анонимными словами «его сторонников» истинных главарей Октября, ускоренно решивших проблему Учредительного Собрания и прочих «мелочей»: свободы слова, личности и т.д. Резюме о встрече с Плехановым и Лениным следующее: «Злость сильна, и на этот раз победа осталась за «искровцами», несмотря на гадость Плеханова».¹¹⁷

Интересен рассказ Поссе и о Кропоткине. Оказывается, знаменитый анархист, если не был масоном, то, во всяком случае, интересовался масонством. Он спрашивал своего собеседника о том, масон ли Струве? И вообще придавал большое значение связям в высшем обществе, считая, что это может способствовать «движению». Он сожалел, что русские либералы игнорируют масонство.¹¹⁸ О будущей власти большевиков: «Если я вернусь в Россию, когда у власти будет Николай II..., то меня, вероятно, пошлют на Сахалин, но не в ссылку, а для геологических исследований, если же у власти будет Плеханов, то, пожалуй, посадят».¹¹⁹ Что и было сделано при большевиках.

И ещё одна двусмысленная деталь. Думаю, она касается больше Ленина, чем царя: **«Жизнью Николая Романова я интересовался. Будь на месте Николая II человек с такими способностями и с такой могучей волей, какие были у Петра I, русская история конца XIX и начала XX века была бы несколько иной, чем мы её теперь знаем. Совершенно отрицать роль личности в истории для тех, кому интересно общественное творчество Ленина, невозможно. И надо помнить, что в социологии, как в математике, приходится считаться с величинами не только положительными, но и отрицательными».**¹²⁰

В 1922 году вышла биография В.Г. Короленко. Автор предисловия к этой книге безусловно имел в виду Ленина и его противника Мартова. Следует различать между революционерами два основных разряда: «умозрительно-программный и органически принципиальный. Умозрительно-программные революционеры всегда более или менее начётчики, склонные с чрезвычайным жаром «сопоставлять о словеси». Во многих из них сидят отцы Христианской церкви эпохи вселенских соборов: по букве непримиримая вражда к язычеству, в существе – приятие и укрепление худших сторон того же самого язычества. Как бы наперекор старому афоризму: «из сердца исходят помышления», у революционеров этого типа ум ужасно непреклонный, а сердце чрезвычайно приспособленческое. Горячностью по формальным вопросам символа веры удовлетворяется потребность возместить холодноватое

безразличие к вероисповедному существу. Органически – принципиальным революционерам дорого существо. Для них люди дороже слов. Им в высшей степени понятно, что революционная суббота для человека, а не человек для революционной субботы. Они мягки и уступчивы в тех частностях, относительно которых возможны разные мнения. Но зато горячи и непреклонны в существе». ¹²¹ Вероятно, речь идёт о первом пункте программы по поводу членства в партии социал-демократов, с пеной у рта, защищаемого Лениным. Это первый водораздел между книжниками и практиками. Так сказать, школа Шамаев против школы Гилея...

При анализе причин возвышения Ленина, следует отметить его несомненную «харизму». Обратимся к ранним воспоминаниям одного из первых соратников вождя, затем исчезнувшего в «Никуду»; но он умер в своей постели. По его словам, он рано отошел от революционной деятельности и «потому со временем перестал существовать для Владимира Ильича». Речь идёт об экономисте Михаиле Александровиче Сильвине (1874–1955).

Дело относится к самому раннему периоду революционной деятельности Владимира Ульянова: **«остановлюсь на некоторых личных свойствах Владимира Ильича. Как я уже сказал, мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером, нашей главой; это его главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете, как теоретика, на его огромных знаниях, необычной трудоспособности, на его умственном превосходстве – он имел для нас и огромный моральный авторитет... он импонировал нам также моральным величием. Нам казалось, [что] он был совершенен, свободен от тех мелких слабостей, которые можно найти в каждом».** ¹²²

Примером его «харизмы» стоит привести встречу в Риге с латышскими социал-демократами, которые были предубеждены к россиянам. В течение трёх дней общения с ними Владимир Ильич полностью очаровал латышей.

«Здесь ещё раз убедился я, насколько этот человек был одарен способностью увлекать сердца, внушать к себе беспредельное доверие, наполнить чувством беззаветной преданности единой цели – всё это я не раз имел случай наблюдать и в отношении целых групп и отдельных лиц.

Бывали случаи, что человек достаточно зрелый, независимый в своём образе мыслей, в своих суждениях, образованный и опытный, которого никак нельзя упрекнуть в недостатке самостоятельности, после нескольких недель общения с Владимиром Ильичом совершенно подпадал под влияние его железной воли, его сильного ума».

Одержимость идеей была привлекательной и отталкивающей одновременно: «В личных отношениях В.И. был обаятельный человек с большой выдержкой, деликатный, терпеливый к собеседнику – не всегда интересному, очень гостеприимный.

[Я] знал его позже в Сибири, во время ссылки, я видел его затем в эмиграции; и знаю, что, когда этот человек имел дело с теми, кого он считал врагами своей идеи, а, стало быть, и своими личными, он был беспощаден. На мои сомнения в некоторых случаях, и с той насмешкой, которая часто смотрела из его глаз, замечал мне: «Революция – не игра в бирюльки». **«Это обывательские соображения – говорил он. Для того чтобы она победила, нужно сосредоточить на ней всё внимание, всю свою энергию, все свои силы и всю волю, сосредоточить, отбрасывая всё лишнее, все не идущие к цели». И эти, как иногда говорят, односторонность и исключительность, нетерпимость и беспощадность были ему свойственны».**

А вместе с тем, Сильвин, ссылаясь на слова самого Ильича, вспоминает, что будущий вождь мирового пролетариата был исключен из Казанского университета, несмотря на то, что в студенческих беспорядках не играл «никакой заметной роли». Но для власть имущих фамилия Ульянов была одиозной с 1887 года – года попытки покушения Александра Ульянова и его сотоварищей на императора.¹²³

Илья Лохматый (партийный псевдоним Ильи Эренбурга) был знаком с Лениным. Они встречались в эмигрантском Париже. Эренбург об этом рассказывает в своих воспоминаниях. Встречались большевики в кафе «д`Орлеан». На втором этаже была небольшая зала, заполненная людьми, человек тридцать. Все пили гренадин – приторно сладкий сироп. Ленин пил пиво. Эренбург глядел только на Ленина. Шел 1909 год, но магнетические токи привлекали к вождю людей.

Одет Ленин был в тёмный костюм, со стоячим накрахмаленным воротничком – выглядел корректно. Не сказано, но, по-видимому, как средний буржуа. Молодой Илья, будучи дерзким мальчишкой (*вообще-то он себя чувствовал неловко*), попросил слово и высказал возражение по обсуждаемой теме.

Ленин ответил мягко, не обругал (*обычно в полемике он был несдержан*), а разъяснил его неправоту. Молодой человек заинтересовал Первого Большевика.

Он подошёл к Илье и расспросил его о московских делах. Илья Лохматый к этому времени побывал в большевистской организации

со своим однокашником по Первой московской гимназии Бухариным, был арестован, а теперь эмигрировал. Ленин пригласил «мальчишку» к себе на улицу Бонье. К этому времени от дерзости ничего не осталось – была робость перед сильной личностью. Открыла дверь Крупская, «Сам» работал у письменного стола, чуть щуря глаза. Илья Лохматый подробно рассказал о провале московской ученической организации, о положении в Полтаве. Вождь внимательно слушал.

Выяснилось, что Эренбург помнил адреса, по которым можно было рассылать газеты. Надежда Константиновна всё записала. Настало время обеда, и Илья хотел раскланяться, но не тут-то было: его гостеприимно накормили. Поразил Илью порядок на столе Ленина: он этого никогда не видел среди своих друзей. И ещё: **«Меня поразила его голова. Я вспомнил об этом пятнадцать лет спустя, когда увидел Ленина в гробу. Я долго глядел на этот изумительный череп: он заставлял думать не об анатомии, но об архитектуре».**¹²⁴

Наблюдал Эренбург Ленина в библиотеке Сент-Женевьев, слушал его выступления. По его воспоминаниям, сходными с воспоминаниям других, В.И. Ленин говорил спокойно, без пафоса, без красноречия, слегка картавя, иногда усмехался.

Его речи похожи на спираль, для утверждения и разъяснения он возвращался и повторял: многие забывают, что спираль похожа на круг и не похожа – спираль движется дальше. Эренбург подчёркивает простоту жизни вождя, демократичность и участие в судьбе товарищей. Сия простота доступна лишь большим людям. В конце рассуждений о Ленине Эренбург приходит к выводу, что ему (*Ленину*) чужд культ личности. Но, конечно, он был неизмеримо более сложной личностью.

В эмиграции встретился с Лениным очень интересный человек и в будущем сильный шахматный мастер А.Ф. Ильин-Женевский, победитель Капабланки, брат Ф.Ф. Раскольникова. Было это в весенний день 1914 года. Александр Федорович был совсем юным гимназистом, только что исключённым из гимназии Витмера и заканчивающим учебу в Швейцарии на деньги некоего благотворителя.

Встреча состоялась в Женеве, куда Ленин приехал всего на один день с лекцией. Остановился он на квартире своего старого друга Вячеслава Алексеевича Карпинского. Ильин увидел низенького, коренастого человека и сразу в памяти всплыло лицо Сократа.

Но затем он подумал, что всё же это какой-то крестьянин. Недоразумение прошло сразу, когда Карпинский представил гостю Ильина. Растерянно протянув руку «Ильичу» для приветствия, он почувствовал, в свою очередь широкое и крепкое рукопожатие. Лицо вождя расплылось в приветливой и ясной улыбке.

Молодой Саша Ильин отвечал на вопросы Ленина по поводу ареста их юношеской организации. Кстати, Женевский говорил, что в их группе дружно работали члены различных партий: большевики, меньшевики, эсеры, анархисты. Наверняка были и сионисты и бундовцы, но они лишь остались в памяти рассказчика, а не на бумаге. Жена хозяина – «товарищ Ольга», она же Софья Наумовна Равич, (первая жена Г.Е. Зиновьева) пригласила всех к столу. Разговор перешел на интимную тему – Ленин беспокоился о состоянии здоровья жены. У Надежды Константиновны была базедова болезнь. Было два пути решения проблемы: опасная операция или консервативный способ лечения. «С какой заботливостью и тревогой говорил Владимир Ильич о здоровье своей неразлучной и верной подруги».

Революционер, решительно расправившийся «операционным» путем со старой Россией, оказался в личной жизни консерватором: в итоге семья Ульяновых не решилась на операцию.

Это вопрос психологический и, несомненно, представляет собой интерес для психологов. Думаю, что Ильин-Женевский приводит этот факт не случайно. Будучи сильным шахматистом и разбираясь в психологии «противника», он обратил внимание на это, в принципе, приватное обстоятельство. В то время можно было писать о болезни Крупской. И, конечно, Ильин обратил внимание на несоответствие личного и общественного.

Оказывается: одно, не обязательно должно являться продолжением другого. Примеры Александр Федорович мог взять из истории шахмат: романтик Адольф Андерсен, жертвовавший фигуры направо и налево, – в жизни скромный учитель, боявшийся потерять преподавательское место в гимназии...

Неожиданно Ленин обратил внимание, что юноша не ест мяса, и Равич быстро приготовила для него яичницу.

Александр был вегетарианцем и со свойственной юности горячностью стал защищать «безубойный» способ питания. В это время было страшное увлечение толстовством и, как непротivление уживалось в душе большевика, – мало понятно. Ленин развеселился: «Ого, – сказал он, хитро улыбаясь и подмигивая Карпинским, –

Этак вы, пожалуй, произведете новый раскол в партии и организуете новую фракцию большевиков-вегетарианцев». Так смеясь и пикируясь, они перешли в библиотеку, где был приготовлен послеобеденный чай.¹²⁵

Тему для доклада Ленин выбрал вызывающую для той космополитической среды эмигрантов, живущих в Женеве: «Национальный вопрос». Ибо, по словам Ильина, всякого рода эмигрантские национальные социалистические группировки, считали преступлением всякий последовательный интернационализм, будь-то еврейский или польский – всё окрещивалось бранным словом «ассимилятор». Аудитория пришла огромная: яблоку негде было упасть. Все ожидали полемики. Ленина встретили весьма прохладно, исключая маленькую кучку большевиков.

Как оратор Ленин глубоко поразил Ильина, хотя с внешней стороны его нельзя было назвать блестящим оратором. Он не обладал теми артистическими данными, как, например, местная достопримечательность – итальянский анархист Бертони. Тот был, в первую очередь, актер-трагик, обладающий соответствующей внешностью, бархатным голосом и прочими атрибутами, необходимыми для обворожения женской части публики.

Ленин-антипод. Абсолютно невзрачная внешность, несколько хрипловатый голос и «привычка часто причмокивать в конце фраз» – этим не покоришь зрителя. Но, тем не менее, слушать его было приятно.

Ильин поймал себя на мысли, что он, слушая оратора, как бы читает книгу. «Удивительная стройность мыслей, строгая последовательность изложения и неумолимая логичность сделали то, что вся это большая и в большинстве чуждая нам аудитория, не двигаясь и почти не дыша, как зачарованная, прослушала до конца лекцию Владимира Ильича». Когда он окончил говорить, уже большая часть зала аплодировала ему. Но настоящее мастерство проявилось во время полемики. Он разделался с ними быстро – «это был не бой, а избиение младенцев!» Враги повержены, собрание закончено, и дружные аплодисменты сопутствовали победе логики полемиста. Карпинские и Ильин провожают Ленина до поезда.

Последняя реплика Ильича из окна вагона:

– Советую вам перестать быть вегетарианцем!»

– Советую вам сделаться вегетарианцем!» – с юношеским задором отвечаю ему я. Ленин смеется...».

Юноша запомнился Ленину, и он неоднократно справлялся у Карпинских о его житьё-бытьё и приглашал на отдых в Краков, но этому помешала война. А после приезда Ленина в Петроград они коротко встретились снова. Вождь не узнал его: загорелый, запылённый, в офицерских погонах – он не был похож на довоенного юнца. Ильин напомнил о себе:

– Мы с вами виделись в Женеве». Я – «витмеровец»...

– А, вегетарианец! – воскликнул он, и весёлая ласковая улыбка озарила его лицо. По-видимому, это обстоятельство всего сильнее врезалось ему в память. Милый, добрый Ильич!». ¹²⁶

К месту можно добавить мнение графа П.Н. Зубова об ораторском искусстве Ленина: «Его ораторское дарование было удивительно: каждое его слово падало, как удар молота и проникало в черепа.

Никакой погони за прикрасами, ни малейшей страстности в голосе; именно это было убедительно. Позже я имел случай сравнить способ его речи с Муссолини и Гитлером. Последний сразу начинал с истерического крика и оставался всё время на этой форсированной ноте, не имея дальнейшего подъёма; я никогда не мог понять, как этот человек мог влиять на слушателей, разве что они все были истериками.

Прекрасноречие Муссолини могло действовать на настроение итальянцев, но по сравнению с ленинским оно не было таким же понятным. Лишь единственный европейский оратор мог сравниться с Лениным – это Черчилль». ¹²⁷

К этому можно добавить весомое свидетельство московского обывателя Н.П. Окунева, который в годы 1914-1923 вёл дневник. Для историка этого времени он необыкновенно интересен важнейшими деталями быта: ценами на хлеб, сахар, рыбу, мясо, на услуги парикмахерской, баню, ценами на одежду и обувь. И все дается в широком аспекте и чуть ли не ежедневно. Наш интерес связан с упоминанием Ленина. Так в записи от 17 и 30 апреля 1918 года мы читаем следующее: «Ленин всё пишет, всё говорит... Энергия этого человека действительно выдающаяся, и оратор он, как и Троцкий, – безусловно, замечательный. На их выступления идут уже не одни серые большевики, пошла и «пёстрая публика». Залы выступления буквально ломятся от жаждущих послушать их. Ни кадетам, ни Керенскому такого длительного и бесспорного успеха не давалось.

И говорят ведь, в сущности, вещи довольно неутешительные, не хвалятся своими успехами, а вот, подите, каких оваций удостоиваются! Куда тут Шалапин!».¹²⁸

Интересно признание человека относящегося отрицательно к большевизму. Поразительна и честность обращения к толпе. Выше автор дневника даёт такую характеристику главным деятелям революции: «Всё-таки надо признать, что наши настоящие властители Ленин и Троцкий – люди недюжинные. Идут к своей цели напролом, не пренебрегая никакими средствами. Если это и нахалы, то не рядовые, а своего рода гении. Керенский перед ними мелок. Он может умереть, про него лучше того, что писали весной и летом, – уже не напишут».¹²⁹

По воспоминаниям Н. К. Крупской во время болезни вождя, она читала ему «Хулио Хуренито». Книга только что (1921) вышла в издательстве «Геликон» в Берлине. Экземпляр был направлен Ленину 28 марта 1922 года представительством РСФСР в Германии. Крупская писала: «Из современных вещей, помню, Ильичу понравился роман Эренбурга, описывающий войну: «Это знаешь, – Илья Лохматый (*кличка Эренбурга*), – торжествующе рассказывал он. – Хорошо у него вышло».

Собственно, эта оценка потрясающа – ибо в «Хулио Хуренито» достается не только новой власти, но и самому вождю. Ясно, что в девятитомном советском собрании сочинений Эренбурга двадцать седьмая глава о Ленине выпущена. Она же глубоко интересна и, отдадим должное объективности вождя, не обидевшегося на эти страницы. Причина думается в том, что Ульянов прекрасно сознавал действительность и искренне верил, что иначе в России – нельзя.

Чего стоит одно название выпущенной главы «Великий инквизитор вне легенды?» Ясно, что здесь имеются мотивы, идущие от романа Достоевского «Братья Карамазовы». Обрядный поцелуй, исходящий от Христа у Достоевского, заменяется поцелуем лба носителя коммунистической идеи исходящим от Великого провокатора. Собственно рассказ о встрече начинается с воспоминаний о своих товарищах, ныне занимающих крупные посты. Автор их боится. Почему? Ответ его убедителен: «Когда мы уже шли по пустынному завьюженному Кремлю к «капитану», я почувствовал, что боюсь.

Не то чтоб я верил очаровательным легендам досужих жен бывших товарищей прокуроров, кои изображали большевистских главарей чем-то средним между Джеком Потрошителем и

апокалиптической саранчой. Нет, я просто боялся людей, которые что-то могут сделать не только с собой, но и с другими. Этот страх перед властью я испытывал всегда... В последние же годы, увидев ряд своих приятелей, собутыльников, однокашников в роли министров, комиссаров и прочих «могущих», я понял, что страх мой вызывается не лицами, но чем-то посторонним, точнее: шапкой Мономаха, портфелем, крохотным мандатиком. Кто его знает, что он, собственно, захочет, во всяком случае (*это уже безусловно*), захотев – сможет». ¹³⁰

Свидание почему-то состоялось ночью, и Илья прячется за тумбу с бюстом Энгельса, становясь невидимым, и всё же страх не покидает его. Войдя в кабинет, он успел заметить «чи-то» глаза, насмешливые, умные... Далее писатель вспоминает различные интервью иностранцам, которые давали «вожди». Понятно, что первым называется Уэллс. Как мы знаем, «кремлевский мечтатель» говорил о прогулках в городах будущего: он был учеником Чернышевского и хорошо помнил сны Веры Павловны. ¹³¹

Вторым был рассказ мадридского корреспондента о Троцком, как тот с особенной жадностью пожирает небольшие котлетки из мяса буржуазных младенчиков... Разговор Учителя с первым коммунистом представляет особый интерес. Ирония, сатира, парадокс, фантазия, мистика и жизненная правда переплетаются так, что нам уже не отделить одно от другого. Небольшая комната с высокими потолками, «выходящими на заснеженные пустыри, преобразается в капитанскую рубку, а мёртвый Кремль и вся ледяная угрюмая Россия – в дикий корабль». Страшно.

Вопросы поначалу задавал «Капитан» о состоянии мексиканской социальной революции, применялась ли в Мексике в широком масштабе электрификация и т. п. Но Хулио Хуренито переводит разговор на другие рельсы. Великий Провокатор спрашивает вождя, почему существует такая расточительность, бездеятельность, разгильдяйство в Советской республике, когда на очереди посевная компания, Донбасс, продовольственная агитация, электрификация.

Вопрос Провокатора доводит коммунистическую идею до абсурда: почему поэты пишут стихи о мюридах и черепахах Эпира, художники рисуют бороды и полоскательницы, философы выкачивают философские системы, филологи ковыряют свои корни, математики от них не отстают?

Почему не закрыты все театры, не упразднена поэзия, философия и прочее «лодырничество?». Уэллс замечает то же самое, что и «Провокатор»: среди большевиков есть тупицы, готовые запретить химию, если не внушить им мысль о наличии «пролетарской химии». Бред. Но это истина. А бюрократия? Самое элементарное дело ведётся из рук вон плохо, у большевиков исключительно беспомощный управленческий аппарат.

Предвиденье Ильи Григорьевича очевидно: через десять лет всё будет упразднено или точнее приведено к одному знаменателю.

Впрочем, вопросы «Провокатора» понятны. Вот одно чудюдо, произведенное комиссаром Хулио Хуренито. Один из абсурдных декретов: – «До выработки центральными советскими органами единого плана рождений на 1919 год, запрещается с 15-го с.м. гражданам г. Кинешма и уезда производить зачатия».¹³²

Не надо думать, что это большое преувеличение: сатира Эренбурга зиждется на фактах. Стоит только перечитать его современников – Всеволода Иванова, Бориса Пильняка, Исаака Бабеля, Евгения Замятина, Андрея Соболя и др.

«Капитан» – политик, потому он миролюбиво отвечает, что по этому вопросу стоит обратиться к Анатолию Васильевичу. «Искусство – его слабость, я же в нём ничего не смыслю и перечисленными вами ремеслами совершенно не интересуюсь».

Понятно, что это не так: искусством, музыкой, кино – вождь интересовался. Но, кивнув в сторону Луначарского, он избавляется от неприятного вопроса. По воспоминаниям Крупской – из поэзии читались Некрасов и Надсон, а по воспоминаниям Лепешинской восхищался Пушкиным, Шиллером, Шекспиром и менее известными русскими поэтами Тютчевым и Баратынским. В общем, это говорит о среднем вкусе русского интеллигента конца XIX века, хотя последние двое выпадают из вышеприведенного ряда. В других воспоминаниях Надежда Константиновна добавляет: «Но жизнь тогда сложилась так, что не удосужились мы как-то поговорить на эту тему. Потом уж, в Сибири, знала я, что Ильич не меньше моего читал классиков, не только читал, но и перечитывал не раз Тургенева, например. Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с

Гегелем и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. Например, он любил роман Чернышевского "Что делать?", несмотря на мало художественную наивную форму его. Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман, и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил. Впрочем, он любил весь облик Чернышевского, и в его сибирском альбоме были две карточки этого писателя, одна, надписанная рукой Ильича, – год рождения и смерти. Можно указать на ленинского антипода боготворившего вилкойского узника: «...нравственное качество его души было испытано великим испытанием и оказалось полноценным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встает тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека». ¹³³ В альбоме Ильича были карточки Эмиля Золя, а из русских – Герцена и Писарева. Писарева Владимир Ильич в своё время много читал и любил. Помнится в Сибири был также Фауст Гете на немецком языке и томик стихов Гейне. Может тот же томик Гейне, вернувшийся в семью Ульяновых из рук повешенного сына и брата?

Но есть ещё одна удивительная загадка: Владимир Ильич был страстным поклонником Эмиля Верхарна?! По воспоминаниям Надежды Константиновны в годы второй эмиграции, он в бессонные ночи зачитывался бельгийцем. Верхарн был лидером символизма. В молодости он был близок к творчеству Шарля Бодлера, Поля Верлена, Мориса Метерлинка. Верхарн для русских символистов был Богом. Стоит вспомнить Валерия Брюсова. Но бельгиец мог привлечь Ленина и социальной заостренностью своих стихов, перед стихией «распятых вечеров», гниения старого мира... Таково стихотворение «Банкир», которое привлекло бы внимание и самого Маркса, что было бы идеальной иллюстрацией к его теории:

*«Он – в кресле выцветшем, угрюмый, неизменный,
Немного сгорбленный; порывистым пером
Он пишет за своим заваленным столом,
Но мыслью он не здесь – там, на краю вселенной!
Пред ним Батавия, Колombo и Капштадт,
Индийский океан и гавани Китая,
Где корабли его, моря пересекая,
То с бурей борются, то к пристани спешат.*

*Пред ним те станции, что строил он в пустынях.
Те иглы рельс стальных, что он в песках провёл
По странам золота и драгоценных смол,
Где солнце властвует в просторах слишком синих;
Пред ним покорный круг фонтанов нефтяных,
И шахты тёмные его богатых копей,
И звон его контор, знакомых всей Европе.
Звон, что пьянит, зовёт, живёт в умах людских...»*

Всё это конечно так. Но не сомневаюсь, что в бессонные парижские ночи Владимир Ильич читал другие стихи Верхарна. Ульянову было 39 лет – цветущий мужской возраст. Посему это, конечно, была любовная лирика, а будущему вождю она была не чужда. Угадать стихотворение тяжело, но всё же попытаемся:

*«В сиянье царственном, что в заросли густой
Вонзает в сердце тьмы своих лучей иголки,
О девы, чьи тела сверкают наготой,
Вы – міра светлого прекрасные осколки.
Когда идёте вы вдоль буксов золотых,
Согласно, весело переплетаясь телами,
Ваш хоровод похож на ряд шпалер живых,
Чьи ветви гибкие отягчены плодами»...*

Отрады

*Знаю я сладких четыре отрады.
Первая – радость в сознании жить.
Птицы, и тучи, и призраки – рады,
Рады на миг и для вечности быть.*

*Радость вторая – в огнях лучезарна!
Строфы поэзии – смысл бытия.
Тютчева песни и думы Верхарна,
Вас, поклоняясь, приветствую я.*

*Третий восторг – то восторг быть любимым,
Ведать бессменно, что ты не один.
Связаны, скованы словом незримым,
Двое летим мы над страхом глубин.*

*Радость последняя – радость предчувствий,
Знать, что за смертью есть мір бытия.
Сны совершенства! в мечтах и в искусстве
Вас, поклоняясь, приветствую я! (Валерий Бюсов)*

У Владимира Ленина было всего лишь три отрады.

Первая отрада – радость жизни, слияние с природой.

Вторая отрада: любовь к поэзии, растворение в ней: «смысл поэзии-смысл бытия».

Третья радость: восторг взаимной любви, полёт вдвоём «над страхом глубин».

Увы, четвёртой отрады Ленину не суждено было уверовать, «знать, что за смертью есть мир Бытия». Правда и сам Брюсов в первой строфе говорит не только о Вечности, но и о Миге.

И в продолжении разговора с Хулио Хуренито, Вождь продолжает в духе незабвенных Писарева, Базарова и Рахметова: «Мне кажется, гораздо более занимательным писать декреты о национализации мелкого рогатого скота, пробуждающие от сна миллионы, нежели читать стихи Пушкина, от которых я часто засыпаю. Я с детских лет ничего не читал и не читаю, кроме работ по моей специальности. Я не гляжу на картины, ибо мне интереснее смотреть на диаграммы.

Я никогда не ходил в театр, вот только в прошлом году пришлось «по долгу службы» с «гостями республики», и это было снотворнее гимназического Пушкина. Чтобы перейти к коммунизму, нужно сосредоточить все силы, всю волю, всю жизнь на одном – на экономике. Засеянная десятина, построенный паровоз, партия мануфактуры – вот путь к нему, а следовательно, и цель нашей жизни. Оставьте санскритские словеса, любовные охи, постройки новых или ремонт старых богов, картины, стихи, трагедии и прочее. Лучше сделайте одну косу, достаньте один фунт хлеба!».¹³⁴

Я лично думаю, что в этих словах Первого коммуниста лежит секрет его личности. Он глубоко убеждён, что коммунисты могут очастливить Россию, заставив ее работать...

Ирония Эренбурга в словах Учителя: «Я вас понимаю... – вы высокий образец однодумья...

Однодумье – дело, движенье, жизнь. Раздумье – прекрасное и блистательное увеселение, десерт предсмертного ужина». (Скажем, «раздумье» о будущем партии в так называемом «Завещании Ленина» – действительно из предсмертного ужина, но не десерт, а цукута в буквальном смысле слова...)

Следующий вопрос Хулио касается терпимости к левым эсерам, а также к миллионам, не согласным уверовать в торжество коммунизма. Первый коммунист, как в случае с

Луначарским, отсылает вопрошающего к товарищу... Какому? Имя его не произносится, ибо Илья от страха прослушал фамилию или умышленно умолчал. Речь, конечно, идёт о Феликсе Дзержинском и его ведомстве. Никто в будущем не будет верить в целительные способности святителя Пантелеймона! *(Иначе говоря – будет полное торжество атеизма).*

Причина употребления слова «капитан» необыкновенно интересна. Здесь несколько реминисценций. Во-первых – Авраам Линкольн, изображенный Уолтом Уитменом в стихотворении «О, капитан, мой, капитан, как труден путь наш был». Речь идёт о Гражданской войне между Севером и Югом и об убийстве «капитана».

С другой стороны возможно говорится о стихах О. Мандельштама, где Россия сравнивается с громадным судном. В воспоминаниях Эренбурга так и сказано: «...тогда не только я, но многие писатели старшего поколения, да и мои сверстники ещё не понимали масштаба событий».

Но именно тогда молодой петроградский поэт, которого считали салонным, ложноклассическим, далёким от жизни, тщедушный мнительный Осип Мандельштам написал замечательные строки: «Ну, что ж попробуем, огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля...». ¹³⁵ А может, он держал в уме другие стихи Осипа Эмилевича: «Когда октябрьский нам готовил временщик/ Ярмо насилия и злобы»... ¹³⁶

Ассоциации – это самое интересное в романе «Хулио Хуренито». Упоминание встречи Ленина с Уэллсом чрезвычайно любопытно. Говорить о подкупе бритта просто глупо. Тот многое видел и многое понял. Но не понял, пожалуй, ещё больше. Основной вывод, сделанный им, заключался в том, что колоссальный, непоправимый крах империи есть результат Мировой бойни. И Уэллс сразу говорит, что нынешнее правительство единственно возможное в России. Большевики – это единственное, что сплывает громадную страну. ¹³⁷

С этим утверждением перекликается мысль Ленина, высказанная Горькому: «...по вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках – не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу. Русской массе надо показать, нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм – просто». ¹³⁸ Ленин говорит правду, но его цинизм – обжигающ... Иначе говоря, смирительную рубаху на

взбунтовавшуюся Русь могли накинуть лишь большевики. Удивительно, что советская цензура выхолостить до конца воспоминания Горького так и не смогла...

Надо заметить, что Уэллс посетил Россию в сентябре-октябре 1920 года: только что проиграна война Польше, в Крыму «сидит» Врангель, Дальний Восток оккупирован японцами. Но Уэллсу ясно: советская власть удержится. Образумить писателя пытался русский коллега А.В. Амфитеатров, но не преуспел: все недостатки, всю жестокость Уэллс видел и ему не «втирали очки», да и невозможно было заштопать все дыры. «Глядя на всех этих выдающихся людей, живущих как беженцы среди жалких обломков империалистического строя, я понял, как безмерно зависят люди большого таланта от прочности цивилизованного общества».¹³⁹

Вот небольшой перечень «золотого фонда» России, терпящих бедствия на полузатопленном корабле: Шаляпин, Амфитеатров, Павлов, Глазунов.

Ирония не покидает Уэллса, прошедшегося по основателю утопии: «Пророк Маркс и его Священное писание не дают никаких наставлений по всем вопросам. Поэтому, не имея готовой программы, большевики вынуждены неуклюже импровизировать...».¹⁴⁰

Вывод один – виновата Мировая война. Если бы она продолжилась ещё год или больше, свой вариант катастрофы пережили бы Германия и Австро-Венгрия (*что и свершилось*), и страны Антанты.

Ленин пометил «NB» в книге знаменательное место: **«Не коммунизм сверг эту огромную, трещавшую по швам, обанкротившуюся империю в изнурительную шестилетнюю войну. Это дело рук европейского империализма»**.¹⁴¹

Говоря о движущей силе партии, Уэллс подчёркивает то, что среди ее членов много евреев, но очень малое число из них настроено националистически. Они борются за новый мир, а не за интересы еврейства. Большевики и не собираются продолжать традиции иудаизма. Арестовано большинство сионистских лидеров и запрещён древнееврейский язык, как «реакционный». «У Ленина, любимого вождя всего живого и сильного в сегодняшней России, татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей».¹⁴²

Если бы писатель знал правду, что б он написал тогда?

Среди большевиков вне сомнения есть люди с широким взглядом. Это люди большой творческой силы. Он приводит, не

задумываясь, несколько имён: во-первых – Ленин, неизмеримо выросший в эмиграции; во-вторых – Троцкий, который никогда не был экстремистом и обладает большими организационными способностями; затем – Луначарский – нарком просвещения, ну, с этим всё ясно; Рыков – руководитель Совета Народного хозяйства, Лилина – из Петроградского отдела народного образования, Красин – глава торговой делегации в Лондоне. Нам в этом перечне интересна З.И. Лилина – вторая жена Зиновьева. Бог её миловал – она умерла своей смертью в опале в 1929 году.

Интересны мысли Уэллса о русском народе как таковом; анализ народного духа приводит писателя к пессимистическому выводу. Только на основе Советской власти Россия сможет вернуться к цивилизации, большевики – становой хребет возрождения. А «Огромная масса населения России – крестьяне, неграмотные, жадные и политически пассивные. Они суеверны, постоянно крестятся и прикладываются к иконам – особенно в Москве – но они далеки от истинной религии... Православный священник совершенно не похож на католического священника Западной Европы; он сам – типичный мужик, грязный и неграмотный, не имеющий влияния на совесть и волю своей паствы. Ни у крестьян, ни у духовенства нет никакого творческого начала».¹⁴³

Здесь же уместно привести высказывание прославленного военачальника о Ленине, человека далёкого от марксизма. Речь идёт о генерале А.А. Брусилове. На смерть Ленина он отозвался следующим образом: «Я по своим убеждениям националист, но относился с уважением к широким идеям покойного. Я никогда его не видел, никогда с ним не говорил, имел дело во время службы только с Троцким, Каменевым и Лебедевым.

(Нелишне отметить, что Сергей Сергеевич Каменев – полковник царской армии, а Павел Павлович Лебедев – генерал.)

Я ценил возможность работать на пользу русского народа, не взирая на то, что не принадлежал к политической партии Ленина, так как во всю мою долгую жизнь я никогда политикой не занимался, это не моя сфера.

Я признаю заслугой его и его партии то, что под каким бы то ни было названием, Россия не была расчленена, и осталось единой, за исключением нескольких западных губерний, которые рано или поздно должны будут с ней вновь воссоединиться. Совершенно очевидно, что при дряблом Временном правительстве этого никогда не могло быть!».¹⁴⁴

Великий Провокатор (Хулио Хуренито) попал сравнительно легко в Кремль. Не так было с Уэллсом, который возмущается тем, что при организации встречи с Лениным и Чичериным ему пришлось потратить восемьдесят часов (!?) на разъезды, телефонные разговоры и ожидание. Формальности страшно раздражали писателя.

Наконец, произошла встреча. Ожидаемое свидание началось с разочарования: Уэллс думал, что он встретит нудного марксистского начётчика, с которым нужно вступать в утомительную схватку. Ленин сидел за огромным столом, заваленным книгами и бумагами. «Я сел справа от стола, и невысокий человек, сидевший в кресле так, что ноги его едва касались пола, повернулся ко мне, облокотившись на кипу бумаг». Говорили они по-английски. Изредка Ф.А. Ротштейн, «бывший американец» и дипломат, уточнял детали, следя за беседой. *(Ротштейн, Федор Аронович (1871–1953) – историк, дипломат, академик, эмигрант с 1890 года, участвовал в создании Коммунистической партии Англии в 1920 году).*

Уэллс приглядывался к собеседнику. Он кого-то напоминал. Уже в Лондоне Уэллс разговаривал с Артуром Бальфуrom (автором «декларации Бальфура», давшей евреям возможность создать своё государство в Палестине), обратил внимание на внешнюю схожесть. У обоих высокий, покатый, слегка асимметричный лоб... «У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка; он щурит один глаз (возможно, это привычка вызвана каким-то дефектом зрения).¹⁴⁵ Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежащими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы, как разговаривает настоящий учёный».¹⁴⁶

Через весь разговор проходили две темы: как Ленин представляет будущее России, и почему в Англии не происходит социальной революции. Эти темы сталкивались и переплетались. Уэллс неплохо знал марксизм и почти ненавидел Маркса: «Лучше будет, если я стану писать о Марксе безо всякого лицемерного почтения. Я всегда считал его скучным до последней степени», посему выяснилось, что революция произошла не на промышленном Западе, а в отсталой России. Ибо до 1918 года марксисты рассматривали социальную революцию как конечную цель.

Уэллс иронизирует по поводу того, что «пролетарии всех стран соединятся» и обретут вечное блаженство. Увы, к своему удивлению, захватив власть, им пришлось доказывать, что они могут осуществить золотой век. С высоты времени мы можем судить о построенной утопии.

Многое Уэллс почерпнул из разговоров с Горьким. Особенно переплетается рассказ о косности русского мужика. В воспоминаниях о Ленине Горький вводит совершенно омерзительный рассказ о съезде бедноты: «Мне отвратительно памятен такой факт: в 19-м году, в Петербурге, был съезд «деревенской бедноты». Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце Романовых. Когда съезд окончился, и эти люди уехали, то оказалось, что не только ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, – уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это тёмное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное».

Думаю, Горький рассказал об этом и Уэллсу, и Ленину. Вместе с тем Горький хочет подчеркнуть, с каким человеческим материалом должен был работать вождь. Он также делает и другой вывод, что пакостить свойственно и интеллигенции: «Злостное стремление портить вещи исключительной красоты имеет один и тот же источник с гнусным стремлением опорочить, во что бы то ни стало человека необыкновенного. Всё необыкновенное мешает людям жить так, как им хочется. Люди жаждут – если они жаждут – вовсе не коренного изменения своих социальных навыков, а только расширения их. Основной стон и вопль большинства: «Не мешайте нам жить, как мы привыкли!» (*Герой романа «Мелкий бес» Федора Сологуба – учитель Передонов – омерзительный пакостник из среды предполагаемой интеллигенции.*)

Владимир Ильич был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это». ¹⁴⁶ Двусмысленный вывод. А отсюда – такая страшная, обнажённая, чумная ненависть к Ленину...

Иллюстрация к последнему. Впервые очерк М. Горького «Владимир Ленин» был опубликован в Берлине в журнале «Русский современник» №1 в 1924 году. *(В рукописи очерк носил название «Человек»)*. Эмиграция обрушилась на Горького. Из письма М.Ф. Андреевой от 23 января 1924 года: «...Только эта гнилая эмиграция изливает на Человека трупный свой яд, впрочем – яд, не способный заразить здоровую кровь. Не люблю я, презираю этих политиканствующих эмигрантов, но – всё же жутко становится, когда видишь, как русские люди одичали, озверели, поглупели, будучи оторваны от своей земли. Особенно противны дегенераты Алданов и Айхенвальд. Печально, что оба – евреи».¹⁴⁷

Пришло время, и Алексей Максимович пересмотрел свой взгляд на эмиграцию, но было уже поздно...

К этим воспоминаниям Уэллса и Брусилова я хочу присовокупить мемуары великого русского учёного-химика Владимира Николаевича Ипатьева (1867–1952).¹⁴⁸ Говоря о Ленине, я указал на различные совпадения в его биографии. Жизнь полна удивительных совпадений. Так вот известно, что семья последнего самодержца нашла свой конец в доме Ипатьева в Екатеринбурге. *(Не будем говорить, что Романовы начинались в Ипатьевском монастыре – общее место. Менее известно, что начало царствования знаменовалось казнью четырехлетнего ребенка: «Воренка» – сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II. Романовы кончились также гибелью ребенка. Для одних пути истории неисповедимы, для других – закономерны...)*

Дом принадлежал брату В.Н. Ипатьева – Николаю. Последний раз «химик» посещал это здание летом 1917 года.

Это был двухэтажный особняк, один из лучших в городе. Размещался он на большой площади с символическим названием – Вознесенская...

Перед самой Пасхой 1918 года брат получил приказ очистить дом в сорок восемь часов и одновременно стали строить «семиаршинный» (3,25 м.) забор.

Здесь и произошла трагедия...

В.Н. Ипатьев окончил кадетский корпус и Михайловскую артиллерийскую академию и сравнительно быстро сделал карьеру на кафедре в академии. Работал он и за границей в Мюнхене у мировой величины Адольфа Байера (еврея по

национальности, ставшего в 1905 г. Нобелевским лауреатом). В 1911 году он получает звание генерал-майора, в 1914 становится заслуженным профессором. Во время войны возглавил Химический комитет в звании генерал-лейтенанта. Его сын погиб на фронте. Как такой человек встретил «приход большевиков?» Никакой личной симпатии он к ним не испытывал. Жестокость режима его отталкивала, но... «Первые выступления и речи Ленина производили впечатление, что они являются каким-то бредом сумасшедшего человека, совершенно оторванного от жизни в России и не отдающего себе отчёта в проведении программы диктатуры пролетариата, т.е. главным образом беднейших крестьян и рабочих, совершенно не культурных и не понимающих в политических вопросах.

Бездарные члены Временного правительства смеялись над речами Ленина и считали, что тезисы, проповедуемые им, никакой угрозы для них не представляют, поскольку для их выполнения не найдётся надлежащего количества последователей. Но Ленин знал, что проповедовал и чего хотел. Он был на голову выше всех своих соратников и имел твёрдый характер, не метался из стороны в сторону, отлично понимая всю обстановку в России, – как в тылу, так и на фронте, – и отдавал себе отчёт, что Временное Правительство в тылу не имеет достаточной физической силы для поддержки своих постановлений, притом, что армия на фронте была больна неизлечимой болезнью: падением дисциплины.

Лозунги Ленина, которые проповедовались по всем углам русской земли, чтобы привлечь на сторону большевиков миллионы крестьян, солдат и рабочих, были так просты и понятны для них, что, не задумываясь, они были готовы признать Ленина своим вождём, безусловно исполняя его приказания.

Ленин обещал безвозмездно дать крестьянам землю помещиков, рабочим – всё, что раньше принадлежало господам буржуям, а стране немедленный мир, и, следовательно, прекратить войну.

Народ был загипнотизирован подобными обещаниями, и наивный пролетариат готов был верить каким угодно мечтам, не будучи в состоянии подвергнуть их критическому анализу». ¹⁴⁹

Победа большевизма была очевидна, имея против себя импотентную власть Временного правительства. Ипатьев лично очень хорошо знал большевиков и, он безоговорочно считает, что ни один другой член партии не мог совершить переворот: ни

Рыков, ни образованный, но мягкотелый Каменев и др. Они ужасались проповедям Ленина, но, конечно, не могли выиграть борьбу, кстати, доказав «мягкотелость», в борьбе за жизнь со Сталиным...

Как мы видим, учёный Ипатьев прекрасно разобрался в ситуации и, чем негативнее выводы в отношении Ленина, тем удивительнее концовка анализа: «Можно было совершенно не соглашаться со многими идеями большевиков, можно считать их лозунги за утопию (как подтвердил впоследствии жизненный опыт), но надо быть беспристрастным и признать, что переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 года, проведенный Лениным и Троцким, обусловил собою спасение страны, избавив ее от анархии и сохранив в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны. Мне часто приходилось, как в России, так и за границей, высказывать свои убеждения, что я в 1917-1919 годах остался в живых только благодаря большевикам. Слухи о Варфоломеевских ночах в Петрограде не переставали распространяться, – и несомненно, что они имели бы место, если бы в стране оставалось Временное правительство...».¹⁵⁰

Оценим этот анализ в свете близости его к мыслям Брусилова, Уэллса и др. Это слова Николая Ипатьева, генерал-лейтенанта и крупного учёного. Его старший сын – Дмитрий погиб на германском фронте.

Его второй сын Николай, покинувший Россию с белогвардейцами, порвавший с отцом, погиб в Африке, испытывая изобретённое им средство против желтой лихорадки. Сам учёный отказался участвовать в антисоветских заговорах, уйти к белым, или уехать за границу.

Младший сын Владимир, тоже химик, публично отрёкся от отца 29 декабря 1936 года на общем собрании Академии наук СССР, как от «невозвращенца».

К Ипатьеву приходили посланцы с «юга» и предлагали немедленно выехать к белым, угрожая, что после взятия Москвы Деникиным, его расстреляют. Учёный категорически отверг предложение, убеждённый, что у Белого движения нет будущего: «... люди, стоящие во главе, главным образом военные не понимают, что такое гражданская война и как надо вести её, и вдобавок, являются плохими администраторами. (И это-то в сравнении с такой громоздкой бюрократией, как советская! – С. Д.)

Ни один участник белого движения не мог претендовать на звание государственного деятеля, могущего взять всё в свои

руки и дать такие лозунги, которые заставили бы население примкнуть к этому движению.

Ведь гражданская война есть борьба лозунгов, и чьи лозунги более приемлемы в данный момент, на той стороне и будет победа. Превосходство в вооружении и военной подготовке имеет гораздо меньшее значение для победы в гражданской войне, чем гипноз и воодушевление народных масс, инспирируемых заманчивыми перспективами нового государственного строя, согласного с теми иллюзиями, которые породили революционное движение».

Далее идёт сравнение Гражданской войны в России с гражданской войной между Севером и Югом, где «победа была не на стороне южных штатов, а на стороне севера, потому что лозунги тех воодушевляли каждого честного гражданина и невольно заставляли становиться на их защиту».¹⁵¹

В этой цитате интересен анализ великого химика гражданской войны. Во-первых, никаких ссылок на евреев, латышей и китайцев: революция русская и только русская. А сравнение «благородной» войны Севера против рабовладельческого Юга просто ставит точку на том, на чьей стороне была «Правда».

И если к этому добавить, что у Белого движения не было «государственных мужей», то, следовательно, они были в стане красных, которых Ипатьев неплохо изучил.

Он довольно подробно рассказывает о своей деятельности при большевиках и даёт характеристики их лидеров: Ленина, Троцкого, Склянского, Кедрова, Ягоды (*о последнем: «...не дай Бог попасть в руки этого зверька, сознающего свою силу и своё безапелляционное положение»*) и многих других. Ипатьев работал в Военном совете республики под руководством Троцкого.

Если бы не энергия Троцкого, который «безусловно, спас дело революции» в 1919 году под Петроградом, то власть большевиков пришла бы к концу.

Остроумное выражение Троцкого во время полного окружения республики: «Мы мертвы, только некому нас хоронить».¹⁵²

«Заслуга Троцкого перед большевиками неоченима, и она никогда не должна быть забыта. Он много раз спасал почти безнадежное положение на фронтах, и это он достигал не при помощи своих военных талантов, а исключительно своим умением,

авторитетным словом зажигать своих единомышленников, убеждая их лучше идти на смерть, чем погубить дело революции.

Своим красноречием он действовал не только на товарищей, но и на нашего брата военного. Один мой ученик, очень талантливый артиллерист, занимавшийся всю жизнь опасным делом, снаряжением снарядов разного калибра новыми взрывчатыми веществами, полковник Андрей Андреевич Дзержкович, рассказывал, что ему пришлось не раз присутствовать при речах Троцкого, когда ездил с ним в одном поезде по фронтам во время гражданской войны.

Дзержкович на себе ощущал магическое действие речей Троцкого, а также видел, какое впечатление они производят на красногвардейцев и их начальников, бывших царских офицеров. Чувствовалось, что они подкупали своей искренностью и убеждали, во что бы то ни стало совершить то дело, которое должно послужить на пользу своей стране и для ее спасения.

И люди шли на смерть с мужеством и убеждением, что они служат правому делу. Можно ли после этого верить, что личность не играет главной роли в исторических событиях, а всё принадлежит массам, как это утверждал Л.Н. Толстой в романе «Война и мир?».¹⁵³

Эта длинная цитата в равной степени относится как к Троцкому, так и к Ленину. Убежденность в правоте, искренность, которую нельзя было недооценить. Здесь уместно остановиться и сказать несколько слов об «апостолах» Ильича.

С мая 1924 года профессор Ипатьев исполнял обязанности заместителя председателя центрального комитета Доброхим (*председательствовал Троцкий, в 1927 году общество было реорганизовано в Осоавиахим*).

Множество раз Ипатьев бывал за границей и пользовался полным доверием верхов государства. Он же, называемый Лениным уважительно «главой нашей химической промышленности», неоднократно встречался с «Ильичём».

Это Ипатьев цитирует знаменитую фразу Ленина: «Дайте мне хорошего специалиста, который обещает честно работать, так я не променяю его на десять коммунистов, которых заслуга состоит в том, что они вступили в партию».¹⁵⁴

Карикатура из журнала «Красный перец», 1923, №14, с.7.

Карикатурное изображение ведущих советских политиков, стоящих у власти в 1923 году, в виде сборной команды по футболу.

Футбольный мяч в виде земного шара держат в руках Карл Маркс и Ленин – капитаны команды. Центральный нападающий Лев Троцкий (Бронштейн) – убит сталинским агентом в Мексике в 1940 году. Григорий Зиновьев (Радомысльский) – расстрелян в 1936 году, Лев Каменев (Розенфельд) – расстрелян в 1936 году, Александр Лозовский (Дридзо Соломон Абрамович) – расстрелян в 1952 году, Георгий Чичерин – скончался в опале в 1936 году, Карл Радек (Собельсон) – убит в лагере в 1939 году, Лев Сосновский (сын кантониста) – расстрелян в 1937 году, Давид Рязанов (Гольдендах) – расстрелян в 1938 году, Николай Бухарин – расстрелян в 1938 году. В команде, как полагается 11 игроков, без запасных. Увы, сокола Сталина нет. А Лев Троцкий на плакате Виктора Дени изображен в виде Георгия Победоносца, убивающего змею контрреволюции.¹⁵⁵ Среди отсутствующих «запасных» игроков – Феликс Дзержинский – умер в 1926 году, Анатолий Луначарский – умер в опале в 1933 году, Александр Рыков – расстрелян в 1938, Георгий Пятаков – расстрелян в 1937 году, Иосиф Сталин – убийца «футбольной команды» – скончался в 1953 году.

Также Ипатьев приводит совершенно трагический случай со своим знакомым и коллегой профессором А. П. Сапожниковым, который при наступлении Юденича отсутствовал в Петрограде. Один из сыновей Сапожникова во время перехода на сторону белых был захвачен. Затем был арестован второй сын профессора. В доме Сапожникова и в его лаборатории Института Путей Сообщения был произведен обыск и обнаружено замурованное в стенах оружие. Всё это было сделано братьями Сапожниковыми. Их расстреляли. Мать от потрясения потеряла рассудок, вскоре был арестован и сам профессор Сапожников. За него заступилась А.М. Коллонтай и помогла реабилитировать известного учёного, необходимого для советской науки. Общими усилиями комиссара Коллонтай и писателя Горького дело донесли до Ленина. Затем дело было передано «товарищу» Дзержинскому и, к удивлению читателей, Ленин и Дзержинский пришли к единому «гуманному» мнению: нет-нет, не освободить учёного, а помиловать! При этом Ильич произнёс «псевдоблагородные словеса»: «Пушкай профессор готовит снадобье против порчи шпал на пользу Советов». Разговор Дзержинского с Лениным был напечатан в одном из номеров журнала «Молодая гвардия».¹⁵⁷ Жуткая история современного Иова, потерявшего детей и жену. В чем остался смысл его жизни?

Нам осталось только досказать историю жизни Ипатьева. В 1930 году он почувствовал, что кольцо сжимается вокруг него; не только из-за генеральского прошлого, но и в особенности по причине близости к высланному Троцкому и другим оппозиционерам. И это несмотря на получение премии имени Ленина в 1929 году.

Арест его друга профессора Е.И. Шпитальского был последней каплей. Выехав с женой в июне 1930 года в Берлин на научный конгресс и получив разрешение от советского правительства и АН СССР задержаться на лечение сроком на один год, он остался за границей. Сложная операция горла окончилась удачно.

Ипатьев получил приглашение в США, сначала в Нью-Йорк, а затем в Чикаго. В шестидесятилетнем возрасте изучил английский язык. Свои работы он публиковал и в СССР, вплоть до 1936 года, когда получил «приглашение» вернуться на родину.

В письме Советскому правительству он честно и откровенно изложил причины, мешающие ему вернуться в СССР. Тут же учёный был лишен советского гражданства и звания академика. Жизнь в Америке предоставила ему громадные возможности, как научные, так и житейские. Он стал состоятельным человеком.

В 1937 году Ипатьев был назван «Человеком года». Первым среди тысячи претендентов! Он получил полную компенсацию за потерю советских научных званий: член Национальной АН США, во Франции ему вручили медаль имени А. Лавуазье. На торжестве по поводу 75-летия учёного лауреат Нобелевский премии Рихард Вильштеттер (*еврей по происхождению, изгнанный из нацистской Германии*) заявил: «Никогда за всю историю химии в ней не появлялся более великий человек, чем Ипатьев».¹⁵⁸

В последние десятилетия довольно много писали о еврейском происхождении Ленина. Одни – ликуя, другие – в восторге от искомого: вот он корень несчастий России! Мне, занимающемуся достаточно много времени генеалогией, сие не удивительно. Среди потомков евреев было великое множество людей одарённых и одухотворённых; не менее по количеству – были люди омерзительные и отвратительные. Но неизмеримо больше было людей средних и серых, и я это говорю не для унижения оных, это для статистики, если она вообще возможна...

Что же касается наличия еврейской крови у Ульянова-Ленина, то это не должно огорчать или радовать – это данность. Российская империя создавалась конгломератом народов, населяющих Восточно-Европейскую равнину. И евреи не исключение в этом плавильном котле. Повторяю: не для гордости и не для озлобления.

Что думал сам вождь о своих корнях, он косвенно сказал Максиму Горькому. Ту фразу, которую беспрерывно цитируют. И я не откажусь от стандарта, но свяжу эти мысли с несколько иным. Горький задает прямой вопрос и получает поразительный и жестокий ответ:

– Я спросил: кажется мне это, или он действительно жалеет людей?

– «Умных – жалею. Умников мало у нас. Мы – народ, по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови».¹⁵⁹

Это выборочная жалость повергает думающего читателя в ужас. В конце концов, пресловутая и вышеупомянутая статистика голосует за среднего человека. И этого середняка или даже дурака – не жаль?

Анти-иудейская и анти-христианская мораль. Но на этом я останавливаться не хочу. Дело в том, что «нация рабов и Обломовых», о которой писали Н.Г. Чернышевский и другие публицисты, а в конце двадцатых и начале тридцатых годов говорил Н. И. Бухарин, привела Сталина к атаке на «любимца партии». Взглянув глубже, мы увидим, что под прицелом находится не только Николай Иванович, но и не названные Чернышевский и Ленин. Сталин делает крутой имперский поворот...

А вот действительный случай с «умником». Как известно, Ленин дружил и любил Ю.О. Мартова (*Цедербаум, 1873–1923*) до политического расхождения с ним. Существует рассказ Эммануила Казакевича «Враги» о том, как Ленин в обход Дзержинского выпустил Мартова за границу. Это литературный вымысел, сделанный для благородной цели «очеловечивания» образа вождя. Нелишне отметить, что молодой Казакевич участвовал в троцкистском движении. Есть и другая версия, что это апокриф, гулявший в среде старых большевиков, который Казакевич услышал и перенёс на бумагу. Ленин в этом не нуждается.

А на самом деле история такова: в первых числах апреля 1919 года почти все активные деятели меньшевизма были арестованы ЧК и размещены в Бутырках, за исключением Мартова, которого подвергли домашнему аресту. Юлий Осипович протестовал: требовал освобождения товарищей по партии или перевода его в тюрьму. Один из личных друзей наркома просвещения прямо обратился к Луначарскому. Тот в его присутствии позвонил Ильичу.

– Нет, – заявил Ленин, – его освободить нельзя. **Мартов слишком умный человек: пускай посидит.**¹⁶⁰

Вскоре Мартов легально покинул Россию. Умер в Германии.

Был ли Ульянов филосемитом? Безусловно, в том смысле, в каком был любой русский интеллигент того времени. Наиболее полно по еврейскому вопросу с классовых позиций Ленин высказался в грамзаписи в 1919 году (*видимо, 23 марта этого года*). Название грамзаписи «О погромной травле евреев». Учтем, что всего известно пятнадцать пластинок с речами Ленина. Первая посвящалась памяти председателя ВЦИК Я.М. Свердлова; четвертая – «О погромной травле евреев».¹⁶¹

Советская власть «железной рукой» грозила расправиться с погромщиками и антисемитами. Но это «в общем». А «в частности» вела борьбу с бундовцами и сионистами. Впрочем, у евреев не было выбора во время Гражданской войны. И об этом надо знать и повторять для вразумления нашим современникам, равно как евреям, так и антисемитам.

Ещё в «Декрете СНК о пресечении в корне антисемитского движения» от 27 июля 1918 года погромщики поставлены вне закона. Подпись под декретом Владимир (Ульянов) Ленин и Владимир Бонч-Бруевич (*Предсовнаркома и управляющий делами Совнаркома*).¹⁶² А теперь небольшая пикантная возможность поговорить о Ленине и ритуальных процессах. Не надо повторяться: большевики с негодованием встретили так называемое «Дело Бейлиса» (*Правильно «Дело об убийстве Ющинского»*). И как раз будущий управляющий делами Совнаркома Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, крупнейший специалист по сектантству, выступал со статьями, разоблачающими черносотенцев.

А теперь «о ритуальном процессе» в Москве в 1922 году. В девять часов вечера в самом центре Москвы, на Театральной площади, в трамвае был задержан старик-еврей Гиндин, несший в руках два свертка – два детских трупики, завернутых в бумагу. Допрошенный на Лубянке старик показал, что он везёт на Дорогомиловское кладбище умерших детей.

Его отпустили, но он был повторно задержан публикой, заметившей, что один из трупиков весь в кровавых ранах, словно тело было изгрызено. Решили устроить «разборку». Толпа окружила старика и стала возмущаться. Зазвучали старые и знакомые байки: «Пьют нашу кровушку», «жиды» и прочее. Трупы попали в клинику профессора Сетова на экспертизу, а старик отправлен в тюрьму и на скамью подсудимых. О деле было доложено на самый верх.

Ленин приказал как можно быстрее выяснить истину. Но истина была жутковата и прозаична на то нелёгкое время. Мёртвые дети – были евреями. Труп был изгрызен крысами в морге № 195 «образцового» приемно-пропускного пункта. Сам старик Гиндин – профессиональный «труподоша» (*оказывается, очень распространённая профессия в то время*).

Суд «оправдал» старика Гиндина, дав ему пенсию, и одновременно вынес общественное порицание и осуждение всем виновникам в распространении нелепых слухов.

В деле поражает быстрота проведенного расследования и его результаты. Эпизод говорит не о юдофилии Ленина, а о его беспристрастности. Всё же остается какой-то неприятный осадок от этого случая. Вероятно, и мы подвержены влиянию дикости происшедшего...¹⁶²

Кем-то Надежда Константиновна Крупская была названа святой дурой, но вот и иной облик верной спутницы вождя. В ответ на многочисленные выражения сочувствия, полученные ей, по поводу кончины Ленина, равно и на требование Сталина о Мавзолее, Надежда Константиновна отвечает замечательным письмом, в котором таится мечта Ленина о культурном работнике, о труде на благо России: – *«Товарищи рабочие, работницы, крестьяне и крестьянки! Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и так далее.*

*Ведь этому он придавал в жизни мало значения, так тяготился всем этим! Помните – много ещё нищеты и неустройства в нашей стране! Хотите почтить имя Владимира Ильича – устраивайте ясли, детские сады, детские дома, школы-библиотеки, амбулатории, больницы, дома инвалидов и так далее. Проводите в жизнь его заветы!».*¹⁶⁴

Кажется, что это действительно истинное завещание Ленина, где нет места политике, а есть лишь призыв к созидательному труду. Ленин нащупал ахиллесову пяту русского характера – лень. ЛЕНнин, конечно же, был не первым, отметившим эту черту. (Например, Гончаров). Но и силой не удалось заставить русский народ работать. Полное нерадение.

Был ли услышан голос Крупской в действительно скорбящей толпе или противники Троцкого вытравляли «настоящего Ленина», превращая его в атрибут египетской культуры, в словесную шелуху, ничего от действительного Ленина не оставляя. Нарушая всё и коверкая даже «Завещание». А ведь единственный практический вывод из «Завещания» – один: Сталина надо убрать. Да, Троцкий – был меньшевиком, октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева неслучаен, Бухарин – начётчик, Пятаков – увлекается администрированием. Но эти биографии и черты характера не для того, чтобы от них избавиться. Нет! Устранить следует одного: Сталина! У остальных недостатки, но недостатки человека, а вот у Сталина – настоящая волчья хватка и звериная пасть.

Голос Крупской услышал один Владимир Маяковский и это великие и мужественные стихи. Долго жить Маяковскому, вероятно, не было позволено. И осталась одна фраза из поэмы «Владимир Ильич Ленин», ставшая хрестоматийной: «Чтоб доклады от Политбюро делал товарищ Сталин!».

*«Если б был он царствен и божествен,
я себя б от гнева не берёг,
я бы стал бы в переборе шествий
поклоненьям и толпам поперёк.
Я б нашёл слова проклятья громоустого,
и пока растоптан я и выкрик мой,
я бросал бы в небо богохульства,
по Кремлю бы бомбами метал: Долой!»*

Эти мужественные строки написаны действительно великим революционным поэтом. Если бы Владимир Маяковский не ушёл из жизни в 31 году, то, наверняка, 37-й год он бы не пережил.

Когда говорят о провале большевистского эксперимента, то забывают основополагающую причину. Республика труда не состоялась. О других причинах, важных, более важных или менее важных я умолчу.

В Израиле я познакомился с писателем и педагогом Владимиром Давидовичем Свирским, человеком неординарной судьбы, автором блестящего философского труда «Демонология» о творчестве Салтыкова-Щедрина. Работа, выпадающая из общего нашего представления о русском Свифте. Так вот, в шестидесятые-семидесятые годы он был автором учебников русской словесности для национальных школ.

С издательством «Просвещение» у него завязалась переписка по поводу вышеприведенного письма Н. К. Крупской, хочу напомнить, стоявшей в своё время у истоков советского образования и организации библиотечного дела в СССР, во что ее вклад был огромен.¹⁶⁵ С разрешения В. Д. Свирского я привожу текст письма редакции «Просвещение»:

«Уважаемый Владимир Давидович!

На стр. 211 корректуры учебника русской литературы для 10 класса Вы просите восстановить слова Н.К. Крупской.

Редакция не считает целесообразным приводить эту цитату в связи с тем, что она в значительной степени утратила актуальность. Слова Крупской относятся к 1924 году, в то

время, действительно, было много «нищеты, неустройства», и вместо внешнего почитания личности Ленина следовало строить ясли, детские сады, дома, школы и т.д.

В настоящее время, когда по всей стране идут гигантские стройки, когда весь мир недавно торжественно отмечал 100-летие со дня рождения В.И. Ленина, цитата Н. К. Крупской звучит несколько архаично и не несёт в себе той смысловой нагрузки, которая была присуща ей на ранних этапах развития нашего государства. Именно поэтому редакция не поместила данную цитату. Считаем, что мы поступили правильно.

С уважением Зав. редакцией (Прокофьева)»

Как видим, политический заряд, заложенный в письме жены вождя, не потерял своей силы. Естественно, признаться в том, что Россия в 1913 году занимала последнее место в Европе по уровню жизни и образования, и спустя пятьдесят лет занимала то же самое «почётное» место, как, впрочем, и сейчас, было невозможно. Не исключаю, что зав. редакцией разделяла ту же невысказанную Свирским точку зрения, но...

Говоря об увековечивании Ленина, припомним фразу Троцкого из своей биографии: «Отношение к Ленину, как революционному вождю, было подменено отношением к нему, как к главе церковной иерархии. На Красной площади был воздвигнут, при моих протестах, недостойный и оскорбительный для революционного сознания, мавзолей... Набальзамированным трупом сражались против живого Ленина и – против Троцкого».¹⁶⁶

Тот не дал развёрнутого анализа причин построения мавзолея, хотя прекрасно понимал подноготную не только сталинской интриги, но и сталинского проникновения в русскую душу.

У русского народа только что силой отняли Бога. Взамен ему дается Новый Бог. Его нетленные мощи каждый может лицезреть. Здесь даже не мешает наука. Наоборот, бальзамирование тела – есть часть новой религии, где наука провозглашена пособницей прогресса. Совсем недавно было открытие мощей Серафима Саровского. И вот спустя одиннадцать лет открыты Новые нетленные мощи. В России идёт процесс подмены христианства новым языческим культом.

В последнее время появились, на мой взгляд, спекулятивные работы посредственностей, жаждущих сенсаций. Прежде всего, я говорю о причинах смерти Ленина. С пафосом и откровенным цинизмом говорится о сифилисе, якобы сведшем в могилу тирана. Напомним две самые страшные болезни XIX и начала XX веков: туберкулёз и сифилис.

Эти болезни, отнюдь не позорные, говорят о состоянии медицины того времени. Время пенициллина было впереди. Александр Флеминг сделал своё открытие в 1929 году. От последствий сифилиса умерли Роберт Шуман, Генрих Гейне, Фридрих Ницше, Ги де Мопассан, возможно, и Николай Гоголь, основатель современного турецкого государства Кемаль-паша (*Ататюрк*), духовный основатель еврейского государства Теодор Герцль и им несть числа. И это нисколько не умаляет гениальность вышеперечисленных. Но смакование слухов и вымыслов является необходимым поводом для топтания падшего идола.

Я же вспоминаю две вещи. Во-первых, даже не «...Так храм оставленный – всё храм, Кумир поверженный – всё бог!», а стихи Семена Надсона, написанные в 1884 году: – мощное пророчество забытого поэта!¹⁶⁷

*«Настанет грозный день – и скажут нам вожди,
Исполнены тоски, смятенья и печали:
«Кто знает верный путь, тот выйди и веди,
А мы – мы этот путь давно уж потеряли».
И мы сорвём венки с поникших их голов,
Расстопчем светочи, сиявшие веками,
Воздвигнем вновь ряды страдальческих крестов
И насмеемся вновь над нашими богами –
Мы грубо соль земли сотрем с лица земли...»*

А вот письмо А.С. Пушкина к П.А. Вяземскому по поводу Байрона. Оно настолько соответствует моему настроению и мыслям, что стоит его привести на страницах этой книги: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? черт с ними! слава Богу, что потеряны. Он исповедовался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то, стараясь блеснуть искренностию, то, марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо, а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением... Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе среди воскрешающей Греции. – Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки и ets., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал как мы, он мерзок, как мы!

Врёте, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе».¹⁶⁸

Странно, но это как бы переключка Пушкина с Горьким, написавшем о гнусном стремлении опорочить человека необыкновенного – о чём я сказал выше. Но я привёл слова Пушкина не случайно. В 20-е годы прошлого века жил-был знаменитый графолог и психолог Дмитрий Митрофанович Зуев-Инсаров. И вот в одной из его книг, я обнаружил сравнение почерков Пушкина и Ленина. Зуев подчёркивает их идентичность и добавляет, что это почерк гениев...

Вот официальная выписка из заключения, подписанного рядом крупных врачей. Было произведено вскрытие тела вождя. Статья наркома здравоохранения Н. Семашко (1874–1949) так и носит название «Вскрытие».¹⁶⁹ Главной причиной болезни и смерти Ленина являлся атеросклероз. «Основная артерия, которая питает, примерно, три четверти всего мозга – «внутренняя сонная артерия» при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки её, при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывая просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости...

На всем левом полушарии мозга оказались «кисты», то есть размягченные участки мозга. Склероз был обнаружен и в некоторых других органах, но степень развития склероза этих органов не могли идти в сравнении с развитием склероза мозга».

В чём причина склероза Ульянова?

Ответ следующий: во-первых, почву подготовила наследственность. Грегор Мендель был тогда в двадцатые годы в почёте. Важный момент – отец Ленина – Илья Николаевич Ульянов умер в возрасте пятидесяти пяти лет, при сравнительно спокойной, равномерной жизни. Вероятно, от раннего атеросклероза.

Но наследственность не главное.

Главное: «Гораздо большую роль сыграли не наследственные, а «приобретённые» причины: склероз поразил прежде всего мозг, т.е. тот орган, который выполнял напряжённую работу за всю жизнь Владимира Ильича; болезнь поражает обыкновенно «наиболее уязвимое место», таким «уязвимым» местом у Ленина был головной мозг: он постоянно был в напряжённой работе, он систематически переутомлялся, вся напряжённая деятельность и все волнения ударяли прежде всего по мозгу».

И резюме следующее: «Таким образом, вскрытие тела Владимира Ильича констатировало изнашивание, как основную причину болезни и смерти; оно показало, что нечеловеческая умственная работа, жизнь в постоянных волнениях и непрерывном беспокойстве привели нашего вождя к преждевременной смерти».¹⁷⁰

Я предполагаю, что любые спекуляции по вопросу болезни Ленина неуместны. Так же постыдны публикации фотографий смертельно больного человека, с несомненной и единственной целью доказать, какой чудовищный идиот правил Россией.

И, последнее, для вразумления современников. Президент США Делано Франклин Рузвельт был инвалидом. Кстати, нацисты, говорили, что он был сифилитиком. Что вообще – ложь. У него был полиомиелит. При съёмке кинохроники, когда его переносили из каталки в кресло, киноаппараты останавливали. А совсем недавно, когда у бывшего американского президента Рейгана обнаружилась болезнь Альцгеймера, то никому не пришло в голову публиковать фотографии или видео с деградирующей личностью... Это не этично. Не могу не заметить и то, что всё это повтор далекого прошлого.

Я всегда вспоминаю стихотворение А.С. Пушкина, написанное в 1833 г.¹⁷¹ и навеянное посещением психически больного – поэта Батюшкова:

*«Не дай мне Бог сойти с ума,
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад...*

.....
*Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решётку как зверка
Дразнить тебя придут...»*

И людям, которые для своих политических целей пользуются столь низкими приемами, следовало бы знать, что и у них нет гарантий от сумасшествия, СПИДа и тому подобного, в конце концов: ни от тюрьмы, ни от сумы... На последние страницы жизни великого человека следует накинуть вуаль забвения, как было, скажем, с президентом США Вудро Вильсоном.

Отсчёт несчастий человечества с ноября 1917 года некорректен. Всё это следствие прошлого. Причины надо искать в августе 1914 года – всё остальное следствие страшной войны. Русские поэты, за редчайшим исключением, не поняли раскатов грома.

Великий французский поэт славянского происхождения Гийом Аполлинер (1880–1918) сразу всё понял. Вот его стихотворение «Небольшой автомобиль», написанное в 1914 году.¹⁷² В этих строках даётся предчувствие ужаса грядущего века.

«31 августа 1914 года

*Я выехал из Довилля около полуночи
В небольшом автомобиле Рувейра.
Вместе с шофёром нас было трое
Мы прощались с целой эпохой
Бешенные гиганты наступали на Европу
Орлы взлетали с гнезд в ожидании солнца
Хищные рыбы выплывали из бездн
Народы стекались познать друг друга
Мертвецы от ужаса содрогались в могилах
Собаки выли в сторону фронта
Я чувствовал в себе все сражающиеся армии...*

.....
*Я чувствовал, что во мне новые существа
Воздвигали постройку нового мира
И какой-то щедрый великан
Устраивал изумительно роскошную выставку
И пастухи-гиганты гнали
Огромные немые стада щипавшие слова*

.....
*И когда проехав после полудня Фонтенебло
Мы прибыли в Париж
Где уже расклеивали приказ о мобилизации
Мы поняли оба мой товарищ и я
Что небольшой автомобиль привез нас в Новую Эпоху
И что нам, хотя мы и взрослые,
Предстоит родиться снова».*

Коротко о Гийоме Аполлинере. Настоящее имя и фамилия – Владимир-Александр Кострицкий. На фронте был ранен в голову и скончался во время эпидемии гриппа 9 ноября 1918 года, а через два дня капитулировала Германия...

Впереди был самый кровавый XX век с его диктаторами и машиной уничтожения. Предсказать судьбу России было несложно. Посол Франции в Петербурге Морис Палеолог, опираясь на своих осведомителей из самых различных слоев общества, поставил диагноз: «революция – неизбежна». 6 января 1916 года мемуарист записывает со слов своего осведомителя удивительную вещь. **В декабре 1915 года(!)** вожди социалистических партий провели совещания, где председательствующий А.Ф. Керенский обсуждал с коллегами программу революционных действий, «которую “максималист” Ленин, эмигрант, живущий в Швейцарии, недавно защищал на социалистическом конгрессе в Циммервальде».

Прения, открытые Керенским, в которых приняли участия все присутствующие, единогласно приняли следующие пункты:

1. Постоянные неудачи русской армии, беспорядок и нерадивость в управлении, ужасающие легенды об императрице, наконец, скандальное поведение Распутина окончательно уронили царскую власть в глазах народа.

2. Народ очень против войны, причины и цели которой он более не понимает. Запасные всё неохотнее идут на фронт; таким образом, боевое значение армии всё слабеет. С другой стороны, экономические затруднения растут с каждым днем.

3. Поэтому очень вероятно, что в ближайшем будущем России придётся выйти из Союза (*Антанты*) и заключить сепаратный мир. Тем хуже для союзников.

4. Если мир этот будет заключать царское правительство, то он будет, конечно, миром реакционным и монархическим. А во что бы то ни стало нужно, чтобы мир был демократический, социалистический. Керенский резюмировал... прения таким практическим выводом: «Когда наступит последний час войны, мы должны будем свергать царизм, власть взять в свои руки и установить социалистическую диктатуру».¹⁷³

Как видим, Ленин не был в одиночестве: его идеи разделяли по крайней мере все социалистические партии, включая лидера «Трудовиков» Керенского, будущего противника большевизма. Не правда ли, что это выглядело странно... И об этом не любят вспоминать.

Предвидеть в Ленине будущего властителя неизмеримо тяжелее. Задолго до появления Ленина на Финляндском вокзале Палеолог называл его будущим диктатором. 21 апреля 1917 года, на пятый день появления лидера большевизма, посол записал в дневнике: «Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый, Ленин отдаёт на службу своим мессианским мечтам смелую и холодную волю, неутомимую логику, необыкновенную силу убеждения и умение повелевать... Субъект тем более опасен, что говорят, он целомудрен, умерен, аскет. В нём есть, как я представляю, черты Савонаролы, Бланки и Бакунина».¹⁷⁴

Ленин умирал не в самые лучшие времена. Внутрипартийная борьба, провиденье тирании Сталина и многое другое удручало вождя. Я не собираюсь описывать его последние дни – они достаточно известны. Но есть одно стихотворное воспоминание поэта, который служил в курсантской команде Кремля.

Владимир Луговской, сын действительного статского советника и кремлёвский курсант – нет, не всё так просто. Это был последний день пребывания Ленина в Москве. Осенняя жуткая «жёлтая» нота пронизывает строки поэта в поэме «Середина века».¹⁷⁵

«Осенний день был золотист и рыж.
Пылали в небе купола соборов.
Наш Малый Николаевский дворец,
Где я служил в Кремле, был полон света.
А Кремль – корабль из камня – плыл над миром,
Курантным боем говоря с Москвой.
Вдруг позвонили мне.
– Иди скорее!

Приехал Ленин. Выздоровел он.
Он в кабинет вошел... Он в Совнаркоме.
Какая сила вынесла меня,
Не знаю. Я бежал и задыхался.
В молчаньи перед аркой Совнаркома
Толпа стояла очень небольшая,
Смятенно как-то и сурово глядя
На чёрный ленинский автомобиль.
Шофёр ходил, как звери ходят в клетке, –
Вперёд-назад. Опять вперёд-назад.
Москва была ещё тогда тиха.
Часы на Спасской медленно пробили.
Весь золотой, по старой мостовой
Скользнул шуршащий лист.
И вышел Ленин.

Он вышел медленно, но как бы быстро,
Ссутулясь и немного припадая,
Зажав в руке потрепанную кепку.
Он вежливо ответил нам. Желтел
Огромный лоб болезненно и влажно.
Он всех коснулся взглядом, но глядел
Прищуренными, жгучими глазами
В такую даль, что и сказать нельзя.
На небо посмотрел, на Совнарком,
На стены – вековечный труд народа,
На золотых орлов, тускневших в небе,
На бронзу пушек – след Наполеона,
На самый верх Никольской блеклой башни,
Что сбили мы снарядом в Октябре,
На всё, что мы зовем Кремлём, Москвой,
Россией, Государством, Нашим миром.
Он на секунду обернулся к нам,
Чуть поднял руку, сделал два движенья
Ладонью – вверх и вниз. Да! Вверх и вниз,

*Но он глядел на окна Совнаркома,
Те самые,
Откуда виден мир.
Шофер, блестящий в ярко-чёрной коже,
Как смерть осунувшись за полчаса,
Рванул наотмашь дверцу. Взвыл мотор.
В последний раз прошла в окне машины
Отцовская крутая голова.
Он понимал: последний раз
Вы, окна Совнаркома, и последний
Раз караул курсантов у ворот!
И молча в странной тишине осенней
Мы разошлись, ни слова не сказав
Друг другу.
Так простился Ленин
С тобой, Москва!
Он больше не вернулся... (?)»*

Определить в дни смерти значение Ленина было трудно. Но вот, что писал 1 февраля 1924 года Ромен Роллан, когда до апологий советской власти было ещё далеко: «... Я не разделял идей Ленина и русского большевизма. Но именно потому, что я слишком индивидуалист, чтобы присоединиться и слишком идеалист, чтобы присоединиться к марксистскому кредо и его материалистическому фатализму, я придаю огромное значение великим личностям и горячо восторгаюсь личностью Ленина. Я не знаю более могучей индивидуальности в современной Европе. Его воля так глубоко взбороздила хаотический океан дряблого человечества, что ещё долго след не исчезнет в волнах, и отныне корабль, наперекор бурям, устремляется на всех парусах вперёд, к Новому миру. Никогда после Наполеона европейская история не знала такой стальной воли.

Никогда ещё, со своих героических времен, европейские религии не знали апостола столь несокрушимой веры.

И главное, никогда еще человеческая деятельность не выдвигала вождя, учителя людей, столь чуждого каких-либо личных интересов. Его духовный облик ещё при жизни запечатлелся в сердцах людей и останется нетленным в веках».¹⁷⁶

В 1929 году была опубликована небольшая заметка Эйнштейна «Ко дню смерти Ленина»: – «Я почитаю в Ленине человека, который употребив все силы, подчинил свою личность делу осуществления идеалов социальной справедливости. Его методы я считаю нецелесообразными. Но в одном можно быть уверенным: такие люди как он оберегают и обновляют совесть человечества».¹⁷⁷

Лапидарность в оценке мирового деятеля поражает. В чём дело? Соотнесёмся с одним фактом биографии Эммануила Ласкера, нападавшего на теорию относительности Эйнштейна. Свою позицию экс-чемпион мира защищал против четырнадцати оппонентов – Эйнштейн при жизни великого шахматиста никогда не высказывался по этому поводу.

Эйнштейн отказался от полемики, ибо великий физик не хотел участвовать в дискуссии, уважая личность чемпиона мира, «так как Эйнштейну были чужды любые формы подавления интеллекта». Но... и шахматная игра не импонировала Эйнштейну. Почему? Потому что, выступая против насилия личности, он не мог допустить этого даже в шахматах, ибо они определяют насилие одного интеллекта над другим.¹⁷⁸

Так и в данном случае. Ленин импонировал великому учёному высотой поставленной цели, полной жизненной отдачей. Но высокая планка идеала требовала бесконечных человеческих жертв. Это не для гуманиста старого XIX века...

Всё же моя книга не только о Ленине, это книга о России. О той России, о которой сказал поэт:

*«Мне даже страшно назвать имя ея
Свирепое имя моей Родины».*¹⁷⁹

Ну, а кто спасёт Россию?

*«Не умники спасут Россию,
В безумстве своего Мессию
Они увидят...»*

Яков Полонский

Заканчивая книгу о «моём» Ленине, стоит вспомнить заключительные строки из повести Валентина Катаева: «Маленькая железная дверь в стене», написанной в 1964 году:

*История делает славу на ощупь,
Столетиями пробуя сплавы,
Покуда не выведет толпы на площадь
К отлитому цоколю Славы.*

Отрывок из доклада «Ленин как Мессия».

«Мессия – Помазанник; обещанный Ветхим Заветом. Искупитель, которого верующие дождались во Христе, а евреи ещё ждут...» Вл. Даль «Толковый словарь». В иудейском понимании – «помазанник Божий», «идеальный правитель», «потомок царя Давида, который будет послан Богом для избавления народа Израиля».

1. Появление Мессии всегда связано с катаклизмом. В конкретном случае фон появления Ленина на сцене следующий. Война, жуткие потери, нерешённые социально-экономические проблемы. Национальные проблемы. Из трех держав Антанты, вызванных Германией «на бой» в 1914 году, Россия, хотя и лучше подготовленная, чем в русско-японскую войну, всё же являлась худшей по подготовке политической, финансовой, экономической и, как следствие предыдущих факторов – и военной.

По подсчётам Центрального статистического управления, опубликованным в 1925 году, Россия всего выставил на фронт около 16 миллионов человек, то есть почти половину всех трудоспособных мужчин. Потери, понесенные ею за войну из мобилизованных: 28% общих боевых потерь, 27% санитарных потерь и 3,5 миллиона пленными... Всего – 8,7 миллионов убитых, инвалидов, больных. Дезертирство, начавшееся буквально с первых дней войны и увеличивавшееся по нарастающей до миллионных размеров в ещё дофевральские дни и до введения приказа № 1. Этот приказ, принятый первого марта 1917 года, изданный Объединённым Советом рабочих и солдатских депутатов о подчинении войск Объединённому Совету и своим комитетам, об установлении выборности офицеров и уничтожении их служебных привилегий, нанес страшный удар по дисциплине армии. К этому приказу большевики не имели отношения: их в Совете было меньшинство.

К октябрю 1917 года по подсчётам военного министра Временного правительства А.И. Верховского в строю числилось не более 2 миллионов человек, из коих 1,5 миллиона служили в пехоте; около 3,5 миллионов – в тылу (!?); почти столько же в остальных организациях (*Красный Крест, Земсоюз и др.*) и около 1,5 миллиона в тыловых округах. Итого – около 10 миллионов. Это-то из 16 миллионов! Другие исследователи приводят цифру мобилизованных в 18,6 миллионов человек.¹ Война была проиграна, что и осознал А. И. Верховский.² Генерал М.А. Беляев, впоследствии последний царский военный министр, заявил, что к концу 1916 года дезертиры составляли 1 миллион 200 тысяч человек!

В то время, как в союзной Франции это число составляло 50 тысяч человек, вместе с «уклонившимися» от службы.³

Мобилизация мусульман в 1916 году в Средней Азии вызвала восстание всего региона, подавленное с трудом, а впоследствии движение перешло в басмачество. Резкое падение религиозного чувства. Это особенно было видно на фронте, когда отменили общие молебны, проводимые неформально.

Неслыханное падение нравственности среди крестьян, что отмечено ещё в довоенное время таким одиозным писателем, как Иваном Родионовым в повести «Наше преступление». Редкое единение проявили два полярных человека: царь Николай II и писатель Максим Горький, назвавшие это произведение клеветой на русский народ. Каждый из них должен был пересмотреть свои взгляды в годы войны и революции. Как ни странно или, наоборот, ничего странного не было в крайне непопулярном и угнетающем население «Сухом законе». Произошло резкое падение престижа высшей власти. Процаристские настроения начисто выветриваются из сознания большинства народа. Дело не только в Ходынке и в Девятом января. Имело значение распространение «срамных» слухов о царице и Распутине. Всё это проникло в самую толщу народного сознания. Картины прошлого, вроде:

*«Я видел рабскую Россию
Перед святыней алтаря:
Гремя цепями, склоняя выю,
Она молилась за царя» –*

ранее приписываемые Кондратию Рылееву – уже не имели места. Название войны, начатой пропагандой, как Вторая Отечественная – не привилась. Вместо неё речь шла о Германской войне. Уже впоследствии в народной памяти осталось: «Это было до Германской войны»; «Я участвовал в Германской войне», «Я был в германском плену» и т.д.

Для цели моего доклада важно, что если в Отечественной войне 1812 года престиж Государя был настолько высок, что Александра I называли «Нашим Мессией», то в Мировую войну царя Николая II – никто так не называл. Он не выдерживал никакого сравнения ни с кем из царей. Лев Николаевич Толстой как исторический писатель довольно точно воспроизвел в «Войне и мире» состояние русского общества во время войны 1812 года. Наташа Ростова присутствует в домовом церкви Разумовских и неожиданно в середине, но не в порядке службы, старый священник, став на колени, стал читать, только что составленную Синодом, молитву о спасении России от вражеского нашествия. В этой молитве, мы вдруг ощущаем преемственную связь с прошлым: «Господи Боже сил, Боже спасения нашего!

...Се враг смущая землю Твою и хотяя положить вселенную всю пуну, восста на ны; се люди беззаконнии собрашася, еже погубити достояние Твоё, разорити честный Иерусалим Твой, возлюбленную Твою Россию... Владыко Господи! Услышь нас молящихся Тебе: укрепи силою Твоею благочестивейшего, самодержавнейшего великого государя нашего императора Александра Павловича; помяни правду Его и кротость, воздаждь ему по благости Его, ею же хранит ны, Твой возлюбленный Израиль...подаждь Ему победу на врага, яко же Моисею на Амалика, Гедеону на Мадиама и Давиду на Голиафа». ⁴ Несложно уловить в молитве, составленной в Синоде, влияние «Библейского общества».

Обращение к народу зиждется на ветхозаветной лексике и ветхозаветных примерах доблести. Россия приравнивается к Израилю, Москва – к Иерусалиму. Воздействие молитвы на слушающих было подавляющим. Героиня Толстого Наташа переживает слышимое, каждое слово о победе Моисея, Гедеона и Давида и разорении Иерусалима запечатлелось в её сердце. Этот краткий повтор речи священника необходим был писателю для подтверждения высокого душевного переживания, охватившего население России.

Патриотические письма, составленные в то время в адрес императора Александра I, переходили в своей лести все возможные границы. Письмо, составленное преосвящённым Синодом при посылке образа преподобного угодника Сергия и читанное в петербургских гостиных, содержала следующие слова: «Первопрестольный град Москва, Новый Иерусалим, приемлет Христа своего». ⁵

В новых условиях единство веры, царя и отечества не выдерживали критики. Толстой пишет своему «любезному брату» императору Николаю II: «Ваши советники говорят Вам..., что русскому народу как было свойственно ему и теперь и будет свойственно до конца дней... Но ведь это двойная неправда. Во-первых, никак нельзя сказать, что православие, которое когда-то было свойственно русскому народу, было свойственно ему и теперь. Из отчета обер-прокурора синода Вы можете видеть, что наиболее духовно развитые люди народа, несмотря на все невыгоды и опасности, которым они подвергаются, отступая от православия, с каждым годом всё больше и больше переходят в так называемые секты. ...Что же касается самодержавия, то оно точно так же, если и было свойственно русскому народу, когда народ этот верил, что царь – непогрешимый земной Бог и сам управляет народом, то далеко уже не свойственно ему теперь, когда все знают или, как немного образовываются, узнают – во-первых то, что хороший царь есть только «un heureux hasard» [счастливая случайность], а что цари могут быть и бывали и изверги и безумцы, как Иоанн IV или Павел». ⁶

2. В русском языке есть обороты и формулы, понять которые мы можем лишь при анализе исторической обстановки, породившей их. Употребление той или иной формулы, входящей в словесный обиход, обуславливается конкретными событиями.

В числе этих устойчивых словосочетаний сохранилась до сих пор формула «Русский Бог». Как известно, оно появляется впервые в «Задонщине». Это выражение, восходящее к библейскому богу Саваофу, спасающему избранный народ, постепенно было спроецировано на русский народ. В «Задонщине» так: «Русская земля, что ты есть как за Соломоном царем побывала». Или «И помиловал Бог, Русскую землю...».⁷

Итак: Кто есть Русский Бог? «Русский Бог велик» – Владимир Даль. Именно «Наш Бог»: также у Даля – «Дай Бог нашему Богу жить – все жить будем». «Ну, Русский Бог, выходи! Теперь твоё дело – не приложишь рук, мы пропали».⁸ Полное заземление у Некрасова: «Барин к нам приедет, барин нас рассудит!».⁹ Чиновник особых поручений Волков 14 ноября 1856 г. доносил министру народного просвещения Аврааму Норову: «Они (*читатели – С. Д.*) видят здесь... какой-то намек на Россию». (*Н.А. Некрасов, там же... примеч. на с.298*). Цензор недоговаривает – речь идёт отнюдь не только о России, не только о барине-царе, но и об уповании на «Русского Всевышнего».

У Н.С. Лескова в повести «На краю света» (1875 г.) в оборот вводится апология уютного и доброго «Русского Бога»: «...я более всяких представлений о божестве люблю этого нашего Русского Бога, который творит себе обитель «за пазушкой».¹⁰ Иначе говоря, Русский Бог, он же Бог вселенной (Карамзин «Илья Муромец»). У Кюхельбеккера уже более близкое: Русский Бог – Он избрал русский народ. Иногда имперская формула – Российский Бог, но именно «иногда». Формула «Российский Бог» – ущемляла крайних националистов. Постепенное деградирование идиомы от первоначального величия до «**Русский Бог – авось, небось, да кое-как!**».

Упование на Высшую силу. Особенно в связи с неудачами в войнах: Крымской – у Тютчева: «Надо сознаться, что должность Русского Бога – не синекура». Короче, упование на чудо. Е.В. Тарле в работе «Крымская война» опубликовал письмо российского посла в Вене барона П.К. Мейндорфа к своему коллеге в Берлин барону А. Ф. Будбергу по поводу неудач русского оружия и дипломатии. «Венский барон» иронизировал: «Русский Бог может быть и придёт к нам на помощь позднее, но вот уже год, как ничего не удаётся». Переписка двух дипломатов немецкого происхождения писана по-французски, но идиома «Русский Бог» – писана по-русски, ибо она непереводами ни на один язык, а если и переводима, то теряет свою «специфическую остроту».¹¹

Вообще, Крымская война тесно связана с этой идиомой. Выкрест и дядя Ильи Мечникова Александр Львович Невахович в стихах о войне аж дважды восклицает: «Мы громко воспоем: Российский Бог велик!» Не избежал штампа и А.С. Пушкин, правда, с большой долей иронии, говоря о спасении России в 1812 году от нашествия врага: «Барклай, зима иль Русский Бог». Ирония очевидна: в одной плоскости человек, природа и национальное Божество. Петру Вяземскому принадлежит итоговое сатирическое стихотворение «Русский Бог»:

*«Нужно нам истолкованье
Что такое русский Бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.
Бог мятежей, Бог ухабов,
Бог мучительных дорог ... и т.д.» (1828 г.)*

Отмирание русского Бога отмечено в «Бесах» Достоевского, вложенное в уста Кармазинова. *(Хотя и не следует отождествлять взгляды автора с героями. Как раз для Достоевского понятие Русский Бог предмет пиетета).*

В пародии П.В. Шумахера мы можем найти нечто близкое нашей теме. В 1881 году он написал пародию «Сердце царево в руце Божьей»:

*Пока наш русский Бог
С царём сидел на троне,
Сам чёрт, и тот не мог
Напакостить короне.
.....
Чуть мину где взорвут,
Чуть выстрелят откуда-
Уж Русский Бог как тут
И совершает чудо».*

Пародия написана до 1 марта 1881 года. В последнем случае чуда не произошло. П.И. Якушкин, пародируя, назвал свою статью в «Современнике» – «Велик Бог земли русской». Идиома отмерла, и попытка воскресить ее Николаем II на приеме Государственной Думы и Государственного Совета 26 июня 1914 года, тотчас же после объявления войны Германией словами: «Велик Бог земли русской» успеха не имела. Это был анахронизм, единственно возможный в парадной речи. Народ уже не знал Русского Бога. *(Мною собрано несколько десятков выражений и копилка пополняется).*

3. Кто же является Богом – отцом, Саваофом, в варианте Ленин – Мессия? Вне всякого сомнения – Карл Маркс. Маркс – теоретик, Ленин – практик. Эта разница подчёркивается в статье Троцкого. Маркс – наследник цеховых средневековых гильдий. Немецкий (западный) рабочий класс, имеющий многовековую историю.

Русский пролетариат имеет глубокие крестьянские корни. Вместе с тем Новый Мессия дуалистичен. Как Ленин – он вождь мирового пролетариата (*стандартная формула*), как Ульянов – он глава Российского государства. Дуализм не отрицает единства. Новая Россия должна стать примером для всего человечества.

Привожу записку Ленина, где он с удовольствием ссылается на слова Маркса, дававшего характеристику неординарному человеку, и поэтому Ленин безоговорочно помогает знакомцу Бога-отца:

*«Охранная грамота В. И. Танееву 26 апреля 1919 г.
Гражданину Владимиру Ивановичу Танееву
Охранная грамота*

На основании постановления Совета Народных комиссаров от 25/III 1919 г. выдается эта охранная грамота гражданину Владимиру Ивановичу Танееву, 78 лет, который долгие годы работал научно и, по свидетельству Карла Маркса, проявил себя преданным другом освобождения народа. Гражданину Владимиру Ивановичу Танееву предоставляется право посещать библиотеку Совета Народных комиссаров, а всем другим государственным библиотекам предлагается оказывать ему всяческое содействие в его научных работах и изысканиях. Всем советским властям предписывается оказывать гражданину Владимиру Ивановичу Танееву содействие в деле охраны как его самого, так и его семьи, жилища и имущества. В случае передвижения его по Российской Социалистической Советской Республике всем железнодорожным и пароходным властям приписывается оказывать гражданину Владимиру Ивановичу Танееву и его семье возможное содействие в деле получения билетов на поезд и предоставления мест в поездах.

*Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)»*

Несколько слов о Владимире Ивановиче Танееве (1840–1921), русском юристе и общественном деятеле. Он родился в состоятельной дворянской семье с большими культурными запросами. Его отец – Иван Ильич Танеев был магистром словесности, музыкантом – любителем и автором нескольких литературных и музыкальных произведений. Младший брат Владимира Ивановича – Сергей Иванович был знаменитым композитором. Также его близким другом являлся великий учёный К.А. Тимирязев.

Будучи адвокатом, защищал «нечаевцев» на одноимённом процессе, а также выступал и на других политических процессах. Автор мемуаров и книги «Мысли о будущем». Встречался с Карлом Марксом, который подарил свою фотокарточку, что по тем временам считалось большой честью.

В письме к Максиму Максимовичу Ковалевскому Маркс обращается за помощью к адвокату Танееву, и из этого письма воспроизводятся эти

лестные строки с добавлением, [он], «может быть единственный адвокат в Москве, который возьмётся за такое неблагодарное дело. Я буду Вам очень благодарен, если Вы от моего имени попросите его принять участие в исключительно тяжёлом положении нашего друга».¹² В работе Танеева «Ейтихиология («наука о счастье в коммунистическом строе») мы можем прочесть следующее: «Величайший государственный человек нашего времени Карл Маркс, который основал международное общество рабочих. Вторая половина XIX века должна называться веком Дарвина и Карла Маркса, как первая половина XIX века должна называться веком Ламарка и Фурье...

Религия невозможна в настоящее время. Ламарк и Дарвин убили Бога, убили окончательно, навсегда, так, что он никогда не встанет после их ударов. Эти великие убийцы заслуживают величайшую и глубочайшую благодарность человечества».¹³ Попытка заглянуть в будущее оканчивается катастрофой – его коммунистическое общество напоминает коммуны чернышевцев вкупе с регламентированным тюремным режимом, при наличии... полиции!? Не знаю – осознал ли в конце жизни мыслитель, что природу человеческую намного сложнее изменить, чем писать утопии. Как бы то ни было – его богатая библиотека в селе Демьянове, возле г. Клина, находилась под защитой государства, а в 1940 году по постановлению Совета Народных Комиссаров торжественно отмечалось столетие рождения Танеева. И ещё – умирал он в своей усадьбе, куда переехал в 1917 году. Неподаляку жил и К.А. Тимирязев. Они встречались каждый день. О чём думали воинствующие старики-дарвинисты, почти одновременно ушедшие из жизни? Идеал новой морали не соответствовал современному жестокому миру. Человеческий отбор был страшен... «И вся-то наша жизнь – есть борьба» – должна была казаться ужасом...

Вместе с тем следовало бы рассмотреть отношение Ленина к религии. Оно несравненно более сложное, чем принято считать. С другой стороны бесполезно знать, что думали верующие о «Вожде и Учителе». У нас есть интереснейшее свидетельство глубоко религиозного человека, читавшего публичные лекции об Иисусе Христе в самом начале двадцатых годов. Ему предоставляли самые обширные аудитории, включая Московский и Петроградский университеты, Политехнический Музей в Москве, университет в Самаре и т.д. В общем, никаких особых препятствий со стороны власти не было. Этот воинствующий верующий – Владимир Филимонович Марцинковский. К сожалению, в моих руках почти нет никаких данных о нем. Он родился в селе Дермане (Дереман) Волынской губернии приблизительно в 1884 году. Мать его из известного казацкого рода Майбороды. Родной брат матери – знаменитый русский певец (бас) Владимир Яковлевич Майборода

(1854-1917), актёр Мариинского театра. Марцинковский до 1913 года семнадцать лет жил в Гродно, за исключением годов учебы в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. Уже позже он писал сложную историческую работу о русском масонстве и Новикове. Затем преподавал словесность в Гродненской гимназии, где в своё время и сам учился. Рожденный в православии в 1904 году принял протестантизм и стал активным членом Христианского союза молодежи (УМСА). В 1920 году принял крещение от евангелического проповедника.

Так вот, в Московском университете, в первой аудитории юридического факультета в 1921 году им была прочитана лекция «Христос Грядущий». Зала была переполнена вплоть до кафедры и вмещала до тысячи человек. Задолго до лекции все билеты были распроданы. По окончании лекции, как было принято в то время, оглашались поступавшие записки. Одна из них гласила: «Товарищ лектор! Не является ли Ленин Антихристом?»

Ведь по Писанию, Антихрист сядет в храме, как Бог. А Ленин как раз находится в русском храме, т.е. в Кремле». Внимание в зале напряглось до крайней степени. Лектор, набравшись мужества – он боялся провокации, ответил следующим образом: – «Ленин слишком мал для Антихриста. Антихрист будет чудеса творить, а Ленин не может проявить чуда в борьбе с голодом.

Говоря о храме, слово Божие понимает иерусалимский храм, а не какой-нибудь другой. Если же разумеет не самого Антихриста, а дух антихристов, т.е. противление Христу, то таковое несёт в себе и всякий из нас, кто не со Христом; ибо Христос сказал: – «Кто не со Мной, тот против Меня; и кто не собирает со Мной, тот расточает»...

Итак всякий, кто не со Христом, имеет в себе дух Антихриста».¹⁴ Понятно, что в марте 1921 года Марцинковский был арестован, но вскоре был выпущен на свободу: большие репрессии были впереди...

А у большевиков остался лозунг: «Кто не с нами, тот против нас». Одни и те же слова с совершенно противоположным крокодильским смыслом...

В 1923 году Марцинковский был выслан из СССР вместе с В. Ф. Булгаковым, секретарем Льва Толстого и В.Г. Чертковым – сподвижниками великого писателя. Жил в Польше, затем переехал в Прагу. С 1929 года жил в Палестине, где руководил еврейско-арабской христианской общиной. Жил в Хайфе. Скончался 9 сентября 1971 года в Израиле.

4. Мессия – должен иметь генеалогию и биографию. Житие. Он должен быть из Дома Давидова. У него должна быть земная жизнь, описанная в евангелиях, как канонических, так и апокрифических. Отто Вейнингер считал, что создателем будущей религии будет еврей или

человек еврейского происхождения. Так оно и произошло. Семейная мифология. Мать – Мария Александровна – великомученица. Обратить внимание на имя – Мирьям, Мария. «Номинальный» отец – учитель, сеятель «доброе, вечное». Истинный Бог-Савоф – Карл Маркс, величина, смахивающая на икону с изображением Бога-Савофа. Борода. Отсюда такая ненависть Уэллса к «Бороде» Карла Маркса на портретах, висящих в каждом учреждении... Брат Александр, казнённый по спорному юридическому казусу – напоминает кузена Иисуса – Иоанна Предтечу. Жена Мессии – Надежда. Жизнь более духовная, чем плотская: отсутствие детей; сотрудница, преданный друг.

Бездетность – вся страна становится детьми и внуками Ленина. Предательство – Каплан. В прошлом – Зиновьев и Каменев; в будущем – Сталин, обокравший «истинную ленинскую идею» о добре.

Смерть и мавзолей. Истинное завещание Ленина – письмо Крупской. Сразу, после смерти Ленина, в 1924 году появилась, так сказать, адаптированная редакция Нового Евангелия для детей:

«Детям о Ленине», с кратким текстом и иллюстрациями такого крупного художника как Борис Кустодиев.

Здесь к месту сказать об отношении самого Ленина к детям. Десятилетиями пропагандировались и тиражировались в миллионных экземплярах сусальные притчи о Ленине и о его любви к детишкам. Мифу, правдивому или лживому, отдал дань, вольную или невольную, такой писатель как Михаил Зощенко.

В вопиющем противоречии с этим общим местом находятся редчайшие воспоминания близкого друга Ленина П.Н. Лепешинского, утверждавшего с оговоркой, что вождь любил детей «абстрактно», вероятно, как всё человечество: «Он (*Ленин*), если не ошибаюсь, не очень-то любил маленьких детей. То есть, он всегда любил эту сумму загадочных потенциальных возможностей грядущего уклада человеческой жизни, но конкретные Митьки, Ваньки и Мишки не вызывали в нём положительной реакции. Мне кажется, если бы его привели в школу, где резвятся восьмилетние малыши, он не знал бы, что с ними делать, и стал бы искать жадными глазами свою шапку. Поскольку его всегда тянуло поиграть с красивым пушистым котёнком (*кошки – это его слабость, и моя, и многих других – им несть числа. – С. Д.*), постольку у него нет ни малейшего аппетита на возню с двуногими «сопляками» (*извиняюсь за не совсем изящное выражение*).¹⁵ Оговорка сделана в примечании: «Это моё личное впечатление, быть может, и не отвечающее действительности». Оговорка сделана ни в коем случае, как уступка времени или самоцензуре, ибо в этих же, никогда не переиздаваемых воспоминаниях мы можем прочитать и такое, что тоже не входит в описание жизни святого.

Однажды на митинге меньшевики «обманули доверчивость» большевиков: «Мы ушли с митинга, как будто выкупанные в грязной луже... «Держим курс на Ландольте» – дал лозунг Ильич. У Ландольта он потребовал себе одну кружку пива, затем, залпом осушил первую, взял себе другую, потом третью...

Он сделался шумлив, болтлив и весел ... Но так весел, как я не пожелал бы ему быть никогда. В первый (*и единственный*) раз в жизни я видел этого человека со стальной волею – прибегающим для успокоения своих расходившихся нервов к такому искусственному и ненадёжному средству, как алкоголь...»¹⁶ («Ландольт» – женевское кафе).

Однажды, будучи в Женеве, семья Лепешинских, отправляясь на воскресную прогулку оставила, на руках «Ильича» своё шестилетнее дитя. Ленин не знал, как занять ребёнка. Тот заскучал и, изучая лицо вождя, задал совсем бестактный вопрос, намекающий на его абсолютную лысость: «Ленин, а Ленин, отчего у тебя на голове два лица? «Как так два лица?» – подскочил вопрошаемый. «А одно спереди, а другое сзади...». Ленин, тот самый Ильич, который никогда не лез за словом в карман, когда нужно было своевременной репликой хлестануть в споре Струве, Мартынова или даже самого Плеханова, теперь, быть может, в первый раз в своей жизни, не сразу нашёлся, что ответить. «Это оттого, что я очень много думаю, после некоторой паузы промолвил, наконец, он» «Ага» – удовлетворилась любознательная гостыя».¹⁷

Небезынтересно, что спустя тридцать лет, в Кремле совсем юная Инна Рубина была приведена матерью в кабинет Надежды Константиновны, где находилась и Мария Ильинична. Девочка заупрямилась поздороваться – возможно, от стеснительности, и надулась. На приставание матери она, наконец, сказала: «Не хочу здороваться с этой жабой!», намекая на выпученные глаза больной базедовой болезнью вдовы Ленина. Наступила неловкость. Надежда Константиновна сказала просто: «Так вам и надо: нечего приставать к ребёнку». (*Устный пересказ*).

Но известно и другое. Владимир Ильич очень любил «Гришу» Зиновьева. Однажды у четы Ульяновых возникла идея усыновления одного из детей Зиновьевых. «Ильич» очень хотел, но... отцовские чувства «Гриши», а вернее его жены – перевесили, и они отказались. Не буду досказывать судьбу самого Гриши и его семьи – она ужасна...

Для сравнения можно взять «Детскую Библию», вышедшую в 1983 году, изданную одним из библейских обществ. (*К сожалению, у меня нет под руками детского переложения дореволюционного Евангелия. Но можно сравнить с рассказами для детей Льва Толстого*).

«Детское житие» Ленина начинается с анализа уровня жизни крестьян, рабочих, помещиков при царском строе. Вот один из этих

«шедевров», в котором, правда, да не вся. Жестокость и несправедливость царских поборов очень уж напоминает времена продрозвёрстки:

«Давно, когда ещё управлял народом царь, жил в деревне крестьянин Иван. У него была жена Марья и сын Ваня.

* Пришёл царский урядник и говорит: «Плати царю подать».

* У Ивана денег не было, он стал просить урядника подождать.

* Урядник закричал: «Если не заплатишь, я возьму и продам твою корову».

* «Не бери у нас корову», – сказал Иван: «Не будет коровы, нечем нам будет мальчика кормить».

* А урядник: «Будешь упираться, силой заставлю, в тюрьму посажу».

* И стал уводить корову со двора. Марья закричала, ей было жалко коровы. Ваня испугался и заплакал.

* У Ивана урядник увёл корову.

* У других крестьян, если не было денег, – у кого самовар забрал, у кого овечку.

* Так плохо жилось при царе крестьянам».¹⁸

Обратим внимание на звездочку, поставленную почти перед каждым предложением. Это как бы деление на смысловые стихи в духе Библии. Всего глав «жития Ленина» – 31. Можно считать, что Кустодиев, несмотря на свой выдающийся художественный талант и опыт иллюстратора, не смог создать ничего достойного. Хотя «Ленин за партией» многократно воспроизводился в «Лениниане».

Таким образом, первым создателем художественной графики о Ленине был Б.М. Кустодиев. В 1924 году он иллюстрировал книги «Детям о Ленине» и «Ленин и юные пионеры». Художник признал своё поражение, но эти работы были шедеврами, по сравнению с последующими халтурами...

Вот эти работы: «Ленин призывает к борьбе» – иллюстрация; «Выполним заветы Ильича» – заставка; «Похороны Ленина» – иллюстрация; «Ленин и юные ленинцы» – заставка, «Ленин и санки» – заставка; «Ленин среди детей» – иллюстрация; «Ленин и девочка» – заставка. И работы близкие по теме: «Похороны вождя» – концовка; «У мавзолея» – заставка; «Демонстрация ребят у мавзолея» – иллюстрация, «Ленин умер – Ленин жив» – заставка); «Ленин – знамя» – заставка и т.д. Собственно, в этой книге для детей утверждается Новое Евангелие, ибо рисунки сопровождаются небольшим текстом.

Я сравнивал адаптации Нового Завета для детей с вышеозначенной книгой и нашёл её почти идентичной.

5. Ленин создан из одного куска, он монолитен.¹⁹ Он напоминает Толстого, тот же самый русский тип, но без сложности внутренней жизни. В части родства с Толстым – точно. Ленин о Толстом – глыба,

матёрый человецище – отсюда монолит Бердяева. Но внутренняя жизнь Ильича была не менее сложна, чем у великого писателя, и она развивалась по своим законам. Ленин – убедительная демонстрация роли личности в истории. Важнейший вывод: Ленин мог стать вождём революции и реализовать давно выработанный план лишь потому, что он был нетипичным русским интеллигентом. Черты интеллигента сектанта в сочетании с чертами русских государственников, создававших империю.

Иначе говоря: Чернышевский, Ткачев, Нечаев, Желябов – соединяются с чертами русских князей Ивана Калиты, Ивана III, царя Петра Великого и других деятелей деспотического типа, собирающих Россию. Ленин – крайний максималист революции, обладающий тоталитарным революционным мировоззрением, соединенным с гибкостью и оппортунизмом в практической борьбе и политике.

Восприятие Ленина современниками: Ключев: керженский дух. Есенин на вопрос односельчан: «Кто такой Ленин?» дает краткий и точный ответ: «Он – вы!».

Павел Александрович Аксельрод, родоначальник меньшевизма, ненавидящий Ленина всеми фибрами души, служащий олицетворением того, как любовь переходит в ненависть, рассказывал, как Ленин, впервые попав за границу, пошел вместе с ними гулять и купаться. «Я тогда почувствовал, что имею дело с человеком, который будет вождём русской революции. Он был не только образованным марксистом – таких было очень много – но он знал, что он хочет делать, и как это надо сделать. От него пахло русской землей».²⁰

Пастернак, Северянин. Партийные фигуры: сравнения с Моисеем: «В день 25-летия партии, которая несёт на спине своей не только ответственность за судьбы шестой части земного шара, но которая является главным рычагом победы мирового пролетариата, русские коммунисты, и всё, что есть революционного в мировом пролетариате, будут иметь одну мысль, одно горячее желание, чтобы этот Моисей, который вывел рабов из земли неволи, вошел с нами в Землю Обетованную».²¹ В 1939 году Карл Собельсон-Радек был убит в лагере. Думал ли он тогда о земле обетованной? Как бы то ни было, Радек нас вводит в библейскую семантику, которая интересна приложением жизни Ленина к ветхозаветным и новозаветным персонажам. Уже не странно, что в этом грехе замешан и Михаил Кольцов, вообще заземляющий вождя в еврейское гетто.

Статья Михаила Кольцова о Ленине интересна тем, что урождённый Фридлянд, прибегает к еврейскому сюжету. Желание продлить жизнь Ленина, вызывает у него ассоциацию с еврейским местечком, где заболевшего цадика, пытаются спасти «прихожане»,

даруя ему часть своей жизни для продления жизни святого. Понятно, что Ленин мог бы иметь Мафусаилов век и могучие здоровье, если бы...

Но влияние Ленина не ограничилась лишь иудео-христианством. В 1926 году художник, путешественник и мыслитель Николай Константинович Рерих доставил в Москву послание и ларец со священной землей Гималаев – «мудрецов Востока» Советскому правительству. На ларце краткая надпись: «На могилу брата нашего Махатмы Ленина». Учтем, что в XX веке было всего два Махатмы: Ленин и Ганди...

6. Личный аскетизм. Любил шахматы, как духовное развлечение. Возможно, фигуры или, как в старину говорили «шашки», на 64 клетках напоминали ему вечную политическую игру, где пешки-люди были подвластны его воле.

Отсюда же и сдержанное отношение к классической музыке. Он прекрасно знал классику и любил петь. Но... музыка размягчает Мессию и потому он редко ее слушает (*М.Горький*). Бетховен и Шопен: преклоняясь перед мужественной музыкой Бетховена, напротив, улавливает в Шопене, как музыканты говорят о польском композиторе, «шмальц». Замечал родство шахмат и музыки – Гармонию. Поэтому очень любил решать этюды, где наличествует высшая Гармония единения фигур и пешек, а, следовательно, торжествует справедливость. Но в музыке нет борьбы, в шахматах она налицо. Его воля должна подавлять соперника. Кстати, заслушавшись фортепьянным концертом Бетховена проиграл партию: подтверждение вышеприведенного тезиса о размягчении. Летом 1921 года, отдыхая в Горках, Ленин играл партию с врачом Б.В. Вейсбордом. Их обступили «болельщики». Одновременно Мария Ильинична, сестра вождя, попросила Е. Ямпольскую сыграть что-нибудь на пианино. Она играла «Патетическую» Бетховена. Играла хорошо. А когда окончила играть, с балкона раздался радостный голос Вейсборда, выигравшего партию. «Болельщики» стали подшучивать над поражением вождя. «Смущенно поглаживая лысину, он тихо произнес: «Виновата музыка...» Очевидно он заслушался любимой сонатой и где-то «промазал»... Все много шутили, смеялись...».²² Ленин читал Аристотеля и помнил, что музыка находится в известном отношении с моралью. (*Пересказано у Маркса. Начётчик – помнил «всего Маркса»...*)²³

Любопытно, что Ильич, «отрицающий музыку», оказывал покровительство знаменитому физику и музыканту Л.С. Термену (1896–1993), изобретателю электрического музыкального инструмента – терменвокса.

В «Известиях ВЦИК», 163, 2 августа 1918 года за подписью Ленина приведен список лиц, которым следует поставить монументы в Москве и других городах. Наряду с революционерами: от Спартака до Кибальчича, внесены писатели, в том числе и правого лагеря – Федор Достоевский и Федор Тютчев. Среди философов и учёных – Г. Сковорода, М. Ломоносов, Д. Менделеев.

В списке был и Владимир Соловьев, как можно думать, «протезе» А.В. Луначарского, но вождь собственноручно его вычеркнул, возможно, из-за идеализма. Представлены художники – от Андрея Рублева и Александра Иванова до модерниста Врубеля, и ни одного передвижника! Артисты – Комиссаржевская, а среди музыкантов: Мусоргский, Скрябин и... Шопен. Последний, вероятно, как уступка полякам... И уже совсем в сторону: великая пианистка М. Юдина подчеркнула «русскость» Шостаковича именами Андрея Рублева, Пушкина, Достоевского и Ленина!? Не надо напомирать всем известную независимость взглядов Марии Вениаминовны.²⁴ Ленин не принадлежал к революционной богеме и чуждался её. В этом отношении Троцкий или Мартов его антиподы. В личной жизни он аскет, любящий порядок и дисциплину, примерный семьянин. (Н. Бердяев). В нём не было ничего анархичного, он презирал анархизм и изобличал его – это отличие от национального типа (Лугачев, Разин). В 1918 году делал нечеловеческие усилия, стремясь дисциплинировать русский народ и своих коммунистов. (Результаты были, но не соответствовали желаемому). Ленин призывал к элементарным вещам: к труду, дисциплине, ответственности, к знанию, к учебе, к строительству.

Терпеть не мог фразерства. Будучи на вершине власти «громил большевиков, комчванство». И, по словам Бердяева, ОН совершал заклинание над бездной. Остановил хаотичный распад России деспотическим, тираническим путем. Сходство с Петром очевидно (см., например, М. Волошина). ОН проповедовал жестокость, но Сам не был жестоким человеком. Отсюда лицемерие, когда Ему жаловались на жестокость Чека, говорил, что это не Его дело, что это в революции неизбежно. (Случай с академиком Таганцевым – наиболее типичен). Бердяев идёт дальше, считая, что САМ не мог бы управлять Чека: в личной жизни у него было много благодушия. ОН любил животных, любил шутить, смеяться, прекрасно относился к своей теще.

Л.Д. Троцкий, говоря о жестокости революции, прибегает к софистике, с которой можно согласиться, но от этого нам не легче: «С точки зрения абсолютной ценности человеческой личности революция подлежит «осуждению», как и война, как, впрочем, и вся история человечества в целом».²⁵ Из этого явствует, что собственно Троцкий, как и Ленин, считает революцию детищем войны, а, следовательно, известным оправданием переворота.

Где выработался характер Ленина? Семья – домашнее тепло, мать, дружба с братом. Всё рассыпалось после казни брата, когда «общество» отвернулось от семьи Ульянова. С этого момента Он разочаровался в людях. «У него выработалось цинично-равнодушное отношение к людям. Он не верил в человека, но хотел так организовать жизнь, чтобы людям было легче жить».

Бердяев противоречит себе. Я думаю – по сути неверно. Он любил слабых и незащищенных – сильных мира сего для него не существовало. Ясно, что любовь к нищим духом, к низам общества сближает его с евангельским Христом. Но Христос не практик, Христос проповедник. Ленин – строитель. Говорят, что он разрушитель, но это, по крайней мере, не исторично. Мировая война разрушила Россию – физически и духовно. Время Ленина – собирать камни. Отсюда жестокость – кто не с нами, тот против нас. Жуткое строительство «нового – старого»: упорядоченная деспотия.

Здесь место вспомнить Владимира Соловьева, определяющего разницу между Христом и его антиподом («великим человеком», устами же *«антипода: Христос... был исправителем человечества, я же призван быть исправителем этого отчасти неисправимого человечества... Христос принес меч, я принесу мир...»*²⁶

7. Довольно часто мне задают вопрос: «В конечном итоге, как вы относитесь к Ленину?». На прямо поставленный вопрос трудно отвечать. Можно прибегнуть к софистике, но я этого не желаю. Можно ответить, что Истина лежит в середине: между хвалой и хулой. «Швиль хазахав» (*золотая тропа – иврит*), но как историк, я глубоко убежден, что Истина всегда находится ближе к одной из сторон, но ни в коем случае не в золотой середине!

Прибегнем к шахматной оценке. В позициях нарушенного динамического равновесия мастер прибегает к оценке положения по десятибалльной системе следующим образом. Восемь против двух – позиция, несомненно, выигрывающаяся без труда; шесть против четырех – у сильнейшей стороны больше шансов на выигрыш, чем у слабой стороны избежать поражения. Но преимущество мизерное и реализация требует тяжелой работы. К сожалению, на вопрос Хулио Хуренито в абстрактном плане в выборе из двух слов: «да» или «нет», я, в отличие от Ильи Лохматого, выбираю: Да! Семь против трех – в пользу Ильича...

Письмо профессору А.Я.Черняку.

Дорогой Арон Яковлевич!

Я нахожусь в затруднении. Собственно лишь теперь понял, что зашёл в тупик...

Дело в том, что та форма изложения, которую избрал, меня не вполне устраивает. Рассказ разрастается в геометрической прогрессии. Если так пойдет, то это будет книга, а мне вовсе не хочется быть жизнеописателем моего Героя. Я отнюдь не собираюсь отнимать лавров у Волкогнова и иже с ним. Им несть числа. Я просто хочу коснуться «Чуда», свидетелем которого была многомиллионная Россия. Человек приходит из небытия и в течение нескольких часов становится символом эпохи.

Ленин прибывает на станцию Белоостров и его встречает многочисленная делегация рабочих Сестрорецкого завода. Почему к Финляндскому вокзалу собралась многотысячная толпа, а уже у дворца Кшесинской – их было десятки тысяч? Это был триумф: от вокзала до Кронверкского проспекта он двигался на броневике, и толпа народа численно возрастала геометрически. Почему картавый человек стал оратором, превосходящим Керенского и Троцкого? Почему невзрачный человек одной лишь силой убеждения стал первым в русской социал-демократии? Почему Плеханов и Мартов – пасовали перед ним?

Одним террором большевики не могли удержаться у власти – это аксиома. А чем? Лозунгами? Одними лозунгами – это тоже сомнительно. Фигура Ленина была цементом Новой России. Собственно – он сохранил русскую империю, уступив, скрипя зубами некоторые окраины. И даже удержал полуколонии Монголию и присоединил Бухарский эмират. Площадь России на 1897 год составляла 22,35 миллион кв. км. В 1905 году Россия потерпела поражение в войне с Японией и уступила Южный Сахалин и прилегающие острова, всё, что ниже 50 параллели и городов Порт-Артур и Дальний на Ляоданском полуострове.

После Первой Мировой войны, войны с Польшей, отделения Финляндии и Прибалтики, оккупации Румынией Бессарабии и добровольной отдачи Турции Карса площадь СССР уменьшилась до 21,7 миллион кв.км. Как видим, потери не столь значительные, если учесть размеры катастрофы. За это одно – националисты должны быть благодарны Первому коммунисту. Увы, мало кто понял это.... Этот человек был способен признаваться в своих ошибках и заблуждениях. Думаю, что НЭП был рассчитан не на одно десятилетие. Отменить продрозвёрстку ещё в 1919 году предлагал Троцкий.

Ленин был категорически против. Поворот к НЭПу был произведен через год под грохот кронштадского восстания и в «атмосфере угрожающих настроений всей армии.¹ А концессии бы двинули промышленный и социальный потенциал далеко вперед. Это были бы не кровавые пятiletки Уса. Залогом являлось то, что к 1926 году потенциал обкорнанной России достиг уровня 1913 года. Нэп, как Вы знаете, был направлен и против большинства партийных работников. Тонкое замечание И. Эрэнбурга: «Открывались новые пути и новые возможности. Нечеловеческая воля прозвучала в этом приглашении «учитесь торговать», брошенным бескорыстнейшим борцом своим товарищам, принуждённым менять теперь диаграммы главков и карты генштаба на стук костяшек или на книги двойной бухгалтерии. Трезвость, это самая требовательная и, скажем, откровенно, наименее заманчивая из всех добродетелей, быстро вернула людям сознание времени и пространства».² Арон Яковлевич, советская цензура выкинула сии слова из собрания сочинений Ильи Григорьевича, изданном в 1961 году. Невероятно! Это было столь огнеопасно, что подлежало уничтожению. Впрочем, «если бы» мы оставим в кавычки... Всё не так просто.

P.S. Прочёл об А.А. Зимине приблизительно такую фразу: «они» готовы были простить ему антисоветизм, но ни в коем случае «Слово»...

Ваш Савва.

Да здравствует Лев Давыдович!

Да здравствует IV Интернационал!

16.V.2005 г. Иерусалим

Письма академику РАН, профессору М. Д. Голубовскому.

Письмо № 1

Дорогой друг Миша!

Высылаю тебе моего «Ленина». Именно «моего». На твои указания, что надо придерживаться некоего плана, системы, поставленной задачи и т.п., я отвечаю так: – Это вольное эссе о человеке, определившим эпоху. Понять феномен его появления и успеха. И только. Конечно, я должен придерживаться каких-то «моралистских» принципов, но и это просто необязательно. Впрочем, если у тебя достанет мужества одолеть эту сотню страниц, то ты увидишь, что в конце работы я изъясняю ее цели и предназначения.

Я дал прочесть работу нескольким своим близким друзьям. Вот эти «избранные»:

профессор Иерусалимского университета, заведующий кафедрой славистики Самуил Шварцбанд,

кинорежиссер Михаил Калик (*«До свиданья мальчики», «Человек идет за солнцем»*),

доктор Владимир Давыдович Свирский, литературовед и писатель,

профессор Эдуард Шифрин, медик с мировым именем,

профессор Арон Яковлевич Черняк, историк, библиограф, ученик Зайончковского,

доктор, историк Юрий Миллер, специалист по информатике и... спорту,

доктора медицинских наук Черняховские: Инна Юрьевна (вдова *академика Зельдовича*) и её сын Юрий Давыдович,

доктор медицинских наук Норман Сыркин,

художник-монументалист Лев Сыркин,

экономист Лора Сыркина,

писательница и переводчица Майя Улановская,

доктор Валентина Дагмарова, специалист по русской литературе,

профессор Илья Захарович Серман, специалист по русской литературе,

инженер-изобретатель Иосиф Ольшанецкий,

поэт и пародист Евгений Минин, кстати, редактор данной книги,

профессор Соломон Абрамович Могилевский – историк, специалист по Ближнему Востоку и... 2-му Интернационалу,

доктор исторических наук Мэра Наумовна Свердлова, знаток общей истории,

историк Александр Ярошевский, одно время занимавшийся биографией Ленина и другие.

Ну и, конечно, первым моим читателем была моя верная спутница доктор Инна Иосифовна Дудакова – первый и нелюбезный критик.

Их регалии я дал, чтобы указать, что это не просто читатели, а Читатели с большой буквы. На мякине их не проведешь. Четверо из вышеперечисленных: Улановская, Серман, Калик и Свирский прошли советские лагеря, остальные вполне «тёртые» советской властью. Почти все – сионисты 60-70-х годов. Ни у кого не было иллюзий. Получилась такая картина.

Михаил Калик: «Савва, ты пишешь увлекательно, и я не смею спорить с фактами. Но не это главное: главное то, что из каждой твоей строчки видно искреннее восхищение личностью: для меня не приемлемо!»

Безоговорочно восприняли Свирский, Черняховские, Черняк, Сыркины. Остальные с оговорками признали необычность изложения и удивительный подбор фактов. В этом отношении профессор Соломон Абрамович Могилевский, работник с довоенным партийным стажем, и доктор Мэра Наумовна Свердлова были удивлены не только «раритетами» фактов, но и тем, что о многом они впервые слышали. Это знаменательно. И это оправдывает название «Неизвестный знакомец». Но и это их не примирило с Вождём.

Поэт Евгений Минин, человек эмоциональный, отметил беспристрастность автора, что, по его мнению, встречается чрезвычайно редко в книгах подобного плана.

Я тебе уже рассказывал, что доклад по своей работе я читал на международной конференции в Иерусалимском университете по теме «Мессианские идеи в иудейской и славянской культурах». На мой доклад сбежались почти все участники съезда и многие посторонние.

На докладе присутствовал Толя Рубашев, старинный ленинградский друг, который на дух не воспринял мою работу, что с кротостью я принял. Так вот, Рубашев сказал, что после первых же моих слов, между залом и мною опустился прозрачный непроницаемый занавес.

Зал слушал меня почти в полном враждебном молчании за исключением одного случая, когда некий «грамотей» вдруг напал на моё заявление о почти 90% неграмотности дореволюционного российского населения. Он ляпнул что-то о «благодатных реформах Столыпина». Я растерялся: отвечать «специалисту» у меня не было сил. Страшная опустошенность. Выручил, внезапно поднявшийся, Володя Бар-Села (*Назаров – лингвист, историк и литературовед, доказавший невозможность написания «Тихого Дона» Шолоховым*), указав неучу, что понятие «грамотности» в дореволюционной России совсем не то, о чём думают наши современники: человек, умеющий подписываться своим именем, но не умеющий читать – уже считался грамотеем. (*Кстати, каждый может проверить цифры образованности дореволюционной России в словаре Брокгауза и Ефрона в старом и новом изданиях.*)

Во время перерыва совершенно растерзанный я вышел в фойе. На диване сидел профессор из Прибалтики, человек пожилой, из русской эмигрантской семьи, жившей между двумя войнами в Латвии. Жестом указал место рядом с собой и спросил:

– Савва, очень расстроились?

– Очень, – отвечал я со слезою в голосе.

– Успокойтесь. Люди – рабы сегодняшнего момента, люди с короткой памятью. И после двадцатилетия полного забрызгивания грязью бывшего кумира – что же вы хотели услышать? Но, будьте покойны: через 30 лет, то о чём вы писали станет аксиомой. Это не значит, что я хотел бы согласиться с вами – не могу! Долгих лет вам...

Профессор легко поднял своё грузное тело с низкого дивана, пожал мне руку и мы расстались... В свете всего этого вспомнилась одна вещь, которую может быть и ты вспомнишь. Это слова Суслова о романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». 30 лет всё же не 300...

Я отказался вносить в текст «почти» личные воспоминания.

Дело в том, что лет 25 тому назад в Осло я познакомился со вдовой великого пианиста Исаяи Добровейна – Марией Альфредовной. Как известно, Ленин слушал в исполнении Добровейна «Аппassionату» Бетховена и прокомментировал музыку.

Вдова рассказала об этом несколько более подробнее и отлично от советского канона. Кстати, Ленин неоднократно слушал Добровейна, а впервые ещё до революции в 1912 году, в Париже.

Мой «потенциальный» (*точнее – импотенциальный*) московский издатель – наотрез отказался от публикации «Ленина».

Пожалуй, в свой текст ничего добавлять не буду: оставлю, как есть. Хотя соблазн велик и жизнь всё подкидывает и подкидывает новые «козыри». Остаюсь преданным другом.

Твой Савва

Иерусалим.

23.V.2006г.

Письмо № 2

Дорогой Миша! Друг сердечный!

Я твоё письмо-отповедь прочитал с удовольствием. Эпистолярный дар твой бесподобен. Но со многими твоими положениями я не могу согласиться. Первое, что мы сделаем это то, что найдём важнейшую общую точку зрения. Приняв её, мы можем разрешить и разногласия.

1. Не большевики вызвали Мировой хаос. Не большевики устроили Февраль. Как явствует из фельетона Леонида Андреева – Россия сама легла под большевиков. Напомним, что за редким исключением (Москва, но это тоже не серьёзно) к власти они пришли по всей империи без большого кровопролития. Собственно везде явились группки большевиков и заменили без сопротивления дряблую власть Временного правительства.

2. Личность Николая II, который несёт персональную ответственность за Мировой пожар, за развал империи и, в конечном итоге, за свою гибель и смерть своей семьи. Следует отметить легкомыслие Александра III. «Небрежность», как сказал, великий Князь Александр Михайлович при

выборе невесты. Ведь Гессены-Дармштадтские, как было известно, страдали наследственной гемофилией. И это сыграло роковую роль в истории России и семьи Романовых.

3. Всё царствование Николая II – есть следствие его неспособности править страной. Следовала цепь ошибок, а он остановиться не мог. Нельзя сказать, что у царя не было переэкзаменовок, но он каждый раз проваливался на испытаниях.

Например, Ходынка. От такого несчастья никто не защищён. Даже сейчас на стадионах бывают безумные скопления народа; на всевозможных фестивалях, когда выступают поп-звезды – иногда кончаются трагедией. Кстати, Израиль или Россия – не исключение. Но дальнейшее поведение монарха ниже всякой критики. Он не отменил коронационный бал, как советовали ему великие князья Михайловичи. Он не изгнал из Москвы, формально несущего ответственность за катастрофу, Великого князя Сергея Александровича. Всё это легло тёмным пятном на начало царствование.

Испытание дальневосточной войны. Русская разведка имела полное представление о силе японской армии. Минимум, три эмиссара, весьма уважаемые, остерегали от Корейской авантюры: Вс. Крестовский, В.В. Верещагин и Великий князь Александр Михайлович, не говоря уже о «дядьке» Сергее Юльевиче Витте. Великий князь жил в Японии 2 года, выучил японский язык и в отчете указал время будущей войны с максимальной точностью: 1903-1904 г.г. Именно тогда, когда «макаки» закончат военно-морскую программу. Так оно и было. Война началась в январе 1904 года.

Испытание «Кровавым воскресением». Расстрел – это больше, чем глупость. Это неисправимая ошибка. Напомню я тебе один из эпизодов царствования Александра III. Державный бегемот преподал сыну урок «гибкой дипломатии». «Гатчинский пленник» имел возможность перед своим сыном продемонстрировать здравый смысл. К Гатчинскому дворцу приближалась толпа рабочих людей численностью порядка шести тысяч. Их окружили казаки и выяснили, что это крестьяне на заработках строили железную дорогу, и как водится на Руси, были обсчитаны подрядчиком. Они пришли **искать правды у доброго Государя**. Из толпы были выбраны 30 представителей и их пригласили во дворец. Дальнейшую картину нетрудно восстановить. Они попали в большую гостиную, где их лично встречал государь. Императрица *лично* преподнесла каждому *сладкой водочки* и печенье. Александр выслушал жалобы и сказал **царское слово**: «Идите с миром, а подрядчик Вам всё вернёт до копейки». Так оно и было. Это урок – не пошел впрок. Чингиз-хан с телефоном ничего лучшего не нашёл, как расстрелять монархическую демонстрацию.

И, наконец, Великая война. Персональную ответственность за самоистребление белого человека несут Вильгельм и Николай.

«Когда я нахожусь в Европе, я всегда испытываю чувство, как будто гуляю по красивым аллеям кладбища, на котором каждый камень напо-

минает мне о том, что цивилизация покончила самоубийством 1 августа 1914 г.»² И ещё. Сей внук Николая Павловича, отметил, что за предупреждение о грядущих ужасах войны националисты убили Жореса и посадили Либкнехта – оба республиканцы и социал-демократы. Возвращаясь летом 14 года в Россию, он наблюдал самоубийство целого континента. Интересный отпрыск Романовых! Для тебя, Миша. Князь скончался в 1933 году. В 1919 году в Версале он клялся перед членами американской делегации, что через 20 лет от мирного договора ничего не останется!

О царубийстве он писал, что целью любой революции является истребление правящей династии, всех до единого, и большевики вряд ли допустят якобинские ошибки. Оказывается, он читал ещё до революции статьи Троцкого. Но Александр Михайлович был намного умнее своей семьи. Да, так он писал, что у него убиты три родных брата, но имперский принцип, несомненно, важнее фамильных трагедий. «Мне пришло в голову, что хотя я и не большевик, однако не могу согласиться со своими родственниками и знакомыми и безоглядно клеймить всё, что делается Советами, *только потому*, что это делается Советами. Никто не спорит, что они убили трех моих родных братьев, но они также спасли Россию от участи вассала союзников».³ О патриотизме. Ты пишешь о естественном накале патриотизма в обществе во время войны. Миша! Да, этого не было, иначе бы война называлась Отечественной, как хотела того власть, а осталась в народной памяти, как Германская и всё тут. Патриотизм был не у окопных солдат, а у приват-доцента Милюкова, которому нужны были Дарданеллы. Естественно, 95 % россиян, что такое Дарданеллы не знали, и покидали фронт: сдавались в плен ротами, батальонами, полками. Дезертировали. И не в семнадцатом году, а в четырнадцатом и пятнадцатом. Сиё я описал частично в прошлой книге «Этюды». В главке «Евреи в Первой Мировой...» Ну и почему фокус с германскими деньгами не помог Керенскому?

А вот «патриот» генерал-атаман-писатель Краснов отдался сперва Вильгельму, а потом Гитлеру. Правда «патриот» Милюков незадолго до смерти отдался большевикам из-за побед Красной армии на фронте. «Патриотизм» я наблюдаю в Израиле. «Война до победного конца» – лозунг тех, у кого сыновья не в армии, а сбежали в Америку, Европу, вернулись в Россию(!). Повально, люди, бежавшие из Германии и их потомки, востребовали немецкие паспорта. И не только: польские, болгарские, чешские, венгерские, румынские и т.д. И если живут в Израиле, то лишь до того момента, когда корабль будет тонуть. Вот тебе и патриотизм. Абстрактный – есть. Конкретный – сложнее.

Ещё до революции поэты изощрались в презрении и в ненависти к отчизне. Брюсов писал:

*«Я действительности нашей не вижу,
Я не вижу нашего века,
Родину я ненавижу...»*

И пошел антисемит Валерий Яковлевич в конюшню имени Луначарского, с радостью, со ржаньем...

Но в случае с Лениным сложнее – красные сражались как львы. Чего не скажешь о белых, петлюровцах и так далее. Значит – идеи правят армиями. Это – так. Нравится нам или нет.

Придя к власти, Ленин и Троцкий сразу стали архипатриотами и делали всё возможное, чтобы сохранить обручи империи. И как реагировал Великий князь Александр Михайлович на то, что союзники направили военную помощь, предназначенную белым армиям, – Пилсудскому: танки, самолеты, орудия, сотни пулеметов и прочее вооружение? Князь испытывал истинную радость, когда «взбунтовавшихся поляков» гнали вплоть до Варшавы. Наверно, он расстроился, когда Тухачевский был отброшен на Восток. Далее, у Александра Михайловича дивная фраза о преемственности большевистской власти от российских корней: «Какой бы не казалась иронией, что единство государство Российского приходится защищать участникам Третьего Интернационала, фактом остается то, что с того самого дня Советы вынуждены проводить чисто национальную политику, которая есть не что иное, как многовековая политика, начатая Иваном Грозным, оформленная Петром Великим и достигшая вершины при Николае I. (!? – С.Д.)

Князь выражает уверенность, что его сыновья увидят возвращение отторженных земель, придёт конец «нелепым» прибалтийским государствам, а на Востоке, тоже придётся поломать голову картографам, меняя границы. Он предвидит поражение Польши, Германии, Румынии и Японии. Умный человек по Ленину, т.е. человек с «прожидью». Настоящим дедушкой Александра Михайловича был немецкий банкир еврей Габер (Haber) – отсылаю тебя к воспоминаниям Витте и Бенуа. Я это описал в «Этюдах». А Александр III своих кузенов «Михайловичей» за глаза называл не иначе, как «Херзонами». Впрочем, ум любого, даже самого проницательного человека ограничен. Дети Михайловича увидели победу СССР над Германией и Японией, увидели гегемонию России над Восточной Европой, но уже внуки могли лицезреть распад Великой империи. Sic transit gloria mundi! Но я в свою очередь, готов предсказать создание новой империи от Карпат до Тихого океана. Это было всегда. Авары, Гунны, Хазары, т.н. Киевская Русь, Золотая Орда, Московия, империя Петра, СССР. Будущее за империей. Если не произойдет мировой схватки с исламом и Западный мир сразу не капитулирует...

Знаешь ли ты историю спасения Александра Михайловича, его шестерых детей, вдовствующий императрицы Марии Федоровны, Великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича и ещё кого-то, кого и не упомяну, а лезть в книгу лень? Как и почему они остались в живых? Притча следующая. После Февраля 17 года вся эта группа великих князей застряла в Крыму. Их охранял матрос-большевик Филипп Львовик Задорожный. Надро же быть тому обстоятельству, что Задорожный служил у Александра Михайловича в авиации. (Александр Михайлович – основатель русского военно-воздушного флота – талантливый человек, талантливый...)

Неоднократно анархисты или какие-то псевдореволюционеры требовали от Задорожного выдать царскую семью на расправу.

Задорожный отвечал, что без подписи Ленина – никаких расстрелов не будет. Подписи Ленина не было. Запомни! **Не было.** Задорожный отстоял семью от покушений убийц с помощью... военных талантов Александра Михайловича и передал всю семью до единого германским оккупационным властям. А вскоре семья попала на британский военный корабль и была доставлена в Европу. Что случилось с матросом-большевиком – осталось неясным. Он был действительно большевиком с дореволюционным стажем.

И на требование выдачи семьи, резко отвечал представителям невесть каких-то партий приблизительно следующее: «Вы сидели до революции в тюрьме за уголовщину, а я – за политику». Слово «Ленин» в его устах было аргументом. Если бы была подпись Ленина о расстреле, то, как пишет князь, матрос его расстрелял бы. Но подписи не было. Как тебе это нравится? Почему расстреляли в Петрограде историка Николая Михайловича, а в Крыму не расстреляли? Думаю, в Петрограде это было самоуправство и страх Гришки Зиновьева, ибо здравым смыслом это не объяснить. Напомню тебе разговор бывшего премьер-министра Коковцова с Урицким, который ему понравился. Урицкий расспрашивал бывшего премьера о Николае. А разговор он закончил тем, что **большевики хотят провести открытый процесс над Николаем.** Напомню тебе, что и Любичев отзывался об Урицком с уважением... Дальше ты можешь продолжить аналогии с «подписью Ленина».

Настало время вспомнить ещё одного поэта – я, как ты правильно написал, влюблен в поэзию. Но для меня поэтические строки лишь «выкристаллизованная истина». Сейчас я для помощи себе взываю к тени Демьяна Бедного (!?). Напомню, что свою «интеллигентскую» карьеру Придворов начинал с благословения и помощи К.Р. – Константина Романова. Так вот – «Ленинь как Мессия» держится и на стихах Бедного. В ноябре 1922 года у Ленина был удар, от которого он уже не оправился. Видимо, тогда же в газете «Правда» было опубликовано стихотворение Демьяна «Моисей». Надо сказать, одно из лучших стихотворений графомана, т.к. оно зиждется на Ветхозаветном тексте. Основной смысл понятен: Моисею не дано увидеть Обетованную землю. Поэт молится, чтобы смертная чаша обошла Ильича: ибо это – несправедливо.

МОИСЕЙ.

*И рече Господь к Моисею: сия
земля, ею же кляхся Аврааму,
и Исааку и Иакову, глаголя: семени вашему дам ю.
И показах ю очесам твоим, и тамо не видеши.
«Второзаконие», 34.*

*Долгий, долгий, тернистый, мучительный путь,
И – придел роковой пред страну Обета.
Как ужасна, – ужасна! – символика эта...
Издевательство... Жуть...
В скорбных думах, с душою тревожно-недужной,*

*Суеверно молю я судьбу: «Пощади!
Требуи жертвы любой, – много жертв впереди! –
Вырви сердце моё, только нас огради,
Нас, идущих когортой стальной и дружной,
От библейской символики – злой и ненужной!»*

У Бедного есть и более простое и доступное стихотворение на ту же тему, написанное в 1923 году:

ЛЮБИМОМУ

*Живые, думаем с волнением о живом
И верим, хоть исход опасности неведом,
Что снова на посту ты станешь боевом,
Чтоб к новым нам вести победам.
В опасности тесней смыкая фронт стальной,
Завещанное нам тобой храня упорство,
Мы возбуждённо ждем победы основной,
Которой кончишь ты, любимый наш, родной,
С недугом злым единоборство!*

Жалею, что не включил Александра Михайловича и Демьяна в «Ленина» – это давало моей концепции дополнительные козыри. Так мне кажется...

И под самый конец. О категориях времени.
Молитва Н. Гумилева:

*«Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,
Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!»*

Опубликовано в 1910 году.

Действительно «прошлое – вечно».

Твой Савва.

В.И. Ленин об электро́не (Ленин и физика)

Михаил Рот, проф. физики Иерусалимского университета

В своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», изданной в 1909 г., Ленин не будучи физиком высказал гениальную догадку о том, что электрон не является предельно малой элементарной частицей, как тогда предполагали физики. В частности он писал:

«...Электрон так же неисчерпаем как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание её существования вне сознания и ощущения человека...».¹

Современная физика подтверждает догадку Ленина. Опыты по столкновению элементарных частиц, проведенные на ускорителях элементарных частиц высоких энергий, доказывают, что электрон не является простым точечным элементарным зарядом, как это часто описывают в учебниках. В действительности, электрон состоит из ядра, окружённого размытым «облаком» виртуальных частиц, появляющихся и исчезающих на поверхности этого облака парами отрицательных и положительных зарядов.²

Сильный отрицательный заряд ядра выталкивает на поверхность преимущественно отрицательно заряженную виртуальную частицу, вызывая тем самым отрицательную поляризацию «облака», создающую отрицательный заряд электрону как таковому. Согласно одной из наиболее успешных теорий элементарных частиц, кварки, образующие ядра атомов и многие другие частицы, тяжёлые бозоны и лептоны (одной из разновидностей которых является электрон) все состоят из комбинации трех типов ещё более элементарных частиц – преонов – со стабильным полуспином.³

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛЕНИНЪ как *Мессия*

¹ Б. Пастернак «Спекторский». Стихотворения и поэмы, М-Л., Советский писатель, Библиотека поэта, 1965, с.304.

² А. Н. Наумов «Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917», Нью-Йорк, 1953, т. I, с.42-44.

³ Почти все сведенья почерпнуты из сборника «Поэты 1880-1890 гг.», Библиотека поэта, Л., Советский писатель, 1972, с.420-454 и из статьи Л. Н. Иванова в «Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь», М., Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Научно – внедренческое предприятие Фианит, 1994, т.3, с. 70-71. В свете увлечения молодого Ульянова шахматами, неожиданно появление имени Аполлона Коринфского в «шахматном» романе В.Набокова «Защита Лужина». Собрание соч., М., 1990, т.2., с.28, примеч. с. 437.

⁴ А.Н. Наумов, А.Н. Наумов «Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917», Нью-Йорк, 1953, т. I, с. 67-68.

⁵ Александр Шаповалов «Ленин в ссылке (Отрывки воспоминаний)» – Красная Летопись. Исторический журнал, Л., 1924, №1(10), с. 17.

⁶ Н. Валентинов (Вольский) «Встречи с Лениным», Нью-Йорк, 1953, Из-во Чехова.

⁷ Там же. с.123-124.

⁸ Л.Д. Троцкий «Ленин, как национальный тип». Сборник «Ленин». Харьков. ЦК КСМУ. «Молодой рабочий», 1924, с. 34-35. (Разрядка в тексте – Троцкого – С. Д.)

⁹ Там же. с.33-36.

¹⁰ Первая публикация в двухтомнике «Песнослов», М., 1919 г. Публикация осуществлена литературно-издательским отделом Наркомпроса по распоряжению А. В. Луначарского. Героем сборника, кроме Ленина, возможно является Лев Троцкий. Отсюда многократное появление «Льва» – символа силы с заглавной буквы. Например: Багрянова Льва предтечи...», «В багрянова Льва ворота...», «Лев грядет...», «К пришествию Льва...», «То близится Лев – голубая звезда...» и прямо к годовщине Октября:

«Отмерили год циферблатные круги

Как Лев обручился с родимой землей»... – Николай Клюев.

«Сердце единорога». Стихотворения и поэмы. Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, СПб, 1999, с. 402-405.

И, наконец, в Гимне Великой Красной армии читаем:

«Мы – красные солдаты,

Священные штывы,

За трудовые хаты

Сомкнулися в полки.

От Ладogi до Волги

Взывает львиный гром...»

Там же. с. 416.

Стихотворение было опубликовано в годовщину образования Красной армии, создателем которой, нет причины напоминать, был Лев Троцкий.

¹¹ Николай Клюев Сочинения, Мюнхен, 1969, т.1., 499, 501.

¹² «Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог», М., 1961, с. 497.

¹³ Николай Клюев Сочинения, Мюнхен, 1969, т.2.с.197-198.

¹⁴ М. Арцыбашев «Записки писателя», Варшава, 1925, с.29.

¹⁵ Там же. с.31. Михаил Петрович Арцыбашев (1878-1927), писатель, автор скандального романа «Санин» (1907г.). В 1923 году эмигрировал в Польшу и «пасса в конюшнях пана Пилсудского» – жалкая роль большого русского писателя. Но не будем злословить. С ним произошла физическая катастрофа: туберкулез подтачивал его здоровье, он оглох и ослеп и не имел средств к существованию. Бывший «нормальным» писателем, стал откровенным черносотенцем и антисемитом. (см.: Лев Камышников. «Литературные силуэты» – «Новоселье», Нью-Йорк, 1943, № 2, с.39-40)

¹⁶ Предисловие к книге: Игорь Северянин, Архангельск, 1988, с.15.

¹⁷ И.Северянин. Стихотворения, малая серия БП, Л., 1975, с. 301.

¹⁸ Там же. с. 340.

¹⁹ «Колокола свободы чувств» – Предисловие к сборнику: Игорь Северянин. Стихотворения, малая серия БП, Л., 1975, с.31.

²⁰ «Что нужно знать», 1923 – Игорь Северянин. Стихотворения, малая серия БП, Л., 1975, с.365.

²¹ Б. Пастернак. «Высокая болезнь». БП. М-Л., 1965, с.243-244.

²² Там же. с.654-655.

²³ С. Есенин. Собр. соч., М., Госиздат Художественная л-ра, 1962, т.3, с.192-193, с.267.

²⁴ Там же. с.142-143.

²⁵ Та же. с.143-144.

²⁶ Там же. с.263.

²⁷ Б. Пастернак Стихотворения и поэмы, М-Л, Советский писатель, Библиотека поэта, 1965, примечание, с. 655.

²⁸ Нет, не всё: первая статья о В.И. Ульянове появилась в трехтомном «Энциклопедическом словаре» (издание П. П. Сойкина, СПб, 1901) под редакцией одного из самых интересных людей на рубеже веков Михаила Михайловича Филиппова (1858-1903). Этот гениальный человек волею случая родился не в эпоху Ренессанса: физик, химик, философ, писатель. Погиб при научном опыте, подобно Рихману. Я о нем много писал, как о борце против антисемитизма. Один из первых марксистов России. Переводчик Карла Маркса и Чарльза Дарвина. Публиковал Циолковского.

²⁹ А.В. Луначарский «Блок и революция» – Статьи о литературе, М., Худ. лит., 1957, с.319.

³⁰ Н.К. Крупская «Что нравилось Ильичу из художественной литературы» – сборник: «О Ленине. Воспоминания. Рассказы. Очерки», М., 1956, с.115.

К месту сказать, что Ульянов любил петь революционные песни и среди них сатирическую песенку, сочиненную Юлием Мартовым:

*«Там в России – люди очень пылки,
Там к лицу геройский наш наряд,
Но со многих годы дальней ссылки
Быстро позолоту соскоблят».* – М.А. Сильвин «К

биографии В. И. Ленина. Из воспоминаний» – Пролетарская революция М., 1924, №7(30), июль, с.78.

³¹ Н. Осинский. Статья. Сборник «Ленин», Харьков, ЦК КСМУ, «Молодой рабочий», 1924, с.43.

³² Б. Горев. Статья. Там же. с.41.

³³ Карл Радек «Портреты и памфлеты» М-Л, Госиздат, 1927, с.28. Статья писана 23 марта 1923 г. Статью Радека о Ленине я цитирую по двум изданиям: 1927 и 1933 г.г. Понятно, какое издание более свободное.

³⁴ Там же. с.28.

³⁵ С.Ф. Ольденбург «Несколько воспоминаний об А. И. и В. И. Ульяновых» – Красная Летопись. Исторический журнал, Л, 1924, №2, с.16.

³⁶ «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года», Сборник составленный А.И. Ульяновой-Елизаровой, М-Л, 1927, с.125. (Лучшая работа об Александре Ульянове: Итенберг Б.С., Черняк А.Я. «Жизнь А.Ульянова, М., 1966»)

³⁷ Там же. с. 349.

³⁸ Там же. с.351 По донесению графа Дмитрия Толстого – императору.

³⁹ А. Ф. Кони «Триумвиры». Собр. Соч. в восьми томах, М., «Юридическая литература», 1966, т.2, с.313.

⁴⁰ Там же. с. 314.

⁴¹ «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года», Сборник составленный А.И. Ульяновой-Елизаровой, М-Л, 1927, с.123.

⁴² Н.С. Таганцев «Пережитое», вып. 2., М., 1919, с.32.

⁴³ Н.А. Троицкий «Царизм перед судом прогрессивной общественности 1866-1895 гг.», М., «Мысль», 1979, с.217, 310.

⁴⁴ Ленинский сборник, М., 1970, XXXVIII, с.435.

⁴⁵ Ф.П. Богатырчук «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», Сан-Франциско, 1978, с.188-190.

⁴⁶ М.А. Сильвин «К биографии В.И.Ленина. Из воспоминаний» – Пролетарская революция М., 1924, №7(30), июль, с.78.

⁴⁷ Л.И. Троцкий «Моя жизнь. Опыт биографии», Берлин, 1930, т. II, с.91. Троцкий играл легкие партии с игроками мастерской силы. Иногда в его сочинениях проглядывает шахматный мотив, вроде утверждения, что хороший шахматист, вынужденный долго играть со слабыми игроками, теряет свою силу.

⁴⁸ Д. Сверчков «Мои встречи с В.И. Лениным», «Красная летопись». Исторический журнал, Л, 1924, №1(10), с.31-32. (Дм. Сверчков – бывший меньшевик)

⁴⁹ Н.В. Валентинов «Неизвестный Ленин», Нью-Йорк, 1952, с.77.

⁵⁰ Д.И. Ульянов «Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи», М., 1974, с.154-155. Вот мнение специалистов – братьев Карла и Яниса Бетиньш, судей конкурса, присудивших первый приз этому шедевру: «Из чрезвычайно простого и незаметного начального положения в ряде тонких и неожиданных ходов развивается роскошная главная игра.» (В. и М. Платовы Сборник шахматных этюдов, М-Л, 1928, с.29). Известен ещё один мастер, задачу – трехходовку которого решал Ленин. Это была работа знаменитого американского проблемиста Отто Вюрцбергера (1875-1951).

⁵¹ Карл Радек «Портреты и памфлеты», М., Советская л-ра, 1933, с.31.

⁵² К. А. Залесский «Кто был кто в Первой Мировой войне», Биографический энциклопедический словарь, М., 2003, с.171; см. также в кн.: А. А. Самойло «Две жизни», Л., 1963, с.214-215. *Генерал А. Самойло был военным экспертом Советского правительства на Брестских переговорах. И ещё. Ленин не отвергал принципиально возможности союза с Антантой, если Германия продолжит своё наступление. Голосование в ЦК по инициативе Троцкого дало результат шесть против пяти. Ленин продиктовал: «...уполномочить т. Троцкого принять помощь разбойников французского империализма против немецких разбойников».* (Л. И. Троцкий «Моя жизнь. Опыт биографии», Берлин, 1930, т. II, с.118)

⁵³ М. С. Коган «Очерки по истории шахмат в СССР», М-Л, Физкультура и спорт, 1938. В этой книге наиболее подробные данные об игре в шахматы Ленина.

⁵⁴ Николай Глазков «Любимая игра» – «Шахматы в СССР», М., 1981, №4, с.42. В защиту Николая Глазкова, неординарного человека и страстного «шахматомана», можно привести факт, что к столетию со дня рождения Ленина «случайно» или «неслучайно» им было написано стихотворение: «Тутанхамона видел я в гробу». В это время в Москве проходила выставка из собрания Каирского музея, и Глазков ловко воспользовался случаем... Сообщил мне об этом поэт и переводчик Лев Фрухтман.

⁵⁵ В.И. Ленин, Соч., т. XXV, изд. 3, с.511. Кажется единственный раз, когда Ленин имел отношение к «большим шахматам», произошло в 1921 году. Как известно, чемпион России гроссмейстер А.А. Алехин застрял в годы Гражданской войны на родине. После всевозможных приключений, связанных с обвинением в сотрудничестве с деникинской контрразведкой, он был спасен шахматным мастером и чекистом Яковом Семеновичем Вильнером, возможно, при участии Л.Д. Троцкого. (Последнее – антисемитами отрицается с пеной во рту). Алехин вступил в компартию и начал работать в Коминтерне. Он женится на представительнице Швейцарской компартии Анне Луизе Рюэг, которая будучи беременной, добилась встречи с Лениным и убедила его отпустить Алехина с ней в Швейцарию на роды. До встречи с вождем все инстанции отказывали Алехину в визе. Так рассказывает эту историю близкий знакомый будущего чемпиона мира. Конец быстротечной любви был обыкновенен: на Западе Алехин расстался и с женой, и партбилетом... (Ф. П.

Богатырчук «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», Сан-Франциско, 1978, с.65)

⁵⁶ П.Н. Лепешинский «На повороте» (от конца 80-х годов к 1905 г.), Петербург, Госиздат, 1922, с. 92.

⁵⁷ А. Рылов «Воспоминания», Л., 1977, с.228.

⁵⁸ Юрий Анненков «Дневник моих встреч», Нью-Йорк, Inter-Language Literature Associates, 1966, с. 256.

⁵⁹ Там же. с.264.

⁶⁰ М. Горький Собр. соч., М., Художественная л-ра, 1963, т.18, с.278.

⁶¹ Юрий Анненков «Дневник моих встреч», Нью-Йорк, Inter-Language Literature Associates, 1966, с. 268-269.

⁶² Ф.И. Шаляпин «Маска и душа», Париж, 1932, с.265-266.

⁶³ Там же. с.238.

⁶⁴ Там же. с.288.

⁶⁵ Там же. с.290.

⁶⁶ Поэт Владимир Тимофеевич Кириллов (1890-1943), уроженец «некрасовского» села Харина Смоленской губернии, профессиональный музыкант: он играл на мандолине, выступал с оркестром народных инструментов В.В. Андреева в Америке и в Западной Европе, революционер-романтик, побывший в ссылке:

«О, Рахиль, о сладкий дух акаций!

Звезды - очи, звезды в вышине.

Шепот речи, шелест прокламаций-

Это было или снилось мне?» (1920 г.)

Он погиб в сталинских застенках, постигая науку террора и вряд ли размышляя о красоте коммунизма.

⁶⁷ В.А. Карпинский «В.И. Ленин как вождь, товарищ, человек» – Сборник «Ленин – товарищ, человек», М., Политиздат, 1977, с.235.

⁶⁸ Марк Эткинд «Натан Альтман», М., 1971, с.56.

⁶⁹ П.Н. Лепешинский. «На повороте» (от конца 80-х годов к 1905 г.), Петербург, Госиздат, 1922, с.92. Лепешинский хорошо знал вождя и даже указал на его болезнь, явившуюся причиной смерти.

⁷⁰ Марк Эткинд «Натан Альтман», М., 1971, с.56.

⁷¹ Марк Шагал «Моя жизнь», М., 1994, с.133. Из главки с символическим названием «На Россию надвигаются льды».

⁷² Э.Г. (Э. Голлербах) «Художники о Ленине» – «Красная газета» от 14.IX.1927.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Савелий Дудаков «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России», М., МГГУ, 2000. с.402. Статья А.И. Куприна о Н.Л. Аронсоне впервые напечатана в «Русской газете»; цит. по перепечатке в журнале «Рассвет», Париж, 1926, №9, с.9.

⁷⁶ А.И. Куприн о Н.Л.Аронсоне «Рассвет», Париж, 1926, №9, с.9.

⁷⁷ А.З. Манфред «Наполеон», М., 1971, с.312.

⁷⁸ А.И. Куприн «Ленин (моментальная фотография)» «Неман», Минск, 1988, №4, с.26-28.

⁷⁹ А.И. Куприн Статья. Журнал «Неман», Минск, 1989, №5, с.73. Русский перевод. Несколько слов по поводу неустроенности быта первого лица государства. Анатолий Мариенгоф в воспоминаниях с удивлением и восторгом дважды говорит о том, что Ленин собственноручно накачивал примус, подогревая себя обед. «Только в моём веке председатель Совета Народных комиссаров и вождь мировой революции накачивал примус, чтобы подогреть суп... Интересный был век!» А.Б. Мариненгоф «Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги», Л., Художественная л-ра, 1991, с.343, 347.

⁸⁰ М. Горький Собр. Соч., М, Госиздат «Художественная литература», 1963, т.18., с.262.

⁸¹ Там же. с.254.

⁸² Там же. с.263. Предвиденье Мировой войны есть результат анализа создавшейся международной обстановки. Думаю, что Ленин обратил внимание на слова Энгельса написанные за 27 лет до начала бойни: «Для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размаха, невиданной силы. От 8 до 10 миллионов солдат будут душить друг друга, и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда ещё не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении 3-4 лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадёжная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; всё это кончается банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как всё это кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен; всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч.1, с.303-304) Гениальное предвиденье! И, кажется, компас Ленина на Мировую революцию и уверенность в этом росла, по мере осуществления пророчества...

⁸³ Там же. с.254.

⁸⁴ М.А. Бунин «Окаянные дни», Издательство «Заря», Лондон, Канада, 1971, с.171-172.

⁸⁵ Там же. с.41-42.

⁸⁶ М.В. Сабашников «Воспоминания», М., «Книга», 1988, с. 44-47. Глава: «Бегство Бакунина».

⁸⁷ Георг фон Раух, Густав Хильгер. «Ленин. Сталин», М., 1998, с.82-83.

⁸⁸ Ричард Роуан «Окутанный туманом», М., 1993, с.319, 320. На территории Российской империи в Финляндии действовали немецкие агенты, рекрутируя

финнов в особый батальон. Их переправляли, вероятно, через нейтральную Швецию. Личный приказ кайзера по созданию финской сепаративной единицы последовал 9 августа 1915 года. Через девять месяцев на русском фронте действовала воинская часть численностью в две тысячи человек. (См.: *Анатолий Уткин «Забывтая трагедия. Россия в Первой Мировой войне», М., Смоленск, 2000, с.148*)

⁸⁹ Лорд Берти «За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914-1919», М.-Л., 1927, примечание на стр.218.

⁹⁰ А. Дебидур «Дипломатическая история Европы», М., 1947, т. II. с.305-307.

⁹¹ А. Дж. П. Тэйлор «Борьба за господство в Европе 1848-1918», М., 1958, с.535. А.Н. Бенуа – художник и историк искусств, обращаясь к французскому послу 26 марта 1917 года, говорил, что Россия проиграла войну – нужно заключать мир и союзники должны ей вернуть слово, ибо «необходимость – закон истории». (*Морис Палеолог «Царская Россия накануне революции», М., 1991, с. 282*). С.Ю. Витте в своих воспоминаниях говоря о великом князе Николае Николаевиче, русском Главнокомандующем, называет его «человеком с зайчиком в голове». Он унаследовал в полной мере психическую ненормальность своего прадеда, императора Павла I. (С.Ю. Витте Воспоминания, М,1960, т.1, с.163; т.3, с.91) И с таким Главнокомандующим начинать войну – было безумием. Но и сменивший своего дядю сам Николай II вообще не соответствовал обстоятельствам.

⁹² С. Познер. «Дела и дни Петрограда. 1917-1921. Воспоминания – Размышления», Берлин, 1923, с.18.

⁹³ Ю.Я. Соловьев «Воспоминания дипломата. 1893-1922», М.,1959, с.284-285.

⁹⁴ Андре Тардые «Мир», М., 1943, примечание с.423.

⁹⁵ Граф В. П. Зубов «Страдные годы России. Воспоминания о Революции [1917-1925]», München, 1968, с.75. Реальная «добыча» немцев по Бресту была не столь велика. Было получено из Украины 9132 вагона хлеба (по 200 центнеров на вагон), из коих на долю Германии пришлось 7/11 добычи – 75 миллионов фунтов хлеба на 67 миллионов человек, т.е. около фунта на человека с небольшим – вот и всё, что получила Германия от своих побед и «достопадного» мира в Бресте. Повторимся: не ежедневно по фунту хлеба, а один фунт во всё время войны. Кроме того, было угнано 56 тысяч лошадей и 5(!?) тысяч голов скота. Негусто. И всё это было оплачено пребыванием на востоке 20 дивизий: 17 пехотных и трёх кавалерийских. Они бы пригодились на Западном фронте. Что же касается русского и румынского золота (добытого по Бухарестскому миру), то он был весь выдан Антанте! Учитывая долги России – это тоже немного. Все эти сведения приводит историк с мировым именем, ссылаясь на комиссию рейхстага и на немецкие издания 20-х годов. (Е.В. Тарле «Война в эпоху империализма», Сочинения, Москва, 1958 т. V, с.38) Политические потери Германии от заключения «похабного» Брестского мира, равно как и от Бухарестского, привели к тому, что Америка энергично стала участвовать в войне, посылая ежемесячно по 330 тысяч человек в Европу, тысячи стволов орудий, тысячи самолетов и сотни танков. Вудро Вильсон, возмущённый несправедливостью и бесчеловечностью

немцев, заключивших кабальные договоры с побеждёнными странами, требовал полной капитуляции «Серединных» держав, что и произошло спустя полгода. Почему я поставил восклицательный и вопросительный знаки: Наши представления городского жителя не дают общей картины. Соотнесемся в ВОВ, когда одна 3-я армия генерала Горбатова в марте 1945 года в Восточной Пруссии конфисковало 40 тысяч голов рогатого скота!. (А.В. Горбатов «Годы и войны», М, 2008, с.506)

⁹⁶ Н.П. Окунев «Дневник москвича 1917-1920», М., 1997, Серия «Редкая книга», т. I с.215.

⁹⁷ Адам Вильгельм. «Трудное решение», М., 1967, с.403.

⁹⁸ Лорд Берти «За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914-1919», М-Л., 1927, с.164.

⁹⁹ М. Горький «Владимир Ленин», Госиздат, Л, 1924, с.23.

В «Несвоевременных мыслях», говоря о большевистском сектанстве и фанатизме, также всплывает имя Аввакума, но в совершенно ином контексте: «Как для полумного протопопы Аввакума, для них догмат выше человека». (См.: М.Горький «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре», М., Сов. Писатель, 1990, с.154) Кроме Клюева и Горького на близость к староверам обратил внимание Питирим Сорокин: «Лицо этого человека содержало нечто, что очень напоминало религиозный фанатизм староверов». – Цит. по кн.: Николай Клюев «Сердце Единорога», СПб, 1999, примечание 21, с.18.

¹⁰⁰ М. Горький. «Владимир Ленин», Госиздат, Л, 1924, с.20.

¹⁰¹ К. Симонов «Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине», М., 1988, с.185. «По Сталину из всех трёх народных движений: Болотникова, Разина и Пугачева, лишь первый был безусловно крестьянским вождём революции, остальные – казаки со всеми вытекающими последствиями». Стоит добавить, что за спиной Ивана Болотникова стоял Лжедмитрий II, «шкловский вор», человек еврейского происхождения.

¹⁰² В. Спасович «Пушкин и Мицкевич» – «Вестник Европы», 1887, №4, с.768-769.

¹⁰³ В. Мандельберг «Из Пережитого», Давос (Швейцария), 1910, с.41.

¹⁰⁴ Н. Сергиевский «Ленин в ссылке» - «Красная летопись. Исторический журнал», Л, 1924, №1(10), с.15.

¹⁰⁵ Энциклопедия псевдонимов, М., Терра, 1999, с.126.

¹⁰⁶ Я не первый, который наткнулся на это. Думаю, что первыми были сотрудники института Карла Маркса и Фридриха Энгельса во времена директорства Давида Борисовича Рязанова (Гольдендаха) (1870-1938). Рязанов лично знал Ленина и мог задать ему этот вопрос...

¹⁰⁷ По-латыни «Vates» – пророк, прорицатель. Продолжим исторический экскурс: В Риме на холме носящем имя оракула Vaticinium, ныне располагается государство Ватикан. Стихотворение написано правильными «леонинскими» стихами, с не совсем ясным языком и состоит из ста стихов. Это как раз говорит о влиянии «Центурий» Мишеля

Нострадамуса. («Леонинские» стихи, названы в честь средневекового поэта Леона (XII век).

¹⁰⁸ Статья о пророчестве имеется также в «Настольном энциклопедическом словаре» М., 1892, т. IV. Издание А. Гербеля и Ко. Это как раз тот IV том, с которого начинается будущая энциклопедия братьев Гранат. Но вполне вероятно, что Ульянов мог быть знаком с «Ленинским пророчеством» и по немецким источникам.

¹⁰⁹ Кое-какие сведения о Н. Ленине – Менделееве я почерпнул в воспоминаниях И.П. Перестиани, встречавшего этого Ленина в театриках Дальнего Востока. (И. П. Перестиани «75 лет жизни в искусстве», М., 1962, с.152) Нелишне добавить, что я разыскал русскую фамилию «Ленин» ещё в начале XVIII века. Она принадлежала шуту Алексею Никифоровичу Ленину. (Я.В. Брук «У истоков русского жанра. XVIII век», М., Искусство, 1990, с.16. Иллюстрация 9.) Я внимательно всматривался в лицо серьезного господина, ничего не имеющего общего со своей профессией, в богатом шитым золотом камзоле и пытался найти «семейные черты». Как вдруг я посмотрел ещё раз на полотно и понял, что «сходство» таится в мальчишке-калмычонке, изображенным рядом с шутом. Вы помните калмыцкое происхождение старшего Ульянова? ...

¹¹⁰ Л. Толстой Дневник от 24 июля 1909 года – Л.Толстой, ПСС., М., Госиздат «Художественная литература», 1952, т.58, с. 101.

¹¹¹ М. Горький Из литературного наследия Горький и европейский вопрос. Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме, Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства, 1986, составили М. Агурский и М. Шкловская, примечание на с.90.

¹¹² В. Поссе. Воспоминания (1905-1917) Пг., Из-во «Мысль», 1923, с.88.

¹¹³ Там же. с.88.

¹¹⁴ Там же. с.89.

¹¹⁵ Там же. с.90-91.

¹¹⁶ Там же. с.90-91.

¹¹⁷ Там же. с.93.

¹¹⁸ Там же. с.95.

¹¹⁹ Там же. с.96

¹²⁰ Там же. с.22-23. Текст выделен мной. С.Д.

¹²¹ В.Г. Короленко «Жизнь и творчество». Сборник статей, М., 1922, с.15. Предисловие А.Б.Петрищева.

¹²² М.А. Сильвин «К биографии В.И.Ленина. Из воспоминаний» – Пролетарская революция, М., 1924, №7(30), июль, с.77. (Текст выделен мной – С.Д.).

¹²³ Там же... с.80,73-74, 66. Текст выделен мной. С.Д..

¹²⁴ Илья Эренбург «Люди, годы, жизнь», М., Советский писатель, 1990, т.I, с.96. (Текст выделен мной. – С.Д.).

¹²⁵ А.Ф. Ильин-Женевский. «Один день с Лениным» (из воспоминаний «витемеровца»), Л-М., 1925, с.11.

¹²⁶ Там же. с.18. 19. Следует добавить несколько слов в адрес А.Ф. Ильина-Женевского (1894–1941). Во время Октябрьского переворота он

вывел на «Штурм Зимнего» химический батальон. Фраза «милый, добрый Ильич» – неслучайная. Ф.П. Богатырчук, профессор – рентгенолог и чемпион СССР по шахматам 1927 года, а впоследствии – власовец писал об Ильине-Женевском, как об одном из немногих известных ему коммунистов, «искренне веривших в величие своего пророка Ленина. С ним можно было даже спорить на скользкие темы и высказывать мысли, не боясь, что он донесёт... У этого коммуниста было действительно человеческое лицо, но таких, как он – раз, два и обчелся» (Ф.П. Богатырчук «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту», Сан-Франциско, 1978, с.79). О еврейском происхождении Александра Федоровича известно следующее: он, как и его брат Ф.Ф. Раскольников, были незаконными детьми еврея-выкреста протодиакона Сергеевского «всех артиллерий» собора Ф.А. Петрова и дочери генерала А. В. Ильиной. Таким образом, по Ленину Ильин-Женевский попадал в категорию «русских умников»... 3 сентября 1941 года при эвакуации из осаждённого города по Ладого он был смертельно ранен осколком немецкой бомбы. В Новой Ладого его и похоронила жена...

¹²⁷ Граф В.П. Зубов «Страдные годы России. Воспоминания о Революции [1917-1925]», München, 1968, с.76.

¹²⁸ Н.П. Окунев «Дневник москвича 1917-1920», М., 1997, Серия «Редкая книга», с. 174.

¹²⁹ Там же. с.111.

¹³⁰ Илья Эренбург «Хулио Хуренито», Публикация 27 главы в журнале «Аврора», Л.,1988, №10, с.37.

¹³¹ Жан Жюль Верн «Жюль Верн», М., «Прогресс», с.8. Один из парадоксов истории: по данным библиографических справочников ЮНЕСКО в канун столетия Ленина (конец 60-х-начало 70-х годов) количество его книг и книг о нем, издаваемых во всём мире, вышло на первое место. Понятно, что после Библии, которая как бы вне конкуренции. На втором месте был Шекспир – это тоже понятно. А на третьем... писатель-фантаст Жюль Верн. Тоже мечтатель. Не надо объяснять причину высоких ленинских тиражей – они тоже находятся в области фантастики. Конечно, «принудительные» издания, но, добавим, и не только...

¹³² И.Эренбург «Хулио Хуренито» – Собрание сочинений, М., Художественная литература, 1962, т.1, с.175.

¹³³ В.С. Соловьев «Н.Г. Чернышевский – В.С. Соловьев «Литературная критика», М, 1990, с. 383

¹³⁴ И.Эренбург. «Хулио Хуренито». Публикация 27 главы в журнале «Аврора», Л.,1988, №10, с.37.

¹³⁵ Осип Мандельштам. «Сумерки свободы» – Собр. соч., т.1, Inter-Language Literature Associates, Washington,1964, p.72; Илья Эренбург «Люди, годы, жизнь», М., Советский писатель, 1990, т.1, с.250.

Образ Кремля – корабля использовали многие писатели и поэты. Это стало расхожим местом. Борис Пастернак в стихотворении «Кремль в буран конца 1918 года» из цикла «Болельщик», написанная в 1918-1919 г.г.:

*«...А иногда,
Как пригнанный канатом накороть
Корабль, с гуденьем, прочь к грядам
Срывающийся чудом с якоря,
Последней ночью, несравним
Ни с чѐм, какой-то странный весь,
Он, Кремль, в оснастке стольких зим,
На нынешней срывает ненависть.
И грандиозный, весь в былом,
Как визионера дивинация,
Несѣтся, грозный, напролом,
Сквозь неустекший в девятнадцатый».*

(Б.Пастернак, Стихотворения и поэмы, БП, М-Л., 1965, с.171).

¹³⁶ Осип Манделъштам. Собр. соч., т.1, Inter-Language Literature Associates, Washington, 1964, p.130. **Вероятно, первым поэтом, отметившим Ленина, как мировую величину, был знаменитый грузинский поэт Тициан Табидзе, который написал следующие строфы в городе Кутаиси в ночь на 25 октября 1917 года. В стихотворении присутствует дух Моряка-Скитальца, плывущего в бессмертие. Даем стихотворение в блестящих переводах Бенедикта Лившица (1937), Бориса Пастернака (1956) и Евгения Минина (2008):**

Петербург

*Здесь ветер с островов несѣтся ураганом,
Изрыт гранатами ручными тротуар.
Кому тут холодно, так это девкам пьяным.
Средь сумрачных теней, как тень, скользит Эдгар.
Два стана напряглись в бореньи неустанном,
К шинелям потным льнѣт, вяясь, белѣсый пар.
Матросские тела полощет Мойка рьяно,
Над Медным Всадником навис судьбы удар.
Кто силы разнуздал? Кто сдержит буйство танца?
В туман болотный сник руки подъятой взмах,
Лишь имя Ленина — одно на всех устах.
Вниз остов падает Летучего Голландца,
Андрея Белого промокший лает бес,
И в кашле хаоса весь Петербург исчез.*

Бенедикт Лившиц «Полутораглазый стрелец». Стихотворения. Переводы. Воспоминания». Л., 1989, с.291.

Петербург

*Ветер с островов курчавит лужи.
Бомбой взорван воровской притон,
Женщины бредут, дрожа от стужи.
Их шатают ночь и самогон.*

*Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей потных. Мгла.
Медный Всадник опускает руки.
Мойка лижет мёртвые тела.*

*Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предрешён.
Ночь запомнит только имя «Ленин»
И забудет прочее, как сон.*

*Черпая бортами мрак, в века
Тонет тень Скитальца-Моряка.*

Борис Пастернак «Стихотворения и поэмы», М-Л., 1964, с.8.

Петербург

*Морского ветра вой царит среди разрухи,
На улицах гранат разрывы всё сильней.
От холода дрожа, бездомно бродят шлюхи.
И призрачный Эдгар в сумятице теней.
Не помнит град Петра кровавей этой схватки,
А воздух пропитал шинелей едкий смрад.
И Мойка трупы трёт, упавшие с брусчатки.
И Медный всадник с них не сводит мёртвый взгляд.
Но кто же прекратит безумие раздора?
Сырой туман течёт с отчаявшихся рук.
Лишь только слово «Ленин» говорят вокруг.
Спускается «Голландец» и лает громче своры
Бес Белого Андрея, промокший и чумной.
И тонет Петербург под хаоса волной.*

Евгений Минин, MMVII anno

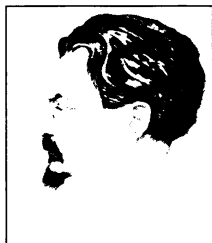
¹³⁷ Герберт Уэллс «Россия во мгле», М., Политиздат, 1959, с.10, 11.

¹³⁸ Максим Горький Собр. Соч., М, Художественная литература, 1963, т.18., с.273.

¹³⁹ Герберт Уэллс «Россия во мгле», М., Политиздат, 1959, с.28.

¹⁴⁰ Там же. с.30. Кстати, в 1922 году СССР посетил известный политический деятель Франции Эдуард Эррио. Он также замечает установление новой религии. «Икона Маркса встречаются повсюду в административных учреждениях, в казармах, в школах. Новая религия заняла место традиции, которую олицетворяет, в начале Красной площади, маленькая Иверская часовня. Манифест 1848 года – Евангелие нового режима; из него взят текст призыва, который раздаётся по всякому поводу: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» (Эдуард Эррио «Из прошлого. Между двумя войнами» 1914-1936, М., Иностранная л-ра, 1958, с.148-149) И ещё... Эррио встречался в СССР с Л.Б. Каменевым (Ленин был болен) и упрекал его за Брест-Литовский мир. Ссылаясь на опубликованные документы Ленина, Каменев напомнил,

что Советы предложили Франции возобновить борьбу, при условии, что союзники помогут восстановить армию, которая больше уже не существовала. Этот же вопрос Троцкий ставил в феврале 1918 года на заседании ЦК. Эррио поспешил встретиться с Л.Троцким, который, как выяснилось, требовал в Брест-Литовске от Германии возвращение Эльзаса и Лотарингии. После прибытия Эррио во Францию бывший посол Франции Нуланс подтвердил, что 17 декабря 1917 года Троцкий пришел к нему, чтобы изыскать средства для продолжения войны. При этом Троцкий, анализируя опасность, грозящую Франции, не выдержал и заплакал... Думаю, что это была не поза, а искренность. Развал русской армии описал и генерал Деникин в своей книге «Очерки русской смуты».

Портрет Льва Троцкого в Брест-Литовске. Худ. Эмиль Орлик

¹⁴¹ Герберт Уэллс «Россия во мгле», М., Политиздат, 1959, с.87.

¹⁴² Там же. с.43.

¹⁴³ Там же. с.50.

¹⁴⁴ А. А. Брусиллов «Мои воспоминания», Минск, 2002, с.397-398.

¹⁴⁵ Насчет дефекта зрения, Уэллс был прав. Когда Ленин читал книгу, то со стороны казалось, что он ее просто перелистывает. Оказывается, что он сразу «схватывал» 10-12 строк. Это известно в медицине. Но и нагрузка на мозг чудовищная – виденное следует осмыслить. Ольга Лепешинская «имела счастье» плыть на одном пароходе с Лениным и увидеть: он прочитал за несколько дней множество книг, что иному хватило бы на месяц. «Вы читаете или просматриваете», задала вопрос попутчица с удивлением видя, как он перелистывает страницы. Но он читал и впитывал в себя прочитанное. (О.Б. Лепешинская. «Встречи с Ильичем» – сборник «Ленин – товарищ, человек», М., 1977, с.210)

¹⁴⁶ Герберт Уэллс «Россия во мгле», М., Политиздат, 1959, с.70.

¹⁴⁷ М. Горький Собр. Соч., М, Государственное изд-во «Художественная литература», 1963, т.18., с.271.

¹⁴⁸ М. Горький. Из литературного наследия «Горький и еврейский вопрос». Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме, Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства, 1986, составители М. Агурский и М. Шкловская, примечание с. 352. О чумной ненависти к вождям революции Ленину и Троцкому А.Н. Толстой говорил И.А.Бунину: «У меня самого рука бы не дрогнула ржавым шилом выколоть глаза Ленину или

Троцкому, попадись они мне, – вот как мужики выкалывали глаза заводским жеребцам и маткам в помещичьих усадьбах, когда жгли и грабили их!». (И.А. Бунин Воспоминания. «Третий Толстой» Захаров-Москва – 2003г., с.175.)
Хорош граф, но хорош и народ-богоносец...

¹⁴⁹ Отец будущего учёного – архитектор, мать – Анна Дмитриевна, урожденная Глики, по национальности гречанка. Я в это не верю: с такой фамилией (*флексия «и» не помогает*) я встречал лишь немцев и, намного чаще, евреев. «Аидышер глик» – это еврейское счастье. Впрочем, это предположение, правда, зиждиться на «косвенных уликах»: двоюродный брат матери доктор медицины и доцент Московского университета В. Глики. Кстати, молочному брату В.Н. Ипатьева – Льву Александровичу Чугаеву (1873-1922, в 1927 году была посмертно присуждена премия им. Ленина), также известному химику! Узнал он о знаменитом брате лишь в 1907 году.

¹⁵⁰ В.Н. Ипатьев «Жизнь одного химика» Воспоминания. т. II: 1917-1930, Нью-Йорк, 1945, с.34.

¹⁵¹ Там же. с.36.

¹⁵² Там же. с.80-81.

¹⁵³ Там же. с.85.

¹⁵⁴ Там же. с.83-84.

¹⁵⁵ Давид Кинг. «Биография Троцкого в фотодокументах», Екатеринбург, 1997, с.61,41.

¹⁵⁶ В. Н. Ипатьев. «Жизнь одного химика» Воспоминания. т. II: 1917-1930, Нью-Йорк, 1945, с. 65.

¹⁵⁷ Там же. с. 86-87.

¹⁵⁸ Все сведения о биографии В. Н. Ипатьева взяты из книги воспоминаний самого героя и из книги «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века» Энциклопедический словарь, М., РОССПЭН, 1997, с.271-275.

¹⁵⁹ М. Горький «Владимир Ленин», Л., Госиздат, 1924, с.20. В большинстве других изданий – последнее предложение выброшено.

¹⁶⁰ Д. Ю. Далин «Обрывки воспоминаний» из кн.: «Мартов и его близкие», Нью-Йорк, 1959, с.112.

¹⁶¹ А. Железный «Наш друг – грампластинка», М, 1989, с.209- 252.

¹⁶² «Против антисемитизма», М., 1930, с.20, с.21. Запись «О погромной травле евреев».

¹⁶³ «Ритуальный процесс в Москве» – «Еврейская Трибуна», Берлин, 1922, №123. В «Еврейской трибуне» за тот же год, со ссылкой на московскую идишскую газету «Тог Вархейт» рассказывается о встрече с В. И. Лениным с московским раввином Мазе и профессором Лейкиным, главным раввином Поволжья. На встрече в кабинете Ленина присутствовали также М.И. Калинин и Л.Б. Каменев. Оба еврейских представителя были обеспокоены распространением антисемитизма и возможностью погромов. Они просили принять соответствующие меры. Вероятно, руководители страны успокоили делегатов, выразив при этом удивление, что не все евреи поддерживают советскую власть. Раввин Мазе ответил следующим

образом: «Идеал равенства и справедливости не чужд еврейской религии. Но всё зависит от тактики, применяемой для их достижения. Мы хотим работать путем воспитания и просвещения народа, а вы – при помощи меча». «Еврейская трибуна», Париж 1922, № 137.

¹⁶⁴ «Ленин», Харьков, ЦК КСМУ, «Молодой рабочий», 1924, с.220.

¹⁶⁵ Статья о Н. К. Крупской в энциклопедии «Книга», Б.Р.Э., 1999 г., с.350. *(Благодарю за информацию Елену Петровну и Владимира Давидовича Свирских, предоставивших в моё распоряжение редчайший материал. – С.Д.)*

¹⁶⁶ Лев Троцкий «Моя жизнь. Опыт автобиографии», Берлин, 1930, т. II, с. 259.

¹⁶⁷ С.Я. Надсон. Полное собрание стихотворений, М-Л., Советский писатель, 1962, с.371.

¹⁶⁸ А.С. Пушкин Собр. соч. М., Художественная литература, 1962, т.9. Письма 1815-1830, с.215-216.

¹⁶⁹ Внука и правнук наркома Н.А. Семашко живут в Израиле. Я знаком с ними. Правнук – врач, окончил курс университета в Иерусалиме и проходил практику в госпитале «Хадасса».

¹⁷⁰ Н. Семашко. «Вскрытие» – Сборник «Ленин», Харьков, ЦК КСМУ, «Молодой рабочий», 1924, с.215-216.

¹⁷¹ А.С. Пушкин. Собр. соч., М., Художественная литература, 1959, т.3., с.384.

¹⁷² Мих. Зенкевич. Поэты XX века (Мастера стихотворного перевода), М, Издательство «Прогресс», 1965, с.11-12.

¹⁷³ Морис Палеолог «Царская Россия накануне революции», М., 1991, с.6-7.

¹⁷⁴ Там же. с.306.

¹⁷⁵ В. Луговской "Середина века. Москва", Стихотворение и поэмы, Б.П. М-Л, 1966, с.525-526.

¹⁷⁶ Ромен Роллан «На смерть Ленина» – Ромен Роллан, Собр. соч., «Художественная литература», М., 1958, т.13, с.117.

¹⁷⁷ «Gelegentliches von Albert Einstein», Berlin, 1929, S.20-21. «Ленин называл А. Эйнштейна одним из преобразователей естествознания. В Библиотеке Ленина в Кремле около 40% фонда физико-математической литературы связаны с Эйнштейном». Из частного письма проф. А.Я. Черняка.

¹⁷⁸ Б. С. Вайнштейн «Мыслитель», М., 1981, с.26, 27.

¹⁷⁹ Владимир Луговской «Дорога» – В. Луговской. Стихотворения и поэмы, Б.П., Большая серия, М-Л., 1966, с.51. Луговскому никогда не прощали строк о России, типа «И страшная русская, злая земля» и «Будь проклят. После, нынче и раньше, дух страшного снега и страшной природы!». И к месту вспомнить великого учёного Александра Александровича Зимина, которому власть имущие не могли простить изъятия из XII века «Слова о полку Игореве» и перемещения его в XVIII век. Легче закрыть глаза на антисоветизм Зимина, чем покушения на «национальную гордость».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

- ¹ Анатолий Уткин «Забывтая трагедия. Россия в Первой Мировой войне», Смоленск, 2000, с.229, со ссылкой на сведения посла США в России Дэвида Френсиса.
- ² А.А. Самойло «Две жизни», Л., Лениздат, 1963, с.199-200.
- ³ А. А. Игнатъев «Пятьдесят лет в строю», М., 1959, т.2, с.246-247.
- ⁴ Л. Толстой, ПСС., т.11, М., Художественная литература, 1940, с.75-76.
- ⁵ Там же, т.12, с.6
- ⁶ Л.Н.Толстой. ПСС. Москва, 1954, т.73, с.186.
- ⁷ «Задонщина...», М., 1980, с.55, 97.
- ⁸ И.Тургенев, Письма, Л.,1968, т. XIII-1, примечания на с.441.
- ⁹ Н.А. Некрасов. «Забывтая деревня» – Собр. соч. М., 1965, т.1, 238.
- ¹⁰ Н.С. Лесков. Собр. соч., М., 1957, т.5, с.465.
- ¹¹ Е.В. Тарле Собр. соч., М., Издательство АН СССР, 1959, т. VII. ,с. 344.
- ¹² В.И. Танеев «Детство. Юность. Мысли о будущем», М., 1959, с. 16. Предисловие к этой книге написано профессором М.П. Баскиным.
- ¹³ В. И. Танеев «Детство. Юность. Мысли о будущем», М., 1959, с.557.
- ¹⁴ В.Ф.Марцинковский «Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России», Прага, 1929, с.126-127.
- ¹⁵ П.Н. Лепешинский. «На повороте» от конца 80-х годов к 1905 г»,., Петроград, Госиздат, 1922, с.99.
- ¹⁶ Там же... с. 216.
- ¹⁷ Там же... с. 100.
- ¹⁸ «Детям о Ленине» М-Л, 1926, с.4. Сост. Институтом по детскому чтению под ред. А. Кравченко. Рисунки Б. Кустодиева. Редактор – А. Кравченко, 1890 года рождения, член партии с 1907 года. Сообщено профессором А.Я. Черняком.
- ¹⁹ Н. А. Бердяев «Истоки и смысл русского коммунизма».
- ²⁰ Карл Радек «Портреты и памфлеты», М., Советская литература, 1933, с.27.
- ²¹ Карл Радек «Портреты и памфлеты» М-Л, Советский писатель,1927, с.28).
- ²² Е. Ямпольская «Патетическая соната» из сборника «Ленин – товарищ, человек», М., 1977, с.295.
- ²³ Р.И. Грубер «Всеобщая история музыки», М., 1960, т.1, с.120.
- ²⁴ М. В. Юдина «Вы спасетесь через музыку» Литературное наследство, М., 2005, с.205.
- ²⁵ Л.И. Троцкий «Моя жизнь. Опыт биографии», Берлин, 1930, т. II, с.210.
- ²⁶ Вл. Соловьев «Три разговора», Нью-Йорк, 1954, с.201.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

- ¹ Л.И. Троцкий «Моя жизнь. Опыт биографии», Берлин, 1930, т. II, с.168
- ² И.Эренбург, «Рвач», Париж, 1925, с.202.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

- ¹ М.А. Добровейн «На рубеже двух эпох», М., 2001, примеч. 98 с. 177.
² Вел. Кн. Александр Михайлович «Воспоминания», Захаров-Москва, 2004, с. 317.
³ Там же ... с.407.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

- ¹ В.И.Ленин, П.С.С., Т.18, Г.5, параграф 1 (5 издание, Госиздат, М., 1961), с.277.
² L.Levine, D.Kolick, B. Howell et al., Phys. Rev. Lett. 78, 424-427 (1997);
USA Today Magazine, vol. 125, issue 2625, June 1, 1997, p.10.
³ J.J. Dugne, S. Fredriksson and J.Hanson, Europhysics Letters 60, 188-194
(2002).

КЛИО, ДОЧЬ МНЕМОЗИНЫ. Слово о Друге.

*Предстала и старец прикрыл
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В приделе земли всё земное.
Евгений Баратынский.*

Нашей дружбе было всего-навсего 24 года. Именно с того дня, когда **ОН** появился в Иерусалимском университете, в Институте Восточно-европейского еврейства. Вошёл пожилой, высокого роста красавец, без всякого израильского животика. Безукоризненно одетый (как, денди, говорила его жена Юлия Максимовна) и представился: «Арон Яковлевич Черняк». (Позже я думал, что профессор-красавец и красобай, был украшением института, где он работал. А от влюблённых девиц, видимо, отбою не было.)

Было два известных профессора под фамилией Черняк. Ефим Борисович Черняк (1923–2013), почти полный современник Арона Яковлевича. Он был специалистом по секретным службам Запада и, в частности, Англии.

Наш новый знакомец был библиографом. **Одна из энциклопедий называет Арона Яковлевича создателем научной школы в области технической книги, он впервые разработал методiku и принципы её изучения. Высоченная оценка! Немногие могут похвастаться созданием своей школы. Немногие!** («Книга. Энциклопедия» М., Научное издательство, «БРЭ, 1999, с. 764. Автор статьи И.А. Шомракова)

Мы сразу понравились друг другу. Но, за почти четверть века нашего знакомства мы встретились воочию всего-навсего пять раз. Однажды он приехал ко мне в гости с женой, а остальные randevу были по случаю, в Хайфе.

Последний раз праздновали его 90-летие. Зато по телефону говорили многократно и даже по несколько раз в день. Мы должны были обсудить темы, которые интересовали обоих.

Надо же было быть такому обстоятельству, что часть моих интересов совпадали с поисками московского учёного. Я несколько раз просил, чтобы Арон Яковлевич написал предисловие или послесловие к моим книгам. Каждый раз он блистательно выполнял задачу. И я постараюсь воспроизвести его основные мысли этих глубоких очерков, естественно, со своими комментариями.

Следует рассказать о моём герое более последовательно. Родился Черняк 21 июня 1921 года в старинном городе Смоленск, где и проживал до 6 лет, когда родители переехали в сказочный городок Средней России – Ливны. Этот город спас моего героя в годы войны, о чём мы расскажем ниже. Старый засечный город, созданный для борьбы с кочевниками. Место известное с XII века. Как город основан в 1586 году Фёдором Годуновым. И в Смутное время он сыграл видную роль, перекидываясь из стана Лжедмитрия на сторону ополчения. И тогда же сложилась поговорка «Ливны всем ворами дивны» и «Ливны и Елец – всем ворами отец». Старина стучалась в окна вдумчивого мальчика. Любопытные здания, вроде Адамовой мельницы, имеющая таинственную легенду о своих владельцах. Уроженцами города были такие «исторические» деятели Российской империи, как Фёдор Васильевич Ростопчин (1763–1826), градоначальник и генерал-губернатор Москвы в годины войны 1812 года, герой «Войны и мира» Л.Н.Толстого. Великий русский актёр Пров Михайлович Садовский старший (1818–1872), отец громадного клана актёров Садовских. Особо следует отметить отца Сергия Булгакова (в миру Сергей Николаевич. 1871–1944). В наших разговорах он всплывал неоднократно, но не как земляк мудрого Арона Яковлевича, а учёный, которого от берегов СССР увёз т.н. «философский корабль», но не из Петрограда, а из Крыма. И ещё многих и многих других земляков. В 30-е годы уже прошлого года К.Г.Паустовский купил домик в Ливнах. Город был, по его словам, свидетелем начала его писательства. Многие ливенцы стали героями его произведений. Повесть «Кара-Богаз-Гол» написан в Ливнах в 1931 году. На сегодняшний день город Ливны один из самых благоустроенных и тихих уголков в постсоветском пространстве.

Наши биографии не вырастают на пустом месте. Черняк знал своих предков вплоть до прадедушки, о чём и поведал своему сыну. Но есть и ещё несколько любопытных предков, оставивших след в истории евреев и России. Одним из отдалённых предков Черняка был знаменитый Виленский гаон – Элияху бен Шломо Залман (1720–1797).

Он был не только духовным лидером «миснагдим», но и известным математиком. Другим предком был создатель идишистской классики Менделе Мойхер-Сфорим (1836–1917)! А с другой стороны – в нём течёт кровь Хвольсонов! Один из Хвольсонов – Даниил Авраамович (1819–1911) выдающийся ориенталист-семитолог и историк, исследователь земной жизни Иисуса. Почётный академик Санкт-Петербургской Академии наук. Другой – Орест Данилович Хвольсон (1852–1934) – физик, почётный академик (1920), член-корреспондент Петербургской АН (1895). И что для нас имеет непосредственный интерес это то, что, будучи признанным советским учёным, он в 1926 году получил звание Героя труда и орден Трудового Красного знамени. Но... но в области философии он был идеалистом и боролся с материализмом. За что и был осуждён Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Пути Арона Яковлевича и его отдалённого предка пересеклись на имени «Ленин». Клан Хвольсонов разросся и их теперь, что песку морского. Судите сами:

Семья

Сын – Орест Данилович Хвольсон (1852–1934), физик, женат на Матильде Васильевне Хвольсон (1854–1929).

Сын – Владимир Данилович Хвольсон (1862–1931), юрист, был женат на детской писательнице Анне Борисовне Хвольсон. Их внуки вошли в элиту аристократии, благодаря бракам за русских дворян и иностранцев.

Итак, внуки – Вера Орестовна Хвольсон (1890–1942), была замужем за старшим лейтенантом Российского императорского флота Василием Васильевичем Вахтиным (1877–1917); Константин Владимирович Хвольсон (1898–1969), военный историк; другая внучка стала княгиней Любовью Владимировной Чавчавадзе (1893–1984), женой князя Михаила Николаевича Чавчавадзе (1898–1965); третья внучка стала графиней Феофанией Владимировной Беннигсен (Бенигсен, 1887–1969), женой графа Адама Павловича Беннигсена, а их сын, правнук Владимира Хвольсона – историк-востоковед и советолог Александр Адамович (1913–1988, женат был на баронессе Елене Петровне Бильдерлинг, 1917–1996), а их дочка – праправнучка была политологом Марией Александровной Беннигсен-Броксеп (1944–2012). Вот так еврейская кровь обогащала другие народы – любимая тема разговоров с Ароном Яковлевичем. Не зря Булгаков устами Воланда говорит: «Как причудливо тасуется колода! Кровь!»

И где-то, среди этой тьмы потомков – находится семья Арона Яковлевича Черняка. Предки – это не только духовное наследство и богатство, но и моральная ответственность за будущие поколения. Короче, краткость латыни всё сводит к максиме: «Parente oblidge» - обязывающие родители!

Возможно, кое-кому из читателей прыжок в прошлое покажется излишним. Здесь несколько обстоятельств. Одно заключалось в том, что Арон Яковлевич любил генеалогию (речь идёт не только своей) и энергично обсуждал со мной проблему. Но главное, конечно, это Библия, где всё построено на генеалогии: Ной и его дети, сыновья Авраама, сыновья Исаака и борьба за «Первородство» между Яковом и Исавом. 12 ревнивых колен Израиля, разбросанных по 12 уделам, история колена Леви – Моисей и Аарон и аарониды (коены) и т.д. Эту тему не оставляет и Новый Завет, где дотошно прослеживается генеалогическая линия Иисуса Христа, которая возвела его как Мессию до потомка царя Давида.

Девятилетку (тогда среднее образование ограничивалось 9 классами) Черняк окончил с отличием и поступил на первый курс химического – промышленного института. Но шёл конец 1939 года. Сталин заключил союз с Гитлером, проявив государственный эгоизм и стяжательство. Арон Яковлевич также считал, что лишь Мюнхен 1938 года загнал Советский Союз в стан нацизма. Кстати, точно так об этом писал и Уинстон Черчилль

Арона Яковлевича отозвали из института, и он попал в Красную армию 1 января 1940 года.

*«Мы сами не заметили, как сразу
Сукном армейским начинался год».*

Павел Коган.

Служил Черняк в артиллерии на конной тяге. Здесь нужно было выучиться искусству не только артиллериста, но кавалериста. Лошадь чистили и скребли три раза в день. На смотрах командиры на белых платках проверяли чистоту интимных мест лошадей. И Черняк стал бравым кавалеристом. Сохранилась «боевая» фотография кавалериста Арона в пику антисемитам. Арон Яковлевич и конь слитны – здесь нет места сомнениям: евреи были прекрасными всадниками.

Тут я вспомнил, что чудесным образом Арон Яковлевич на коне напоминает Льва Михайловича Доватора, дублирующего актера Николая Черкасова в фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский»...

Несколько слов в адрес непосредственных командиров нашего героя: фактически уцелел от чисток один командир полка – полковник Романов. Офицер с дореволюционным стажем. Естественно, ходил анекдот о причинах «живучести» командира: один полковник Романов (Николай II) уже был расстрелян... Все остальные были «молодыми выдвиненцами».

До демобилизации оставалось полгода. С нетерпением наш герой ждал освобождения от службы, чтобы приняться опять за учёбу. Но уже в воздухе носились слухи о войне, тем более, что разгром Франции был молниеносным. Сталин остался на континенте один на один с Гитлером. Какое-то безнадежное настроение овладело советскими мыслящими людьми, как сказал о них впоследствии 6 ноября 1941 года тов. Сталин: «Перепуганные интеллигентники»:

*«Когда погребают эпоху
Надгробный псалом не звучит.
Крапиве, чертополоху
Украстить её предстоит.
И клонятся головы ниже,
Как маятник ходит луна.
Так вот над погибшем Парижем
Такая теперь тишина».*

А.А.Ахматова. Август 1940

Ей вторит бывший брат «Серапион», скорбящий о Лютеции и об Альбионе Николай Тихонов в стихотворении «Ночь»:

*«Всё спит в оцепенении одном
И даже вы – меняя сон за сном
А я, зато в каком-то чудном гуле
У тёмных снов стою на карауле
И слушаю: какая в мире тишь.
Вторую ночь уже горит Париж».*

и в другом стихотворении «Сквозь ночь...»

*«Сквозь ночь, и дождь, и ветер, щёки режущий,
Урок суровый на ходу уча,
Уходит лондонец в своё бомбоубежище,
Плед по асфальту мокрый волоча.
В его кармане – холодок ключа
От комнат, ставших мусором колючим,
...Мы свой урок ещё на картах учим,
Но снится нам экзамен по ночам».*

Заклучив договор с Германией, оказавшись в политической изоляции, Сталин чувствовал себя не совсем «уютно». У оставшейся в одиночестве Великобритании были идеалы, и британцы собирались воевать с тиранией Гитлера до второго пришествия. Будучи четырнадцатилетним подростком я так оценил политическую обстановку в 1953 году:

*«... Когда германские самолёты,
заправленные Бакинской нефтью,*

*Прочерчивали в небе над Англией чёрные смерчи,
Сэр Уинстон Черчилль сказал:
"Если надо
Мы переедем в Канаду
И продолжим борьбу годами.
Но никогда, никогда,
Англичане не будут рабами!"»*

Тягостное впечатление на население СССР произвело, по словам Арона Яковлевича, размещение немецких войск в Болгарии. Это был декабрь 1940 года. Вероятно, не менее ошеломляюще выглядела оккупация Югославии в апреле 1941 года. Это был разгром в считанные дни: вся война шла с 6 апреля по 17 апреля, до капитуляции! Вероятно, была паника, так как в Первую Мировую войну сербы сражались как львы до 1916 года. Впрочем, в будущем, когда немцы стояли у Москвы, армия Тито отвлекла на себя 10 немецких дивизий. Ровно столько, сколько не хватало фон Боку для последнего удара... Но это в будущем. А сейчас страх перед чудовищной бронированной силой.

21 июня Арону Черняку исполнилось двадцать лет. На следующий день началась война...

Молитва

*Господи ! Вступи за Советы,
Сохрани страну от высших рас,
Потому, что все твои заветы
Нарушает Гитлер чаще нас.*

Николай Глазков.

Говоря о своём друге, приходится часто произносить местоимение «Я», но без этого не обойтись. Наши общие интересы касались тысячи предметов, лежащих в разных аспектах истории: Радищев, Масоны, Декабристы, Александр II и Великие реформы, Александр III, Народовольцы, Александр Ульянов, Ленин, Троцкий, Сталин, Вторая Мировая война, Мюнхен и договор Молотов – Риббентроп, Атомная бомба и Германия, Россия накануне революции, а, следовательно, Первая Мировая война, Ленин и наука, Ленин и Троцкий в экономике, «Дело врачей» и всё сопутствующие этому «Делу», Эйнштейн и время великих физиков (Альберт Абрахам Майкельсон, в «девичестве» Михельзон, Нильс Бор по матери Адлер, Лиза Мейтер и многие другие евреи и немцы «чужаки»). Мы интересовались генеалогией еврейских крещёных фамилий, шахматами и многим ещё, о чём я надеюсь вспомнить.

Середина 90-х годов уже прошлого века было временем неожиданного успеха книги «Ледокол» «генералиссимуса» Суворова о начале Великой Отечественной войны.

Основной постулат этой работы провозглашал, что Сталин был готов нанести удар по Германии в кратчайшее время, но Гитлер опередил кремлёвского «Горца». Удивительная вещь, как на волне развенчивания личности Сталина, эта концепция получила широкое распространение. Но Арона Яковлевича на мякине нельзя было провести. Ученик Петра Андреевича Зайончковского слишком хорошо знал: видимость никогда не является сутью. Мы для сравнения вспоминали Первую Мировую войну с её реальным Вторым фронтом.

Западный фронт

*От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.*

*Всё мертво на ней: ни двора, ни куста;
Местами – два-три деревянных креста,
Местами – развалины прежних строений,
Да трупы, да трупы, – тела без движений!*

*От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
И справа и слева, – на мили, на мили, –
Валы и окопы ее обтеснили.*

*С них рушатся гулко, и ночью и днем,
Удары орудий, как сумрачный гром,
И мерно сверкают под эти раскаты
То белые вспышки, то свет розоватый.*

*От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Прошла, разделила две вражеских рати
И стала дорогой вражды и проклятий.*

*Сменяются дни; но, настойчиво, вновь
Здесь блещут штыки, разливается кровь,
И слушают люди, сгрудясь в миллионы,
Лязг сабель, свист пуль и предсмертные стоны.*

Валерий Брюсов. (30 ноября 1914 г.)

И действительно, в ПМВ Россия находилась в удивительно благоприятных обстоятельствах. Особенно в сравнении с ВОВ. Был действительный Западный театр военных действий на континенте. Англия, Франция и Бельгия сражались плечо к плечу. Затем к ним присоединилась Италия. Как ни плохо воевали итальянцы, но они отвлекли войска Австро-Венгрии от русского фронта. Затем в войну вступила на стороне Антанты Румыния. Север: Норвегия и Швеция были нейтральными странами, что давало возможность строить быстро гавань Николая II (будущий Мурманск) и получать России

военную помощь от своих союзников. Финляндия входила в состав Российской империи и посему Петербург – Петроград был недоступен с северной стороны. Япония была союзницей и продала в помощь России старые винтовки с патронами. В 1914 году Япония вернула России два броненосца и крейсер, захваченные во время Русско-японской войны. Китай поставил России миллион рабочих, которые трудились как в сельском хозяйстве, так и на заводах. В Европу их перевозила так же Япония. Исключение составляла «воинственная» Турция, мечтавшая захватить потерянные территории в войнах с Россией. Но Русский Кавказский фронт, единственный из всех фронтов воюющих стран, одерживал победу за победой, благодаря генералу Николаю Николаевичу Юденичу. Да и сама Турция вела войну на трёх фронтах: против Греции, в Синае против англичан и в Месопотамии, также против англичан, да ещё боролась с восставшими арабскими племенами.

Сейчас же было иное. На июнь 1941 года вся Европа от Бреста на Западе от Атлантики и до Бреста на Востоке и от Норвегии на Севере до Крита на Юге находилась под властью наци. Весь промышленный потенциал захваченных стран и немногих нейтральных работал на военную машину Гитлера. В своё время маршал М.Н.Тухачевский предвидел, что немцы сумеют сосредоточить на границах СССР 200 дивизий. И в действительности число сосредоточенных войск составляло 190 дивизий первого эшелона. Но дело было не только в количестве. Конечно, по Наполеону (или по Вольтеру), Бог войны находится на стороне больших батальонов, но не всё так однозначно. К 1936 году в СССР имелся выдающийся офицерский и генеральский состав. Но уже в этом году началась массовая «чистка» армии от высшего эшелона. Всего за 37-38 год было репрессировано 40 тысяч офицеров и все они, начиная с должности командира полка до маршалов. Ни одна война в мире не могла унести такого количества убиенных офицеров. При этом была выбита лучшая мыслящая часть армии. Из пяти маршалов погибло трое: гений М.Н. Тухачевский, и два маршала, командующими военными округами, Егоров и Блюхер. Остались «вживе» двое ничтожеств: Ворошилов и Будённый. «К тому же времени относится начало публикации работ одного из самых талантливых наших военных теоретиков – М. Н. Тухачевского. Ему принадлежит много прозорливых мыслей о характере будущей войны. М. Н. Тухачевский глубоко разработал новые положения теории, тактики, стратегии, оперативного искусства, показал неразрывную связь принципов и практики военного строительства с общественным строем и производственной базой страны». (Г.К. Жуков. Воспоминания.) И вот другое воспоминание Жукова: «При всём своём спокойствии Тухачевский мог проявлять твёрдость и давать отпор, когда считал это необходимым...

Ворошилов по какому-то из пунктов стал высказывать недовольство и предлагать что-то не относящееся к делу. Тухачевский, выслушав его, сказал своим обычным, спокойным голосом:

– Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок.

– Почему? – спросил Ворошилов.

– Потому, что ваши поправки являются некомпетентными, товарищ нарком.

Лучший фельдмаршал Гитлера фон Манштейн «отвечает» *«генералиссимусу»* Суворову: «Гитлер так мотивировал принятие им решения о наступлении, – что рано или поздно Советский Союз перейдет в наступление. С другой стороны, группировка советских войск на 22 июня не говорила в пользу намерения в ближайшее время начать наступление... Более всего будет соответствовать правде утверждение о том, что развёртывание советских войск, начавшееся уже с развёртывания крупных сил в период занятия восточной Польши, Бессарабии и Прибалтики, было «развёртыванием на любой случай». 22 июня 1941 г. советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения оборонь». (*Э. фон Манштейн «Утерянные победы», М., 2015, с.179-180*). Ему вторит дневник Йозефа Геббельса о днях предшествующих нападению на СССР. Министр пропаганды радуется беспечности Сталина и предвкушает быструю победу над окопаченным соседом.

Арон Яковлевич вошел в переписку с израильским профессором истории Габриэлем Городецким, который, также как и Черняк, придерживался аналогичных взглядов на надуманную проблему.

Черняк читал массу израильской прессы на русском языке. Выяснилось, что в одном из пятничных приложений была опубликована статья о Льве Толстом и приводился текст пламенной публикации в защиту евреев. Увы – это была прекрасная статья, но приписывать к ней имя великого писателя было незачем. Дело в том, что евреи, «обиженные» русскими классиками: Гоголем, Тургеневым, Достоевским, Лесковым остро переживали их «несправедливость» к Агасферу. Хотя, не всё было однозначно в их творчестве. (Скажем, у Гоголя в «Тарасе Бульбе» это был единичный случай «зубоскальной» юдофобии. Но ведь Николай Васильевич писал повесть из истории Малороссии, где **«жидотрепание» нормальное дело**. Тургенев писал не только «Жида», но и биографию Бертольда Ауэрбаха, еврея, классика германской литературы, Лесков под конец жизни создал для Министерства Внутренних Дел работу в защиту гонимого племени, рассчитавшись «за грехи молодости». Лишь Достоевский навечно запятнал своё имя **жидоморством**).

Черняк просил, чтобы я «изыскал» телефон журналистки. На мои робкие реплики, вроде того, что если дама пишет глупости – стоит ли с ней разговаривать, профессор повторял, что в статье говорится о новых открытиях в архиве Толстого. Путём длинных телефонных разговоров я вышел на нынешнего Председателя Международного Союза писателей Иерусалима – поэта Евгения Минина. У него и нашёлся сакральный телефон журналистки. Переговоры Арона Яковлевича привели в конфуз мало осведомлённую женщину. Но и даже сей маленький факт, подчёркивает дотошность учёного, жаждущего дойти «до самой сути».

Арон Яковлевич был ветераном Великой Отечественной войны и, посему, ему и карты в руки. Не успел Черняк окончить с отличием среднюю школу в 1939 году, он был призван в Красную армию. Его боевой путь – трагедия 1941 года: он воевал под Ельней и попал в Вяземское окружение, из которого ему удалось вырваться (фельдмаршал фон Бок окружил 81 [!] советскую дивизию).

Мой друг видел всю катастрофу Западного фронта. Трусость командиров, срывавших с себя знаки отличия, обмундирование и переодевавшихся в штатское, бросавших на произвол судьбы солдат, превратившихся в толпу не знающих что делать людей. Сотни целых пушек, танков, неисчислимые запасы продовольствия и амуниции – всё было брошено на радость врагу. Но среди паники, охвативших несчастных, оказались и настоящие храбрецы, которые, сколотив более – менее крупные отряды бойцов с большими потерями выходили из окружения. Черняк решил вырваться из «котла» небольшой группой, рассудив, что так легче пересечь линию фронта. Их оказалось всего двое. Другом Черняка был солдат-уйгур, обладающий удивительным чутьём. Житель лесистых гор (судя по всему из Киргизии, учитель по образованию) он «чужал» немца издали из-за употребления «фрицами» одеколона. Его «чуйка» безошибочно выбирала безопасный путь. Как бы то ни было, товарищи вышли из «котла» и выплыли из небытия у малой родины Арона Черняка города Ливны. Это само по себе – мистика. Затерявшиеся в огромном котле, они не знали в какую сторону двигаться. Внутренний компас вёл их в правильное направление. Страшнее всего было переходить Минское шоссе, по которым днём и ночью двигалась гигантская немецкая военная машина. Кормили их крестьянки и, кроме одного предательства, которое тоже обошлось, всё сходило с рук. Выходили они из окружения почти полтора месяца.

Город Ливны ещё не был занят немцами, но и советской власти уже не было. За городом нашли военкомат. Его осаждали множество «окруженцев». Вопреки устоявшемуся мнению о подозрительности органов к вышедшим из кольца, проверка была чистой формальностью

и Черняка распределили по артиллерийской профессии, задав кое-какие специфические вопросы по технике. Вероятно, в данной ситуации каждый боец был на счету, ибо человеческие резервы даже в СССР были не бездонны. Впереди была большая война.

Начиная с 1942 года по день Победы, Черняк был артиллеристом на батарее 152 миллиметровых пушек, командиром отделения вычислителей. Это был полк Резерва Главного Командования. Командиром полка был майор Шлейман. На одном семинаре, куда был приглашён и Черняк, солдат выступил с какими-то уточнениями и на него обратил внимание командир. Он его пригласил к себе (в землянку?) и спросил: откуда Арон знает о Клаузевице. Пришлось объяснить, что он много читал по военной истории и не только немецкого теоретика. Оглядев неприглядный вид своего бойца, Шлейман увидел разбитые брезентовые сапоги красноармейца. Мгновенно ему было предложено снять так называемую «обувь», и майор быстро измерил размер ног Черняка. «Зайдите ко мне через два дня», – приказал офицер. Спустя два дня майор Шлейман преподнёс Арону пару удобных кожаных сапог. Выяснилось, что свою карьеру командир полка начинал с сапожного дела. (Я вспомнил наркома Лазаря Кагановича, который тоже был сапожником – одна из самых распространённых профессий евреев до революции). Сапоги выручили Черняка во время отступления летом 1942 года. Поблагодарим майора Шлеймана за его расторопность.

Второе окружение, в котором оказался полк Черняка, был также связан с именем фельдмаршала фон Бока. Его войска перерезали железнодорожную магистраль Воронеж-Лиски. (Станция Лиски находилась в 110 км. от Воронежа). При выходе из окружения, были выведены из строя все орудия полка. Знамя было сохранено. Теряя товарищей, с трудом, перевалив реку Оскол, пешим строем они двигались в Сталинград. 22 августа их часть стали перебрасывать на Север, а на следующий день 23 августа Люфтваффе атаковала город. Немцы сделали две тысячи вылетов. Результат: сорок тысяч убитых. Это даже не Ковентри. Это уже Гамбург и Дрезден. Чудом оставшееся в целости подразделение было возвращено в Сталинград.

Затем его боевой путь связан с обороной Сталинграда, штурмом ворот Крыма – Перекопа, штурмом Севастополя, освобождение Донбасса. Воевал он в Белоруссии и Прибалтике, штурмовал Кёнигсберг. За участие в войне А.Я. Черняк удостоился почётных наград: Орден Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «за взятие Кёнигберга» и др. отличия. Весь комплекс наградений говорит о военном пути будущего учёного. Мир он встречал в Курляндии при капитуляции «самого живучего котла» немцев, т. н. «Курляндского котла смерти».

Бои шли до 23 мая 1945 года, а отчаявшиеся отдельные эсесовцы, воевали до июля месяца. А.Я. Черняк остался жить и мог сказать и о себе:

*«Евреи люди лихие.
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует рабкопе.*

.....
*Пуля меня миновала,
Чтоб говорили нежливо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!»*

Борис Слуцкий «Про евреев».

Окончилась война. «Переросток» жаждал получить высшее образование. Но технический вуз (химического машиностроения) пришлось оставить и поступить в мало престижный Областной Педагогический институт им. Н.К. Крупской на исторический факультет. Было это в декабре 1945 года. В декабре? Да! Ему пришлось сдать экстерном экзамены за первый семестр. Это было упорство солдата и семейный интеллект. Здесь судьба свела студента с профессором мирового класса Альбертом Захаровичем Манфредом (1906–1976), автором книги «Наполеон Бонапарт». (Манфред – еврей по национальности, племянник русского художника Леона Бакста). В институте он был заведующим кафедрой «Новой и Новейшей истории». Его лекции были блестящи, и они дали много любознательному слушателю. Кафедра «отличилась» в годы борьбы с космополитизмом. **Из восьми сотрудников – было семь евреев и один русский.** Такое было возможно лишь во второстепенном Вузе или на окраинах империи, которые и обогатились за счёт «космополитов». А на кафедре Русской и Советской истории блистал Пётр Андреевич Зайончковский (1903–1983), дворянин, учившийся в Киевском кадетском корпусе, в своё время скорбевший о разгроме Деникина в 1919 году. А заведующим этой кафедры был профессор Иван Антонович Казаченко, участник Белого движения, но «ожидовленный»: его жена была еврейка. Читатель! Делай вывод самостоятельно и утвердись в мысли, что **«ВЕЧНОПУШИСТЫЕ УСЫ»** были правы на 100%: космополиты – неисчислимы! Никого не касалось, конечно, что все евреи и космополиты были специалистами высшего класса. Областной институт поплатился за несоблюдение «процентной нормы» арестом нескольких профессоров и изгнанием наиболее одиозных, с точки зрения власть придержащих фигур.

К сожалению, «борьба с космополитизмом» коснулась и Черняка. Удивительно, но его обвинили в «троцкистском красноречии».

Как я понимаю, слава Богу, речь шла лишь об ораторском искусстве, но не о троцкистском содержании. Но это были ягоды.

В 1949 году институт окончен с отличием. В этот момент состоялось знакомство будущей женой Юлией Максимовной, верной подругой на протяжении свыше 60 лет. Познакомили их родственники. Свою невесту Арон Яковлевич прозывал «Тонкостанная». Она почти девочкой годы войны провела на военном заводе у станка. Это был тяжёлый труд: полуголодные дети работали на оборону Страны. И Юлия Максимовна была награждена медалями за трудовую доблесть. Верный выбор жены – это обеспеченный тыл, это дополнительная сила, держащая Черняка на поверхности нелегкой жизни, при полном расцвете антисемитизма. Жена – это бонус для научной карьеры. Это была благословенная пара. Как известно, после окончания института начинается распределение, а так как институт областной, то распределение шло по Московской области. Арон Яковлевич надеялся, что его оставят в аспирантуре, на худой конец, в пределах Москвы, но не тут-то было. Его направили в Киргизию, а Черняк давно стал москвичом, да и жена москвичка, к тому же в положении. Он отказывается от принудительного распределения и его начинают исключать из партии: а это не только гражданская смерть для историка, но и физическая. Никакой работы в этом состоянии человек не мог достать.

Но произошло чудо. Надо же быть тому обстоятельству, что во время экзекуции непокорного члена партии, «Литературная газета» (от 3 августа 1949 года, когда главным редактором был махровый антисемит В. В. Ермилов) опубликовала статью Черняка о Н.В. Калакуцком (1831–1889) под весьма «своевременным» названием «История присвоения одного русского открытия». (Николай Вениаминович Калакуцкий – генерал-майор, специалист в области артиллерии. Главный инженер Обуховского завода. Его труды по металлосведению были переведены на иностранные языки). Помогая А.З. Манфреду, Черняк обнаружил сообщение в одной из русских газет, что книга Калакуцкого имела большой успех во Франции. Но кто такой Калакуцкий, сам Манфред не знал. Не знал о нём и Зайончковский. Информации о генерал-майоре нельзя найти и в великой биобиблиографической работе П.И. Зайончковского: «Россия в дневниках и воспоминаниях».

И эта внезапная публикация помогла. Отделался Арон Яковлевич сравнительно легко: партийным взысканием.

Арону Яковлевичу показалось тогда, что его статью читал «САМ УС», и она ему понравилась. Время борьбы за русский приоритет. Я думаю, что это не исключено. Сталин внимательно следил за прессой и «Литературная газета» для него представляла интерес.

Да и Зайончковский не забыл своего ученика и нашёл ему работу в железнодорожной школе рабочей молодёжи в городке Старый Оскол.

Раз в месяц Арон Яковлевич появлялся в Москве, ибо по «железнодорожному» профилю проездной билет был для него бесплатным. Черняк был простым учителем истории, но прирождённый педагог и оратор, он сразу выделился на общем сером фоне. «Ссылка» продолжалась порядка полугода, и он был переведён завучем в железнодорожную школу, но уже на территории Москвы. Причём перевод состоялся по инициативе московского начальства.

И началось медленное восхождение к вершинам исторической науки. Учитель в средней школе рабочей молодёжи, завуч и, наконец, директор школы. Казалось, что это потолок, в невесёлое антисемитское время. Но сила воли позволила в годы «оттепели» защитить в МГУ кандидатскую диссертацию. В 1949 году Черняк пытался поступить в аспирантуру Исторического музея. Пятый пункт мешал, но на заочную аспирантуру приняли. Арон Яковлевич попросил Зайончковского быть его руководителем. Вместе они избрали название темы: «Возникновение в России сталепушечного производства и перевооружение артиллерии стальными орудиями». Автореферат вышел в издательстве МГУ, М.1955.

Выбор темы был неслучаен. Всё же большую часть войны Черняк был артиллеристом, хорошо изучившим своё военное ремесло. Вот оно и сгодилось.

Мы много говорили о «Деле врачей», которое началось значительно раньше, чем появилась публикация в газете «Правда» от 13 января 1953 года на четвёртой полосе анонимной статьи «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров врачей».

Интересно мнение самого Черняка, утверждавшего, что корни этого бреда лежат в российской истории. Мы перечисляли факты, относящиеся ко времени правления Ивана III, Василия Ивановича, стрелецкого бунта. Во времена правительницы Софьи произошло убийство двух врачей-евреев Иоганна Гадена и Гутменша, по обвинению в чернокнижии. Затем во времена холерных бунтов, где за неимением евреев убивали врачей-поляков. Даже во времена Романовых – после внезапной смерти Александра III, был обвинён молвой профессор Григорий Антонович Захарьин, еврейского происхождения (по матери Гейман), лечивший государя. И ничто не останавливало клеветников: ни слова Антона Чехова, врача по образованию, что Захарьин – Лев Толстой русской медицины. Ни то, что пациентами великого врачевателя был и сам Толстой, который восхищался трудом доктора. Но и далее, уже в Советский период после смерти В.И. Ленина, распространялись слухи об отравлении его жидами, рвущимися к власти.

Правда, здесь легко прослеживается Сталинский след. Речь идёт о просьбе «Ильича» к Сталину дать ему яд, чтобы уйти достойно и быстрее из жизни. Сталин переводит стрелки на Троцкого. А далее – загадочная смерть М.Ф. Фрунзе на операционном столе, дело профессора Д.Д. Плетнёва, «отравившего» Максима Горького и «с удовольствием кусавшего» до крови груди своих пациенток...*(Статья в газете «Правда» от 8 июня 1937 года «Профессор садист, насильник»)* На третьем процессе в Москве профессор Плетнёв шёл вместе с ещё двумя врачами профессором Л.Г. Левиным (прадед Владимира Высоцкого) и профессором И.Н. Казаковым. Да и всего и не упоминишь.

Что же касается Лидии Тимашук, то суждение Черняка совпадало с мнением и других исследователей: несчастная женщина попала под колёса государственного локомотива. Будучи опытным врачом, она сразу распознала инфаркт на кардиограмме А.А. Жданова. И сочла своим долгом (врача или секретного сотрудника – безразлично) сообщить об этом факте. Сразу возникает коренной вопрос: как опытные специалисты Пётр Иванович Егоров – основатель советской авиационной медицины, академик Владимир Никитич Виноградов – терапевт и кардиолог, Г.И. Майоров врач – невропатолог, Василий Харитонович Василенко – академик, терапевт не разглядели инфаркта на кардиограмме? Несложно понять: они выполняли «государственный заказ». Несчастные заложники времени! По национальности – русские люди... Жданов, судя по всему, имел двух всесильных врагов: Г.М. Маленкова и Л.П. Берия, боявшихся официального наци-2 Жданова. Причина – вопрос престолонаследования...

А врачу Лидии Федосеевне Тимашук поначалу выпала роль Спасителя Отечества, а после краха «Дела» презрение окружающих. Одиночество. Несчастливая женщина. Роль Жанны д'Арк была короткой. Вот уж действительно:

*Барабана тугой удар
Будит утренние туманы,-
Это скачет Жанна д'Арк
К осаждённому Орлеану.*

Михаил Светлов «Рабфаковке»

В данном конкретном случае осаждённым является Кремль, где евреи-убийцы в белых халатах готовят яды против вождей. В газетах писали о её гражданском подвиге, ей посвящали стихи. Даже дети.

*Позор вам, общества обломки,
За ваши чёрные дела,
А славной русской патриотке
На веки вечные – хвала!*

Бал был недолог. 20 января 1953 года награждение Орденом Ленина, а уже 4 апреля наступило отрезвление от страшной сказки. Врачи были невиновны. И заходили по стране частушки Петра Когана, сына профессора Михаила Борисовича (Мойша Беркович) – на своё «счастье» умершего в 1951 году до арестов. Посмертно был причислен к «отравителям». Его брат – профессор Борис Борисович (Барух Беркович) Коган проходил по «Делу врачей» и, к счастью, правда, уже после пыток, остался в живых. Вот эти «милые частушки»:

*«Дорогой товарищ Коган,
Кандидат наук!
Виновата эта погань –
Лидка Тимашук.
Дорогой товарищ Вовси,
Друг ты наш и брат!
Оказалось, что ты вовсе
И не виноват.
Дорогой товарищ Фельдман –
Ухо-горло-нос!
Ты держал себя, как Тельман,
Идя на допрос...»*

Вот и другой вариант, подслушанный в поезде знаменитым астрофизиком Иосифом Самуиловичем Шкловским (О нём вспоминал Арон Яковлевич, как о великом учёном):

*Прочитал вчера газету -
Вот что не пойму:
Как понять заметку эту?
Кто пойдёт в тюрьму?
Дорогой товарищ Вовси!
За тебя я рад.
Ты, как выяснилось, вовсе
Был не виноват.
Понапрасну ты томился
В камере сырой.
Подорвать ты не стремился
Наш советский строй.
Дорогой товарищ Коган,
Знаменитый врач!
Ты расстроен, ты расстроган –
Но теперь не плачь.
Ты расстроил свои нервы,
Кандидат наук,
Из-за суки, из-за стервы
Этой Тимашук...*

Был ещё один вариант:

*Дорогой товарищ Вовси
За тебя я рад:
Ты не отравитель вовсе,
Ты не виноват!
Дорогой товарищ Коган,
Кандидат наук
Тебя били из-за суки
Лидки Тимашук.
Дорогой товарищ Фельдман
Ухо-горло-нос,
Ты держал себя как Тельман
Идя на допрос.
Вы лечили днём и ночью,
Не смыкая глаз,
А легавая зараза
Капала на вас...*

В «Беседах с сыном» Черняк привёл удивительный факт. Спустя месяц после смерти Сталина, его послали на месячные курсы по преодолению культа личности! Это было задолго до XX съезда. Но основные положения доклада Н.С. Хрущёва были изложены на этом семинаре. Черняк вспоминает о них с удовольствием.

Следует отметить постоянный патронаж великого Петра Зайончковского, любившего высокоодаренного младшего друга. Профессор вёл с «Арошей», как он любовно называл Черняка, неформальные и, пожалуй, опасные на то время разговоры, весьма расширяющие знания благодарного слушателя. Благодаря его протекции в декабре 1956 года Черняк попал в Ленинскую библиотеку, где занимал должность главного библиографа, а затем заведующего советской власти. Посему, своему другому знаменитому ученику В.В. Похлёбкину (1923–2000), Зайончковский предложил заниматься историей русской кулинарии. Увлеченный Вильгельм Васильевич занялся кухнями народов мира и никогда не пожалел о своём выборе. «Кухня» принесла ему мировую славу. Арону Черняку Зайончковский предложил заняться историей русской науки – темой не исследованной, и, самое главное, патриотичной. Оговоримся сразу: Черняк никогда не опускался до примитивного тезиса «Россия – родина слонов». Его интеллект и такт сохранял его научную порядочность в самые суровые «годы борьбы с космополитизмом».

Новый поворот судьбы: в 1962 переход на работу в Московский институт культуры на должность ведущего специалиста истории технической книги.

Он первый в СССР вёл курсы под названием «История технической книги», «История науки и техники», «Науковедение».

В области популяризации Черняком была сделана большая работа.

Он, чуть ли не первый в стране выудил из архивов дела народовольцев после 30-ти летнего забвения. Арона Черняка пленяла высокая преданность идее, безусловное уверенность в правоте своего дела, жертвенность и мужество революционеров. В известной степени, воспевание народовольцев было гражданским протестом против сгнившей номенклатуры сегодняшнего дня. Да! Арон Яковлевич был романтик. К нему можно смело отнести строки гимна, цитируемого ниже:

*«Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою!
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою.
Если ж погибнуть придётся
В тюрьмах и шахтах сырых
Дело всегда отзовется
На коленях живых!»*

Гимн народовольцев. М.Л. Михайлов 1861.

Это дало возможность «воскресить» научную деятельность Александра Ульянова и Николая Кибальчича. Причём, должны учесть, что Кибальчич не только планировал создания межпланетных ракет, но и написал важнейший теоретический документ движения народовольцев: «Политическая революция и экономический вопрос» (1881), о соотношении экономики и политики в революционном движении. В этом труде легко прослеживается марксистское влияние. В свою очередь Кибальчич оказал влияние и на труд Розы Люксембург «Накопление капитала» (1913), которое не потеряло своё значение по сию пору.

Можно выделить в творчестве Черняка-учёного три линии. Первая касается истории пушечного дела в России. Вторая линия ведет к созданию новой науки: История технической литературы в России. Третий пласт касается истории русского народнического движения.

Работоспособность Арона Яковлевича была удивительна: с 1948 по 1991 годы – год отъезда в Израиль, Арон Яковлевич опубликовал 287 работ. Это были книги, монографии, статьи. Но и в Израиле, приехавший в 70 возрасте он написал не менее сотни работ. В том числе и предисловий к моим трём «вполне научным книгам».

Первой по времени было предисловие к книге «Ленин как Мессия» в 2007 году. Напомним, что Арону Яковлевичу было «ещё» или «уже» 86 лет. Но ясность головы была потрясающа. Он взялся за почти безнадежное дело – спасти автора от заушения от людей постперестроечного периода, страдающих особой формой дальтонизма,

умеющих лишь отличать два цвета: белый и чёрный. К счастью жизнь не только «Чёрный квадрат» Казимира Малевича или лист бумаги цвета девственного снега.

Защищая младшего друга, Арон Яковлевич проявил гражданское мужество. А гражданское мужество в России – это мужество высшей пробы. Бывает и так: можно получить золотое оружие за храбрость на Бородино, но не хватает духа выйти на Дворцовую площадь! И на Черняка накинута чёрная свора недоумков. Один из «отличившихся» опубликовал пасквиль в журнале «22». Я отреагировал мгновенно, не из-за личных амбиций. Мне, если и небезразлично мнение «псевдо оппонентов», то всё же нет желания опускаться на четвереньки и вести полемику с неандертальцами. Но не в данном случае. Я защищал не себя, а друга Арона Яковлевича и написал разгневанное письмо главному редактору журнала профессору Александру Владимировичу Воронелю. Он был удивлён моими аргументами и попросил выслать книгу. Учёный с мировым именем, отсидевший «положенный» срок в юном возрасте, принял безоговорочно мою точку зрения. Рецензент, который, даже не читал книгу, был изгнан из журнального рая, а доктор Стив Ленин опубликовал в «22» вполне благожелательную статью, защищая честь и достоинство профессора Черняка и Саввы Дудакова.

Основной постулат книги о Ленине – неизбежность появления подобной личности именно во времена краха Российской империи. Я подробно описываю обстоятельства, приведшие вождя к вершине власти. Не отрицаю самых тёмных страниц его биографии и нахожу им объяснение. Это вкратце. Перед Вами книга, которую Вы можете оценить сами. Арон Яковлевич подкрепляет мои мысли своими фактами и задаёт коренной вопрос: «Неизбежен ли Сталин в русской истории?» Он даёт исчерпывающий ответ: «Нет, не неизбежен!» Bravo! Арон Яковлевич – у меня не нашлось мужества поставить жестокий вопрос. Не говоря уже об ответе:

«На вопрос жестокий нет ответа. Тишина.

Александр Блок «Шаги командора»

Следующей моей книгой было историческое исследование о евреях в шахматах. Книга называлась «Каисса и Вотан». (Иерусалим, 2009) Собственно это книга об антисемитизме в шахматной жизни, как части антисемитизма общества, в котором мы живём. Но это лишь, одна из сторон исследования, предопределённое названием. «Каисса» – шахматная муза, а «Вотан (Один)» – древнегерманское верховное божество. Бог войны и мрака. Нацисты возобновили поклонению языческому культу в противовес иудейско-христианской гуманности. Я занимаюсь историей эстетики шахмат, восхищаюсь необычайной

красотой, возникающей на 64-х клетках. А.Я. Черняк, сам сильный шахматист-любитель, использует военную терминологию, для аргументации своих идей. Так он цитирует военного историка С.Б. Переслегина, опирающегося в свою очередь на шахматные философские труды гроссмейстера Д.Бронштейна. Для Черняка поле обзора не имеет границ: Стейниц и Тарраш, Эйнштейн и Ласкер, Ботвинник и Бронштейн и так до бесконечности. Моя книга выиграла от блестящего послесловия Арона Яковлевича.

Интересное послесловие было написано к книге «Шафиров и другие...» (Иерусалим – Москва, 2011). Черняк назвал послесловие «О Еврейском генетическом «вторжении» в Русское общество». Вот где погуляла рука мастера. Он вспомнил многие имена в истории России, потомков евреев, включая своего учителя Зайончковского, и нашёл это закономерным. Империя – и Российская не исключение, плавильный котёл, где евреи «соль соли земли, теин в чаю, букет в ароматном вине» (Н.Г. Чернышевский.) Мы можем гордиться своими соплеменниками: от Якоби до Мечникова, от Циона до Льва Берга, от Пирогова и Захарьина до Когана-Ясного. Нам несть числа...

Хочу сказать два слова о докладе А.Я. Черняка о Дудакове. Считаю самым спорным творением уважаемого Арона Яковлевича то, что касается моей персоны. Предыстория такова. В Иерусалиме вышло выдающееся издание – «Русское еврейство в Зарубежье». Вдохновителем публикации многочисленных томов был врач Михаил Аронович Пархомовский, увы, ушедший из жизни в 2015 году. Я поражался его неутомимости в работе. Человек – чудо! Книга 1 (т. 11) под шапкой «Идёмте же отстроим стены Йерушалаима» и внизу дополнение: «Евреи в Российской империи СССР/СНГ. В Эрец-Исраэль государстве Израиль». (Иерусалим, 2005), под редакцией Юлии Систер. О ней следует сказать особо. Она – ангел, спустившийся на нашу грешную землю и мой добрый друг и покровитель. Так вот, доктор Систер задумала провести конференцию по поводу вклада советских евреев в развитие науки в Израиле. Было представлено много имён, в том числе в обойму попал и мой друг профессор – медик Эдуард Шифрин, чем я особо гордился. Нашлось местечко и мне. Доклад должен был делать Арон Яковлевич Черняк. К сожалению, он был болен, и вместо него текст под названием: «Савелий Дудаков: портрет на фоне избранных мест творчества» читала Юлия Давидовна.

Я был ошарашен теми восхвалениями, которые, как полагаю, не заслужил. Более того, Арон Яковлевич цитировал приватное письмо, где я «хвастаюсь» своими достижениями». Но это была самоирония, без которой «не можно жить».

И налёт «фатовства». Мой друг не заметил лукавства в тексте письма: вот, что значит заочное знакомство! Но оставим в стороне апологию. Главное – Арон Яковлевич чутко уловил основные направления моих исследований.

На первом месте стоят исследования о генезисе «Протоколов Сионских мудрецов», где я ввёл в оборот значительное количество новых документов и новых имён, имеющих касательство к этой стряпне. Книга, вышедшая в издательстве «Наука» (М., 1993) получила» широкий резонанс. Второе место занимают генеалогические изыски еврейских корней. И здесь прорыв бы сделан на большом участке девственного прошлого. На третьем месте исследования русского сектантства, имеющего склонность к постепенному склонению в сторону иудаизма (субботники, жидовствующие, молокане, духоборы, духоносцы, ильинцы и т.д.). В их взглядах обязательно наличествует примат Ветхого Завета над Новым Заветом. В-четвёртых, будучи шахматистом, я написал оригинальную книгу об антисемитизме в шахматных кругах и исследовал эстетику этой волшебной игры. Было ещё много путей, по которым я занимался поиском. Например: «Евреи в Первую Мировую войну» – тему, которой ещё не касалась рука исследователя. Всё, написанное об этом, имеет прямое отношение к моему многострадальному народу, а также в равной степени касается истории России и далее – СССР. Я всю жизнь ощущаю свою близость к Российской империи. Недаром мой дед носил на батарее «каноны» (пушки) в Севастополе в Крымской войне!

Если же откинуть мимолётное, могу с уверенностью назвать Арона Яковлевича Черняка моим Учителем и верным другом.

Но, как заведено, любая сказка когда-нибудь кончается...

*«Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...».*

Николай Заболоцкий.

Думаю, если задать Черняку вопрос из цитаты Ивана Бунина:

– Господь сына спросит: Был ли счастлив ты в жизни земной?

– Да! – ответил бы Арон Яковлевич. – Я любил и был любим. Я создал семью, пустившую корни на Святой Земле. Я занимался любимым делом и я – защищал свой дом!

Пусть будет благословенна память о моём добром друге Ароне Яковлевиче Черняке.

Библиография Савелия Дудакова

1. Петр Шафиров. Иерусалим, 1989, 117 с.
Серия «Евреи в мировой культуре».
2. История одного мифа.
Очерки русской литературы XIX-XX вв. – М., Наука, 1993, 282 с.
3. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России.
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2000, 640 с.
4. Этюды любви и ненависти.
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2003, 542 с.
5. Ленинъ как Мессия. Иерусалим-Москва, 2007, 164 с.
6. Ленинъ как Мессия. Иерусалим-Москва, 2008, 164 с, 2-е изд.
7. Каисса и Вотан. Иерусалим-Москва, 2009, 420 с.
8. Петр Шафиров и другие. Иерусалим-Москва, 2011, 432 с.
9. КНИГА ВЕРЫ И безНАДЕЖНОСТИ, Иерусалим-Москва, 2012, 408 с.
10. Из личного архива. Иерусалим-Москва, 2014, 500 с.
11. Ленинъ как Мессия. Иерусалим-Москва, 2016, 184 с. 3-е изд.

В 2004 году был выпущен Festschrift Dr. Saveliy Dudakov.
The Hebrew University of Jerusalem.
Center for Slavic languages and Literatures.
Edited by W. Moskovich and S. Schwazband.
Посвящён 65-летию автора.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Ульянов. Знакомый незнакомец.....	9
Приложение 1.....	118
Приложение 2.....	133
Приложение 3.....	135
Приложение 4.....	143
Примечания.....	144
Клио, Дочь Мнемозины. Слово о друге.....	161
Библиография Савелия Дудакова.	182

Третье издание книги «ЛЕНИНЪ как Мессия» о жизни и политической деятельности вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ульянова (Ленина) приурочено к столетию Октябрьской революции.

Савелий Юльевич Дудаков

ЛЕНИНЪ как Мессия

Компьютерная верстка Евгений Минин

Evgarin

В ряде случаев сохранена авторская редакция

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Савелий Дудаков – историк, родился в 1939 году в Ленинграде. Автор 11 книг, мастер по шахматам.

В детстве, в 1941-1942 годах перенес блокаду.

Окончил филологический факультет института имени А. И. Герцена.

В 1971 году репатриировался в Израиль.

С 1976 года работал в институте Восточно-Европейского Еврейства при Иерусалимском университете.

В 1991 году защитил докторскую диссертацию «Антисемитская литература XIX-XX веков в России и протоколы Сионских мудрецов».

Был удостоен докторской степени Иерусалимского университета.

Лауреат литературной премии имени Леи Гольдберг

и

премии по истории

имени профессора Иосифа Клаузнера.

Савелий Дудаков один из основателей и редакторов серии «Евреи в мировой культуре».